

Appopdicub

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АФРАСИАБ

выпуск III

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1974**

902.6
А 94

В сборнике обобщены результаты исследования городища Афрасиаб — древнего Самарканда, являвшегося на протяжении тысячелетий одним из важнейших экономических, политических и культурных центров Средней Азии. Освещены различные вопросы стратиграфии, исторической топографии, ремесленных производств и денежного обращения Самарканда за период с первых веков до нашей эры до XV в. Сборник объединяет некоторые материалы раскопок 1959—1973 гг., проведенных афрасиабским отрядом.

Книга рассчитана на историков, археологов, преподавателей истории высших учебных заведений и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Узбекистана.

Ответственный редактор
акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ

Афрасиаб. Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Т.,
«Фан», 1974.
(АН УзССР. Ин-т археологии).
Вып. III. 1974. 244 с. с рис.

902.6(C52).

А $\frac{0162-256}{355(06)-74}$ 83-74

Издательство «Фан» УзССР, 1974 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕГО
САМАРКАНДА В 1973 г.

В октябре 1971 г. в Институте археологии АН УзССР был образован сектор по изучению древнего Самарканда — Афрасиаба, что явилось логическим завершением многолетней деятельности Афрасиабской экспедиции. Первоочередной задачей сектора и его полевого отряда было завершение ранее начатых объектов: объекта № 3, дворцового комплекса, квартала керамистов первой половины XI в. и соборной мечети с прилегающими кварталами.

На объекте № 3 И. Ахраровым в 1965—1966 гг. был открыт купольный дом с ганчевой панелью¹. В 1972 г. здесь вновь начаты археологические работы², а уже в 1973 г. была установлена четкая стратиграфия начиная с VI в.

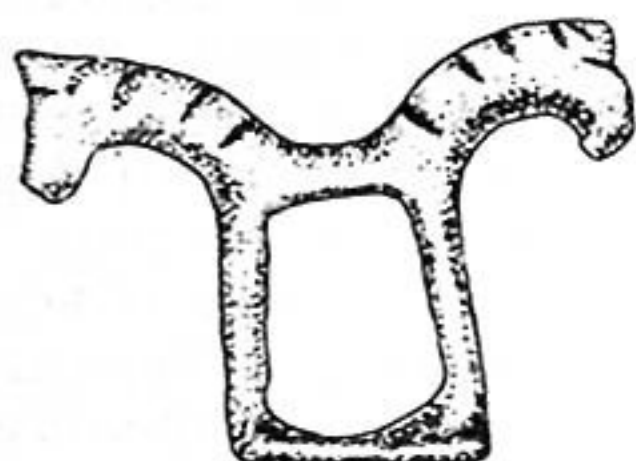
Дом VI в., вскрытие которого было главной задачей сезона 1973 г., состоял из нескольких помещений, из которых пока открыто 4 помещения и коридор. Помещение № 1 вскрыто еще в 1972 г. Помещение № 2 расположено через коридор. От помещения № 2 идет вход в помещение № 3, расположенное к востоку. К северу от помещения № 3 расположено помещение № 4, также открытое частично. Высота стен различная: западная стена до 2 м, восточная — 0,4 м, северные и

¹ И. Ахраров, Л. И. Ремпель. Резной штук Афрасиаба, Ташкент, 1971.

² Ш. С. Ташходжаев. Раскопки на Афрасиабе, сб. «Археологические открытия 1972 г.», М., 1972.

южные постепенно снижаются к востоку. Стены сложены из пахсы толщиной 1,6 м, ширина проходов 1,2 м.

Внутри комнаты завалены большими утрамбованными кусками пахсовой стены. Все стены комнат и даже проходы были покрыты монументальной росписью, которая дошла до нас плохо сохранившимися фрагментами: на северной стене коридора удалось зачистить изображение всадника, воору-

0 1 2 см

Рис. 1. Медная печатка в виде спаренных коней.

женного мечом и кинжалом; на южной стене помещения № 2—фрагмент декора, состоящего из закрашенных кругов; на южной стене помещения № 3—конское копыто. На остальных стенах местами сохранились остатки росписи в виде белых, голубых, красных и черных пятен. И в завале, и на полу керамика отсутствует. В юго-западном углу коридора найдены два маленьких медных изображения животных, куча свинцовых обрезков-отходов после вырезки украшений, лепестков, звездочек и др. Интересна медная печатка в виде спаренных коней с изображением всадника (рис. 1).

Заполнение дома показывает, что он построен на развалинах более раннего дома. Над остатками этого дома была проложена мощеная улица. На улице стоял дом, от которого сохранился один лишь угол высотой 0,3 м. Над этим же домом построено здание, относящееся к последнему периоду жизни городища или, вернее, к последнему зафиксированному стратиграфическому слою на данном пункте Афрасиаба. Последний дом датируется И. Ахраровым и Л. И. Ремпелем IX—X вв.

Раскопки показали, что дворовая часть, выложенная жженым кирпичом, находится к северу от дома; к двору ведет коридор. Позади дома расположены комната и айван. Дом состоял из внутреннего и внешнего дворов. Внутренний двор открыл И. Ахраров, внешний — мы. Топографически и

стратиграфически дом относится к самому верхнему периоду и окружен городской стеной начала XIII в. Если допустить, что последние сооружения погибли при захвате города монголами, и учесть, что сельскохозяйственные работы уничтожили верхний слой, то можно сделать вывод, что дом был построен и функционировал через один период после использования улицы под строения или в предпоследний период жизни города.

Вторым объектом исследований являлся, так называемый, дворцовый комплекс, установление его южной границы, связей с городской стеной, городским хаузом и прилегающей площадью, уточнение времени его сооружения.

С южной окраины дворца был заложен стратиграфический разрез длиной 98 м, шириной от 2 до 20 м, который переходил ложбину, третью стену и врезался в хауз. Выяснилось, что дворцовый комплекс построен впритык к внутренней крепостной стене, о существовании которой никто не предполагал. Ширина основания крепостной стены 13 м: пахсовый ряд 3 м, утрамбованная земля 2 м, кирпичная кладка 3 м, утрамбованная земля 2 м, кирпичная кладка 3 м. Наличие третьей двойной крепостной стены, оборонявшей дворцовую часть города в раннем средневековье, указывает на активное разрастание города в эту пору.

Ниже уровня основания стены расчищена водопроводная линия из керамических труб — кубуров. Линия длиной 8—10 м состоит из 11 труб и резервуара. Для укладки кубурной линии выложена специальная канавка из сырцового кирпича и пахсы. В некоторых местах для укрепления труб использованы фрагменты толстостенной керамики. Из 11 кубуров хорошо сохранилось 9, а на концах линии кубуры оказались разбитыми. Размеры кубуров: длина 0,65—0,71 м, диаметр входного отверстия 0,28—0,30 м, диаметр выходного отверстия 0,21—0,22 м, толщина стенок 1,52—2,0 см. При стыковке кубуры входят один в другой на 2—6 см. Размеры кубуров нестандартны. Но почти все они очень сходны по форме и технике изготовления. Резервуар в виде ящика сложен из толстостенной керамики, с наружной стороны он укреплен сырцовым кирпичом и пахсой.

Вероятно, резервуар являлся контрольным пунктом и из него зачерпывали воду.

Судя по стратиграфии и находкам, кубурная линия может быть датирована примерно VIII—IX вв. Еще не успев полностью засориться, линия потеряла свое значение. Внутри кубуров имеются илистые отложения толщиной 10—12 см.

Продолжение раскопа к югу проходило через третью крепостную стену и впадину — хауз. Раскоп размером 24×2 м был разбит на квадраты 2×2 м. Кроме последних трех квадратов (10—12), на всей площади раскопа удалось дойти до материка. В результате выяснилось, что третья крепостная стена ремонтировалась три раза. С наружной стороны к ней прилегает большая впадина — хауз. Под стеной расчищены три культурных слоя, резко отличающихся друг от друга по плотности и цвету. Первый слой зольного цвета с примесью угля толщиной 25—30 см лежит над лессовым материком. Найдено несколько фрагментов толстостенной керамики. Второй слой состоит из плотного грунта. В нем обнаружены фрагменты двух ножек от кубка II в. до н. э. — I в. н. э. Третий слой — пахотная земля (твердый слоистый грунт). Здесь найден единственный фрагмент кубка, датируемый I—II вв. н. э.

Над этими слоями построена третья крепостная стена из пахсы. Первоначальная стена (VI—VII вв.) сохранилась по основанию на ширину 7,50 м, а в высоту на 1,45—0,50 м. У нее расчищена достаточно хорошо сохранившаяся внутренняя сторона. К стене пристроены укрепления шириной 1 м. Внутри стены найден единственный фрагмент широкогорлого кувшина VI—VII вв.

В конце существования оборонительных сооружений (начало XIII в.) остатки первоначальной стены служили основанием (платформой) для перестройки. В это время стена полностью перестроилась, т. е. была возведена почти новая стена.

Новая стена сохранилась на высоту 2,5 м, в ширину у основания на 6 м, а вверху на 1,5 м. Внутри стены встречены мусорные слои из жженого кирпича и различной керамики. Керамика в основном поливная и датируется XII — началом XIII вв. Среди фрагментов найдены три мелких обломка от блюда с благопожелательными надписями, относящихся к X—XI вв. Видимо, они попали сюда случайно.

По стратиграфии и находкам можно заключить, что третья крепостная стена возводилась примерно в VI—VII вв.

После IX в. стена долго лежала в развалинах. Только в последнем периоде существования города был произведен капитальный ремонт-перестройка. На данном участке дневная поверхность раскопа имеет большой склон к югу, т. е. общий перепад в разрезе составил 8 м, поэтому за стеной к впадине вскрытие производилось ступеньками, с углублением на отдельных участках от 0,5—0,6 м до 8 м. В разрезе видно, что начиная с пятого квадрата исчезают культурные слои и в материке начинается резкий перепад к югу. Почти до начала 10 квадрата над материком лежит завал толщиной 0,5—0,6 м на пятом квадрате и 1—1,2 м на десятом. В середине десятого квадрата поверхность материка резко снижается. Здесь удалось выявить (в разрезе) профиль берега наиболее позднего хауза. На одиннадцатом квадрате раскоп был углублен до 5,5 м, а на двенадцатом квадрате до 8 м, но дойти до дна хауза не удалось. Находок в двенадцатом квадрате очень мало, и состоят они из мелких фрагментов поливной керамики примерно IX—X вв.

В разрезе виден чистый ил, перемежающийся четыре раза с твердым илом. Северный склон верхней части раскопа заполнен розоватой землей, комками кирпичей, т. е. отходами ремонта керамической печи. Отходы не покрыты илом, характерным для стоячей воды. Все это указывает на то, что хауз несколько раз высыхал и к концу X в. был заброшен и высох окончательно.

Небольшой раскоп производился по обе стороны естественного обрыва в 40 м к западу от южного края дворцового комплекса. До раскопок там были видны остатки каменной вымостки и кубурной линии. В результате раскопок выяснилось, что вымостка состоит из больших плит сланца и служила в свое время магистральной улицей этой части города. Над вымосткой найдены две пока не определенные монеты и фрагменты поливной керамики. Среди них особенно выделяется фрагмент блюда с надписью, датируемой XI в.

Остатки кубурной линии прослеживаются по направлению север — юг по восточной стороне обрыва на глубине 3,5 м от дневной поверхности, т. е. на 1,6 м ниже дороги. Остатки трубопровода состоят из 6 труб и тянутся на протяжении 4,5 м. Последняя труба сохранилась в длину на 0,5 м. Размеры сохранившихся кубуров: длина 0,72—0,75 м, диаметр

входного отверстия 26,5—27 см, выходного — 22—23 см, толщина стенки 1,5—2 см. Линия проложена с уклоном к югу, через каждый метр она снижается на 1—1,5 см.

Внутренняя часть всех звеньев трубопровода была забита принесенными водой осадками, образовавшими плотную массу с трудом поддающуюся расчистке, что также является подтверждением того, что система служила водопроводом. На основании анализа стратиграфии и небольшого количества керамики кубурная линия датируется VI—VII вв. В различных частях города в обрывах видны аналогичные кубуры, что указывает на наличие планированной городской сети водопровода.

Расчистки восточного коридора перед залом с момуентальной росписью и южного коридора у входа в дворцовый комплекс выявили, что это многокомнатное здание, сооруженное в середине VII в. и окончательно погибшее в 80-е годы VIII в., имело несколько периодов обживания. В одной из комнат удалось расчистить михраб с северной ориентацией, рядом с которым нашли кружку с высоким бортом и вмятинами от пальцев на тулове с аббасидской монетой плохой сохранности внутри нее. Аналогичные сосуды встречаются в Пенджикенте³, Варахше⁴ и др. городищах Согда. При расчистке южного коридора найден клад из 214 монет Тархуна, одной монеты Мاستон-Навийона и перстня-печатки с изображением горного козла (такая форма характерна для Согда⁵).

Завершено археологическое изучение квартала керамистов первой половины XI в. в центре Афрасиаба. Здесь на площади свыше 4 га располагались 14 хозяйств, 13 из них специализировались на выпуске поливной керамики, одно хозяйство принадлежало лепешечнику. Квартал с южной и восточной сторон располагался вдоль магистральных вымощенных улиц, а с северной и западной сторон ограничивался вымощенными тротуарами шириной 1—1,2 м.

³ Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг., МИА СССР, № 124, М.—Л., 1964.

⁴ В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963, стр. 64.

⁵ А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 85.

Были произведены раскопки в районе, примыкающем к соборной мечети⁶. Раскоп заложен на самом краю городища и непосредственно примыкает (частично и захватывает) к площадке, расчищенной под наблюдением Л. Г. Брусенко и Э. Ю. Буряковой. Небольшая зачистка, которую с трудом удалось произвести, обнажила перпендикулярные стены крепости. Пространство между стенами заполнено слоями красноангобированной и лощенной керамики. Керамика отнесена к периоду Афрасиаб II, что подтвердилось дальнейшими работами.

Верхние слои, с которых и началось вскрытие участка, датируются по мелким фрагментам керамики из пахсовой городской стены, проходящей вдоль обрыва, последним периодом жизни городища. С внутренней стороны к стене прилегает дорога, выложенная рваным сланцем. Первоначально грунтовая и многократно ремонтировавшаяся засыпкой выбоин битым жженым кирпичом дорога функционировала длительное время, за которое успели накопиться метровые наслоения. По другую сторону дороги протянулся городской квартал, исследуемый Л. Г. Брусенко и Э. Ю. Буряковой. И в квартале, и в дорожных слоях, и в теле стены керамика представлена поздними типами: голубая глазурь, нанесенная на черепок, частая полоса красного ангоба, цветные прозрачные глазури на кремоватом ангобе, кашинная посуда, покрытая голубой глазурью или расписанная черной краской под бесцветной или голубой глазурью.

Сильно уплотненные слоистые уровни обнаруживались и ниже позднейшей дороги. Они примыкают к стене значительно более раннего, чем верхняя, времени, сложенной из продолговатого сырцового кирпича $48-50 \times 27-28 \times 9-10$ см. Один из уровней осваивался ремесленниками, следы деятельности которых сохранились лишь в остатках (до 0,5 м в диаметре) горнов. Стена из сырцового продолговатого кирпича и слоистые уровни, прилегающие к ней лежат на зольно-гумусных отвалах. Стену и слои трудно датировать из-за скудности материала. Только одна из прослоек дала керамику с голубовато-зеленой надглазурной росписью, позволяющей предварительно отнести эти накопления к IX в., хотя сама стена пред-

⁶ Раскопки Г. В. Шишкиной.

ставляется несколько более ранней. Керамика из зольно-гумусных слоев оказалась значительно древней, чем керамика из перекрывающих слоев. Ряд форм свидетельствует о явном переходе к средневековью: широкогорлые сосуды без ангоба, очажные подставки формы типичной для V—VI вв., и в то же время некоторый процент кубков на неустойчивой ножке. Слой можно отнести к переходному этапу от периода Афрасиаба IV в. к периоду Афрасиаба V в. Зольно-гумусные слои перекрывают городскую стену, сложенную из квадратного кирпича $36 \times 36 \times 15$ см.

Со стороны, обращенной в сторону обрыва, стена много раз ремонтировалась, причем основание ремонтных кладок значительно (до 1 м) выше основания основной кладки. Первая ремонтная стена сложена из того же квадратного кирпича. Остальные состоят из нешироких пахсовых перегородок и забутовок. Характер керамики из слоев, закрывших ремонтные кладки, сохраняет все те же переходные признаки.

Понижение на один штык лопаты на площади одного двухметрового квадрата уже дало керамику, по всей вероятности, периода Афрасиаб III, а может быть более раннего времени. Таким образом, раскоп не дал сплошной стратиграфии ни городских укреплений, ни культурных наслоений. Объяснить это можно интенсивным строительством на краю города, где беспрестанно сносились одни и возводились или ремонтировались другие стены. Здесь не сохранились стены начала жизни города, хотя и к западу, и к востоку от участка они зафиксированы. Снесены слои (видимо, вместе со стенами) периода Афрасиаб IV. Совершенно отсутствуют какие бы то ни было признаки обживания или фортификационного строительства в VI — начале VIII вв. Это легко объяснимо наличием крутых и неприступных обрывов Сиаба.

Весной 1973 г. продолжались исследования участка, расположенного на северной окраине городища у обрыва Сиаб⁷, восточнее раскопок Г. В. Шишкиной.

За 1972—1973 гг. на данной территории удалось выявить четыре строительных периода.

В верхнем слое расчищена дорога из рваного чупанатинского сланца и булыжника. В 1929 г. В. Л. Вяткин на этом

⁷ Раскопки Л. Г. Брусенко и Э. Ю. Буряковой.

же месте на краю обрыва обнаружил какой-то настил из булыжника и рваного камня, уходивший под откос слишком круто для того, чтобы служить мостовой. Здесь же найдена монета Мухаммада б. Текеша (1200—1220 гг.)⁸.

Дорогу удалось проследить на довольно значительном расстоянии. Расположена она на краю городища в направлении запад — восток. С северной стороны к ней примыкает ряд помещений, уровень пола которых гораздо ниже уровня дороги. К югу от дороги стоит тонкая стена из сырцового кирпича $25,5 \times 25,5 \times 4$ см. Отдельные участки стены выложены из обломков жженого кирпича. Рядом со стеной расчищен огромный завал из битого жженого кирпича. Под ним зафиксирован пол, выстланный мелким галечником. Комплекс керамики, найденный на дороге и в перекрывающем ее слое, представлен фрагментами фаянсовых чаш на высоком кольцевом поддоне с коричневато-золотистой люстровой росписью по белому фону и росписью в виде растительных завитков; фаянсовыми светильниками со смятым сливом на высокой ножке, покрытыми голубой поливой; чашами с лессовым черенком и зеленой одноцветной глазурью. Аналогичная керамика обнаружена в отвалах гончарной печи XII — начала XIII вв. на юге Афраснаба Н. Б. Немцевой⁹.

Комплекс керамики, обнаруженной в верхнем слое, позволяет отнести его к XII — началу XIII вв. Эту датировку подтверждает найденная здесь монета этого времени.

Следующий период представлен целым рядом помещений жилого и производственного характера. Зафиксировано до трех уровней полов при использовании тех же стен с незначительной перепланировкой. Стены верхних помещений сложены из сырцового кирпича размером $20 \times 40 \times 8$ см, нижних — из кирпича размером $25 \times 45 \times 10$ см. По керамике, обнаруженной на полах помещений, время функционирования помещений укладывается от начала IX до начала XI вв.

Весь комплекс жилых помещений прорезают расположенные выше погребения — типичные мусульманские захоронения с северо-западной ориентацией костяков. Ниже жилого

⁸ В. А. Шишкин. В истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 94.

⁹ Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афраснаб, сб. «Афраснаб», вып. I, стр. 196—197.

комплекса IX—X вв. расположен слой с включениями керамики V—VI вв., VII—VIII вв.

На краю городища на глубине 3 м в небольшом кувшинчике обнаружен клад из 1500 обол с изображением на аверсе головы правителя, повернутой влево (рис. 2). На некоторых изображениях на затылке надпись на согдийском языке. На реверсе лучник с прямостоящим луком. Клад спущен с уровня раннего средневековья (VI—VII вв.).

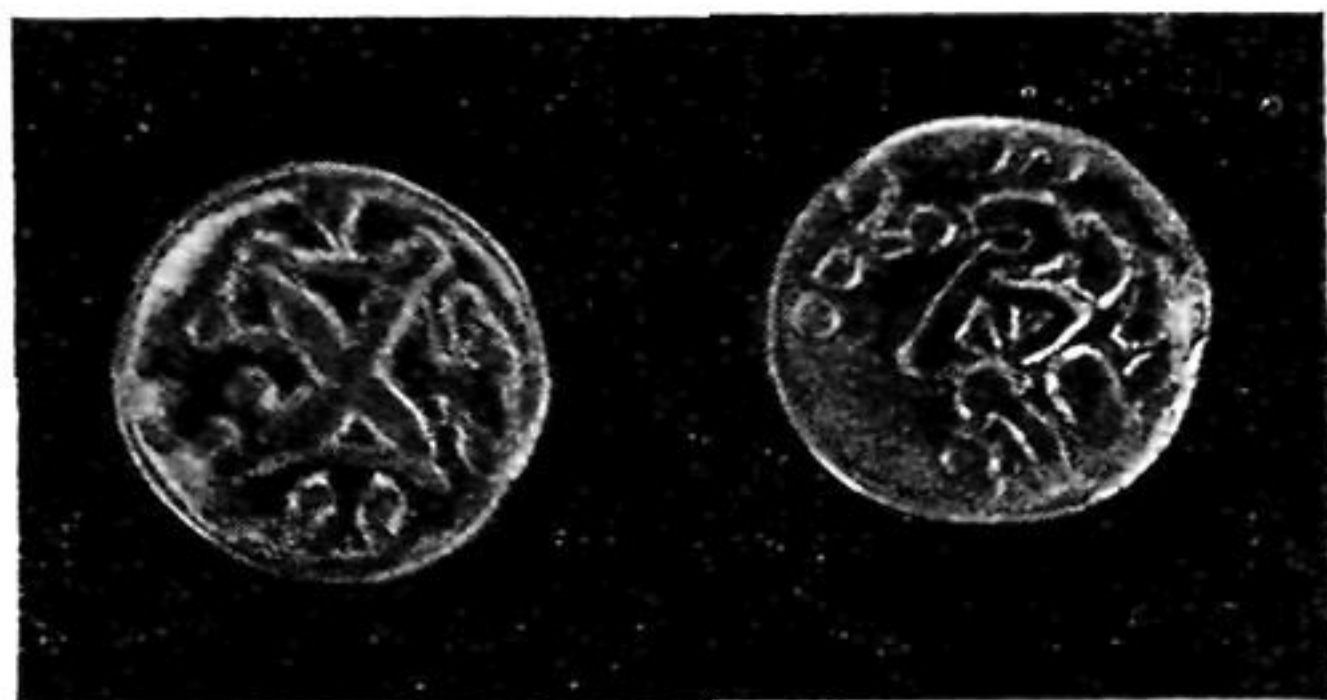

Рис. 2. Согдийский обол из клада, найденного на городище Афрасиаб.

Слои ниже III в. н. э. по всему Афрасиабу смешаны, и публикуемые материалы зачастую извлечены из мусорных или иных ям¹⁰. Очень редко встречаются остатки жилищ более раннего периода. Отсюда и разновременные датировки тех или иных комплексов керамики¹¹. На рубеже III в. н. э. город был как бы сnivelирован, строения снесены и утрамбованы. Для восточной части города это явление характерно

¹⁰ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, СА, 1969, № 1.

¹¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950; Он же. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда, СА, 1972, № 3, стр. 90; Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 221; С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, стр. 16.

для V в.). На этих площадках город отстраивался как бы заново. Насколько отмечаемое явление характерно для всего Афрасиаба покажут будущие исследования. Сокращение, а затем постепенное развитие города, отмеченное появлением стен, и реконструкция города¹² являются следствием социально-экономических и социально-этнических явлений.

Монеты для определения были показаны М. Е. Массону, который отметил, что мелкие серебряные скифатные монетки принадлежат согдийскому чекану. Они относятся к так называемой группе монет «Багадата» и «Спабариса» (чтение условное), связанной с более ранними скифатными монетными кружками, выбивавшимися в подражание селевкидским, и у которых на аверсе помещен бюст усатого правителя влево с ниспадающими на плечи волосами, с полумесяцем на плече и согдийской легендой позади, а на реверсе фигура воина с луком в руке, монограмма и искаженная греческая легенда
[B]ΑΣΙΛΕΩΣ[Α]ΝΤΙΟΧΟΥ

Есть несколько категорий серебряных скифатных гемм, драхм и оболлов и даже не скифатных с аналогичным изображением на реверсе, являющимся своего рода династическим символом.

Подобные монеты, в частности с легендами, читаемыми некоторыми учеными как «Багадат» и «Спабарис», распространены на территории бывшей Согдианы. В научной литературе такие монеты впервые зарегистрированы в Джизаке в 1891 г. Такого рода монеты были довольно обычны на упоминавшемся Самаркандском антикварном рынке, где расценивались очень дешево, поскольку на них не было большого спроса. Восемь монет из местного клада имелось в коллекции Б. Н. Кастальского. 89 экземпляров встречены Г. В. Григорьевым на Талибарзу. Несколько монетных кружков найдено на городище у Пенджикента в первый год работ экспедиции под руководством А. Ю. Якубовского. В 1965 г. одна монета этой группы была добыта при раскопке кургана Придаргомской степи в районе Миранкуля О. В. Обельченко, ошибочно определившим ее как принадлежащую «Уркоду, сыну Уркода».

¹² Ш. С. Ташходжаев. Динамика развития раннесредневекового Самарканда, сб. «Древний город Средней Азии», Л., 1973, стр. 31.

Афрасиабский клад 1973 г. состоит из обломов этой категории монет и только один кружок является, видимо, диаволом, что можно будет уточнить после взвешивания. Варианты изображений как головы правителя влево (иногда с согдийской легендой) на аверсе, так и фигуры стоящего прямо воина с луком (иногда с наложенной на него стрелой и палицей в правой руке) убедительно свидетельствует, что обнаруженные в кладе монеты чеканены многими штампами, возможно, при различных правителях самаркандской династии одного из кангюйских владений.

Время выпуска монет Афрасиабского клада — вероятнее всего вторая половина II — первая половина I вв. до н. э.

Однако О. И. Смирнова¹³ и Е. Зеймаль¹⁴ датируют подобные монеты без сопутствующего археологического материала V—VI вв.

Для установления точной датировки монет необходимо дальнейшее исследование в более широком масштабе слоя, где найдены монеты. На монетах отчеканены портреты 14 правителей. Эпиграфический анализ надписей, искусствоведческий — портретов и иконографический — лучников, возможно, расставят датировки на определенный исторический отрезок времени где-то посередине от отмеченных выше двух крайних датировок.

Археологические раскопки проводились и на территории соборной мечети городища Афрасиаб¹⁵.

Общая площадь раскопок 400 м². Раскопки начались от мехрабной стены к юго-востоку на всей площади мехраба.

Под метровым пластом отвалов раскопок 1904, 1905 гг. В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина обнаружен рыхлый слой строительного завала толщиной около 1,5 м, образовавшийся при разрушении мечети монголами, из обломков жженого кирпича, ганча (сырец), гальки и древесного угля. На площади примерно 6×8 м встречено более 20 кусков разной облицовочной терракоты, а также фигурные шлифованные кирпичики.

¹³ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пянджикент, М., 1963, стр. 35.

¹⁴ Е. В. Зеймаль. Талибарзинский клад монет с изображением лучника, «Сообщения Государственного Эрмитажа», 1972, вып. 34, стр. 72—74.

¹⁵ Раскопки М. Саъдиева.

Под полом вскрыты остатки здания из трех помещений и двора, а также суфа. Пол мечети обмазан ганчевым раствором с галькой. Толщина обмазки 3 см. Все три помещения обнаружены в юго-восточном углу мехрабной части двора мечети.

Помещение № 1, вытянутое с запада на восток, находится в восточной части мехраба и занимает площадь $20 \times 2,2$ м. Стены оштукатурены глиной с саманом, толщина штукатурки 2—3 см. Стены сложены из пахсы и сырцового кирпича. Пол помещения выложен сырцовым кирпичом плашмя. Кирпичи уложены перемежающимися рядами: один ряд в ширину, другой в длину. Щели между кирпичами 1,5—2 см. Размеры кирпича $45 \times 22 \times 40$ см. Вход в жилое помещение находится в юго-восточном углу южной стены, ширина входа, ведущего на юг, (в виде коридорчика) 0,5 м, длина 2,6 м, высота 1,1 м. С юга помещение № 1 соединялось проходами с помещением № 2. Восточная часть коридора сложена из сырцового кирпича размером $45 \times 22 \times 10$ см на глиняном растворе, ширина щели между кирпичами 7 см. Стенка оштукатурена глиняным раствором, на котором видны остатки росписи красного-голубого цвета. Стену вновь оштукатурили, а вход заложили сырцовым кирпичом ($45 \times 22 \times 10$ см) в 10 рядов.

У выхода из первого помещения обнаружена яма шириной 0,5 м, нижняя часть которой идет далеко вглубь под стену коридора на восток. Помещение № 2 расположено южнее помещения № 1 и занимает площадь $2,8 \times 2,2$ м. Оно вытянуто с запада на восток и имеет один проход с северной стороны. Пол помещения выложен сырцовым кирпичом размером $45 \times 22 \times 10$ см на глиняном растворе. Стены помещения сложены из пахсы и сырцового кирпича. Южная и восточная стены помещения сохранились плохо, остались только основания. Западная и северная сохранились на высоту 1,3 м.

К северу от помещения № 1 обнаружено помещение № 3 прямоугольной формы, ориентированное с запада на восток. Размеры помещения $4,3 \times 3,2$ м. Стены сохранились в высоту до 66 см. Есть явные признаки пожара, слой пола на 30 см засыпан древесным углем и золой. По диагонали с северо-западной части угла на юго-восточную сторону стены помещения по полу идет канава, в которой лежала обгоревшая балка длиной 4,5 м, толщиной 16 см. Над балкой поло-

жен слой штукатурки толщиной 5 см. В западной части помещения при расчистке обнаружена кладка — устои базы колонн из жженого кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ см. Кладка произведена на глиняном растворе. Размеры кладки $1,25 \times 1$ м, сохранившаяся высота 0,5 м. Эти устои позже были использованы под базы колонн арка мехрабной части мечети. На полу помещения найдены: дно глиняного кувшина, с наружной стороны покрытого серым ангобом; венчик чашки; шлифованные разными фигурами кирпичики, покрытые голубой поливой, 10 шт.; резная фигурная облицовочная терракота с эпиграфическими и растительными орнаментами; железные гвозди со шляпками разных размеров — 10 шт.; одна медная монета; светильник; жженные кирпичи размером $24 \times 24 \times 4$ см, $21 \times 21 \times 3$ см, $29 \times 17 \times 5$ см.

При раскопках мехрабной части мечети выявлено четыре уровня пола: толщина пола № 1 — 21 см; пола № 2 — 30 см (вместе с ганчевой обмазкой толщиной до 10 мм); пола № 3 — 40 см (с ганчевой обмазкой толщиной от 2 до 5 мм). Пол № 4 в южной части вымощен кирпичом, уложенным плашмя на площади $2,0 \times 0,7$, размеры кирпича $28 \times 28 \times 4$ см. На верхнем полу мехрабной части мечети встречается множество следов пожара, которые еще раз подтверждают данные письменных источников о поджоге мечети монголами. Около мехраба на полу расчищены остатки полусгоревшего ватника, в двух шагах к югу от них лежал железный кинжал, в трех метрах от кинжала под остатками обуглившейся балки найден придавленный скелет человека с наконечником стрелы в груди. Эти детали помогают восстановить драматизм последних минут жизни оборонявшихся горожан. Обуглившиеся балки сохранили богатую резьбу.

К западу от мечети расчищены остатки 4 полов зданий из жженных кирпичей. Помещения были построены впритык друг к другу, выложенные полы комнат отделяются на толщину стен из одного ряда кирпича ($24 \times 24 \times 4$ см). На полах сохранились глиняные основы саганы. Вокруг этих остатков множество битых кирпичей, обломки декора, состоявшего из надписей, растительных и геометрических орнаментов, выполненных из шлифованных кирпичей. Все жженные кирпичи еще в древности были разобраны и использованы на других стройках. Вскрытые остатки помещений не позволяют

нам утверждать, что мы имеем дело с одним комплексом или с несколькими самостоятельными мавзолеями. Обобщая результаты раскопок 1968—1973 гг., можно утверждать, что в северной части городища к началу XIII в. сложился культово-мемориальный и торгово-экономический центр, состоявший из соборной мечети, мавзолеев, кладбища, базарной площади и лавок ремесленников.

Помимо древнего Самарканда изучался и позднесредневековый город¹⁶: проводились наблюдения за строительными работами на Регистане. С востока на запад от нового здания музея к зданию ресторана проведена траншея, обозначенная квадратами К-11—17, глубиной от 4 до 5,2 м. Слои на участках К-11—12—13 смешанные, нарушенные предыдущими работами, в частности при строительстве фундамента здания радиоузла.

Участок К-13—14 представлен более чистым материалом, хотя верхние слои до глубины 2 м нарушены траншеями канализации, под которыми по траншее, повернувшей на запад, проходит слой песка на глубине 2,2 м. По-видимому, траншея перерезает канал шириной 6,2 м, глубиной 1,45 м. Направление канала с северо-запада на юго-восток. Фрагментарный материал датируется в основном XII—XV вв., лишь один фрагмент отнесен к IX в.

На продолжении траншеи К-14—15 под современной дорогой по улице Ташкентской на глубине 4,5—5 м обнаружено наслоение нескольких дорог. Под самой ранней дорогой, прослеживающейся на глубине 4,5 м, выстланной чупанатинским сланцем, встречены сваи, расставленные в шахматном порядке на расстоянии 20 см. Поверх ранней дороги идет слой дороги из битого кирпича и гальки, затем наслоение утрамбованной земли и вновь слой битого кирпича и гальки. Направление дороги с северо-запада на юго-восток; выходит она на левый угол современного здания универмага. Ширина дороги 3—3,5 м.

В 3,65 м от К-15 (направление к К-14) на глубине от 2,7 м до 3,6 м зафиксирована металлургическая мастерская, связанная с обработкой железа; найдены шлак и полуфабрикаты — железные и свинцовые крицы.

¹⁶ Наблюдение вела Э. Ю. Бурякова.

В квадрате К-15, 16, и 17 на глубине до 4,5 м зафиксированы стены зданий иногда на фундаменте из чупанатинского сланца, размеры кирпича $23 \times 22 \times 3,5$ см или $24 \times 24 \times 5$ см. От квадрата К-17 в полуметре от стены идет слой песка протяженностью до 14 м. Начинается он в 1,5 м от современной поверхности, а в самой глубокой части уходит на 4,5 м. Это, по-видимому, канал существовавший в XV—XVIII вв. Дно и стены его укреплены кирпичной кладкой и чупанатинским сланцем, русло забито песком и битым щебнем, дно на 1,2 м илистое. Под каналом прослеживаются два небольших арыка шириной от 0,7 м до 1 м, стенки которых укреплены кладкой из жженого кирпича размером $24 \times 24 \times 5$ см. На этой же глубине прослеживается стенка здания длиной 5,5 м из такого же кирпича на фундаменте из чупанатинского сланца.

Параллельно проводилась камеральная обработка материала с Регистана и с ул. Дагбитской, наблюдения над которыми велись в 1972 г. Ш. Шарахимовым. Здесь выявлен материал VIII—X и XI—XII вв.

В ноябре-декабре 1973 г. проводились наблюдения за траншеями по улице Ташкентской. Выяснилось, что прямо под современной дорогой, иногда с промежуточной засыпкой, идет дорога XVIII—XIX вв. Дорога располагается на мощной подстилке толщиной иногда 20—30 см и опускается на глубину до 70 см от современного уровня, сопровождаясь обильным материалом XVIII—XIX вв. Это грубые толстостенные чаши, покрытые темно-голубой поливой, очень много фрагментов кос и лаганов с утяжеленными донными частями и фиолетово-чернильными кляксами и полосами по голубому фону, а также чираги, покрытые темно-зеленой поливой. По белому фону посуды нанесены голубые пятна и полосы, по которым проходит рисунок в виде поясков, розеточек и спиралевидных завитков, выполненных фиолетовой краской с голубым заполнением внутри.

На глубине 1,5—1,7 м прослеживается слой более ранней дороги толщиной 10—12 см. Под дорогой идет мощный слой (50—60 см) битого кирпича и гальки. Дорога доходит до магазина тканей № 36 и заворачивает на запад или пересекается дорогой, идущей с запада на восток. В нескольких местах вдоль дороги на глубине 3—3,5 м встречаются остатки

зданий или их фундаменты из жженого кирпича размером $24 \times 24 \times 4$ см и $39 \times 21 \times 7$ см.

В районе главного портала вновь на глубине 1,7 м появляется ранняя дорога и идет далее вниз по Ташкентской, где понижается до глубины 2,4 м. Ко второму выходу базара она опять поднимается на высоту 60 см от уровня современной дороги. Дорога местами выстлана и чупанатинским сланцем, в основном же выстилка сделана из галечника и битого кирпича. Керамический материал поздний — XIX—XVIII вв. Это фрагменты кос, лаганов и тарелок с черным растительным орнаментом на мутно-голубом фоне, по белому фону растительный орнамент выполнен синим цветом, по нацарапанному орнаменту полива желто-зелеными пятнами. Под дорогой на глубине 1,5 м, напротив ворот фабрики, остатки двух гончарных печей: одна диаметром около 3 м, другая в 1,5 м. В 200 м от них на глубине 1,3 м траншеей пересекает канал шириной 3 м с заполнением песка и ила на дне.

Помимо города изучалась и сельская округа.

В июне 1973 г. в связи с проведением нового русла канала Даргом начались археологические работы на Коштепе, близ левого берега канала у селения Утамас Ургутского района Самаркандской области¹⁷.

Даргом здесь делится на два русла, одно из них, ныне действующее, отодвинулось примерно на 100 м к северу и образовало полукруг напротив Коштепе. Прежнее русло частично высохло, а частично превратилось в маленькие озерки вдоль двух сторон проложенной через него грунтовой дороги. В позднеантичную и раннесредневековую эпохи территория вокруг Коштепе была густо заселена, о чем говорят маленькие холмы приблизительно в 500 м к юго-востоку и северо-востоку от тепе, а также система могильников раннесредневековой эпохи на левом берегу старого русла Даргома к северо-востоку от Коштепе.

Коштепе состоит из двух самостоятельных холмов, стоящих в 50 м друг от друга. Оба холма вытянуты с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Длина Коштепе 1 более 50 м, ширина на самом широком участке 18—20 м. С востока оно

¹⁷ Раскопки М. М. Исхакова.

срезано тракторами при полевых работах, с запада сохранилось нетронутым и обрамлено насыпью высотой около 1—1,5 м. Общая высота тепе 3,6 м. Длина Коштепе 2 приблизительно такая же, но ширина в средней части около 25 м.

Коштепе у местного населения имеет два названия: Шахидбува и Тиллятопди.

Коштепе 1 вскрыто полностью, Коштепе 2—частично. В результате археологических работ удалось установить, что оба тепе являются остатками раннефеодалных замков, построенных почти одновременно в конце V в. н. э. Оба тепе имеют под собой метровое песчаное основание. Это указывает на то, что здесь в древности протекала какая-то речка.

Коштепе 1 представляет собой многокомнатный комплекс, сложенный из блоков пахсы. Комнаты сообщаются между собой коридорами, упирающимися в круглый зал диаметром 3,5 м. Одна комната имеет П-образную суфу, на которой с восточной стороны терракотовыми плитами сложен алтарь огнепоклонников, сохранившийся очень плохо, поэтому невозможно восстановить его первоначальную форму. В углу комнаты расчищено специальное углубление для хума. Аналогичный дом с обособленной молельней и хумом в углу открыт и на Афрасиабе. Во втором периоде обживания комнаты подверглись сужению путем дополнительной выкладки стен из сырцового кирпича. Характерным для обоих периодов является отсутствие бытовой утвари при огромном количестве терракотовых плит прямоугольной формы, лишенных всяких украшений. Третий период характеризуется разрушением здания, плотной утрамбовкой помещения и возникновением на нем раннемусульманских кладбищ. Останки захороненных антропологически относятся к брахицефальным европеоидам Среднеазиатского междуречья. По расовым особенностям они сближаются с населением средневекового Афрасиаба и его окрестностей. Следует отметить, что средневековое население окрестностей Самарканда (по материалам из поселений Коштепе, Кулегайтепе и др.) заметно отличается от городского населения Самарканда ярко выраженными монголоидными чертами. В Коштепе 1 найдены венчик хума с оттисками геммы, изображающей момент крещения (большая человеческая фигура, держащая крест над маленькой) и согдийская монета «неизвестного ихшида».

Раскопки Коштепе 2 носили ограниченный характер. Несмотря на это, на тепе найдено огромное количество керамики, относящейся к V—VIII, IX—X вв.

В нижних слоях Коштепе удалось расчистить остатки зданий, сложенных из пахсы. Над зданием зачищена комната, сложенная из сырцового кирпича.

Архитектура самого верхнего слоя дошла до нас в плохом состоянии. Материалы, добытые из этого слоя, указывают, что в IX—X вв. Коштепе 1 превратилось в кладбище, а Коштепе 2 было заселено. Кроме того, если отсутствие бытовой утвари на Коштепе 1 позволяет предположить, что открытые здания являлись общественными, то обилие керамики на Коштепе 2 подчеркивает его жилой характер.

Раскопки на Коштепе 1—2 показывают, что активное заселение данного участка канала Даргом началось с конца V в.

В связи с тем, что государственным планом предусмотрено освоение новых земель в Нарпайском районе Самаркандской области, появилась необходимость увеличения пропускной способности канала Нарпай. По проекту реконструкции канала запланировано строительство нового вододелителя с большей пропускной способностью. Строительство вододелителя сопровождается спрямлением, расширением и углублением русла канала.

Трасса спрямления должна пройти по территории древнего городища Рабинджантепе (Оромиджантепе) на протяжении около 700 м. Поэтому был создан археологический отряд, который в марте-июле 1973 г. провел раскопки на городище Рабинджантепе¹⁸.

Городище представляет собой площадь размером более 30 га покрытую всхолмлениями, оставшимися от древних построек. Большие участки земли спланированы под хлопковые поля, а оставшаяся часть изрыта ямами и траншеями.

Наиболее сохранилась северная часть, непосредственно расположенная у берега канала и занимающая площадь до 16 га. В этой части городища сохранилась подчетырехугольная крепость. Длина ее южной стены 138 м, северной 140 м и западной 125 м. К северной стене крепости, к ее внутренней

¹⁸ Раскопки О. М. Ростовцева и Ю. Ф. Бурякова.

части, примыкает холм с размерами по подошве 60×60 м, а по верхней площадке 26×25 м.

Холм смещен от центра северной стены к западу на 20 м. Его высота над уровнем древней поверхности стен крепости до 4 м, а стены с северной стороны имеют превышение на 3—4 м. В юго-восточном углу крепости наблюдается утолщение стены, которое первоначально отмечено как башенное устройство с рядом предполагавшихся помещений. Севернее этого утолщения в восточной стене бульдозером сделан прорез для въезда на территорию крепости. В срезе была видна двойная кирпичная кладка над мощным пахсовым основанием.

Между каналом и крепостью, т. е. в северной части городища, у северо-западного угла крепости возвышаются остатки большого здания, стены которого сложены из пахсовых блоков и сырцового кирпича. К востоку от этого здания, вдоль берега канала, расположены несколько холмиков, в срезах которых видны следы кирпичных и пахсовых кладок. Эти холмики тоже являются остатками построек.

С запада, юга и востока стены крепости опоясаны рвом, глубина которого наиболее велика с южной стороны и достигает 10 м от верхней части стены. Ширина рва 10—20 м. За рвом имеется ряд всхолмлений с видными культурными наслоениями. Одно из них полосой в 60—80 м огибает южную и западную стены крепости. Эта полоса, в свою очередь, отделяется рвом от прилегающей с юга и юго-запада еще одной площади, по уровню аналогичной предыдущей и простирающейся на юг до 200 м. Далее территория города пересекается с северо-востока на юго-запад каналом Казахарык и за ним простирается до железной дороги еще на 500 м.

К востоку керамика на вспаханных полях отмечается до 1 км от крепости, а на западе до 800 м.

Структурно можно выделить наиболее возвышенную часть вокруг крепости как шахристан, а отдельную площадь — как прилегающие к шахристану рабады. Таким образом, величина территории памятника, его топоструктура, дают основание говорить о нем как о городе.

Возможность отождествления его со средневековым городом Рабинджаном, одним из крупных городских центров Согда, стоявшим, по данным географов IX в., на магистральном караванном пути Востока — «Большой Хорасанской до-

роге», и являвшимся центром одноименной области на юго-западной границе Согда¹⁹, отмечалось еще В. В. Бартольд²⁰.

Городищем неоднократно интересовались археологи, его обследовали В. Л. Вяткин, А. Ю. Якубовский, В. А. Шишкин, Т. Миргиязов и В. В. Бартольд.

В 1973 г. было заложено 11 шурфов и небольших раскопов, результаты которых показывают, что город возник не ранее IV в. и жизнь продолжалась в нем до второй половины XII в. Частично вскрыт доарабский храм, превращенный в VIII в. в мечеть, раскопаны остатки здания с монументальной росписью, мастерская стеклодувов, жилой дом, украшенный резьбой по ганчу. Цитадель построена в античных традициях в форме квадрата, углы которого ориентированы по сторонам света. Вокруг цитадели располагались кварталы металлургов и керамистов. В период борьбы с арабами Рабинджан выступает как крупная военная крепость.

В IX в. Рабинджан являлся значительным ремесленным и торговым пунктом на караванном пути из Самарканда в Бухару. В этот период максимально разрастаются рабады, особенно на юг и юго-восток. В южном рабаде найден клад золотых монет X в.²¹ Свидетельством цветущего состояния города в X в. является открытие в ремесленном квартале рабада парадного помещения, украшенного цветным резным ганчем и резьбой по белому фону с подкраской. Мотивы украшений аналогичны ганчевым панелям Самаркандского дворца Самарканда.

Цветущей и обширной была и сельскохозяйственная округа Рабинджана, развивавшаяся на базе канала Фай. Интенсивная жизнь города отмечается и в караханидское время. Во многих пунктах, начиная с цитадели и кончая предместьями, встречается поливная, богато украшенная керамика XI в. и жженный кирпич с тисненным орнаментом, который производился в юго-западном углу рабада, где зафиксированы следы кирпичеобжигательных печей.

¹⁹ Абуль Касым ибн Хаукаль. Указ. соч., стр. 19.

²⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч. т. I, М., 1963, стр. 149.

²¹ Т. С. Ерназарова, М. Н. Федоров. Клад золотых монет X века, ОНУ, 1974, № 5, стр. 67—70.

В период междоусобной борьбы самаркандского караханидского правителя Чагрыхана Джелалетдина сына Хасантегина с карлукскими эмирами город погиб: лишившись своих привилегий, эмиры обратились за помощью к хорезмшаху иль Арслану. Воспользовавшись этим, последний двинулся в 1159 г. на Мавераннахр. Он овладел Бухарой и, двинувшись далее к Самарканду, по дороге захватил Рабинджан.

Помимо раскопок сектор изучения древнего Самарканда—Афрасиаба провел и разведочные работы для создания свода археологических памятников.

В районе освоения новых земель Джизакской равнины разведочный отряд Института археологии обследовал 31 памятник старины, выявил около двух десятков курганов в предгорной полосе. Обследованные памятники располагаются к северо-востоку от г. Джизака в равнинной полосе и вписываются в круг диаметром 10 км. Курганы тянутся полосой с севера на юг. Все памятники, за исключением Кызлартепе, дают материалы IV—начала XIII вв. На Кызлартепе среди подъемного материала встречаются фрагменты тонкостенных краснолощенных кубков и керамика X—XII вв. На поверхности городища Калятепе был собран керамический материал XVI в. Остальные тепе, расположенные недалеко друг от друга в радиусе 2 км, по своим круглым конфигурациям напоминают тепе, встречающиеся в Задаргомской степи. Тепе являются в большинстве случаев феодальными замками.

Обследование наскальных изображений Такаташ и Ило-нути близ Джизака показывает, что большинство рисунков относится к древнему периоду, а некоторые к IV—VI вв. Все это указывает на вторичное освоение данной равнины в период проникновения различных степных племен в районы орошаемого земледелия.

О НАХОДКАХ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

За период археологических работ 1967—1970 г., проводимых Институтом истории и археологии АН УзССР¹ под руководством акад. Я. Г. Гулямова, на территории городища Афрасиаб найдено более 30 кремневых изделий каменного века. Они собраны на поверхности городища и на площадках раскопов. Возможно, что каменные предметы были занесены туда течением паводковых вод или водами искусственного орошения из разрушенных культурных прослоек палеолитических стоянок, существовавших на территории Афрасиаба до возникновения здесь городища. Они, несомненно, были сделаны рукой первобытного человека. Об этом свидетельствуют конфигурация и техника обработки кремневых поделок характерные для среднего и верхнего палеолита.

Семь экземпляров кремневых изделий найдены вдоль склона оврага недалеко от раскопов, сосредоточенных у дороги на аэропорт, одно скребловидное орудие обнаружено на площадке раскопа 25/XXI. Остальные предметы собраны в восточной и южной частях городища.

В коллекции имеется один экземпляр нуклеуса дисковидной формы и два нуклевидных обломка.

Дисковидный нуклеус изготовлен из кремня зеленоватого цвета (рис. 1, 1). На выпуклой поверхности видны негативы

¹ С октября 1970 г. археологические исследования на городище ведет новый Институт археологии АН УзССР.

от веерообразного скалывания с горизонтальной площадки. Небольшой участок нуклеуса дополнительно подправлен ретушью для использования его в качестве скребущего лезвия. Диаметр нуклеуса 4,5 см, толщина 2,4 см.

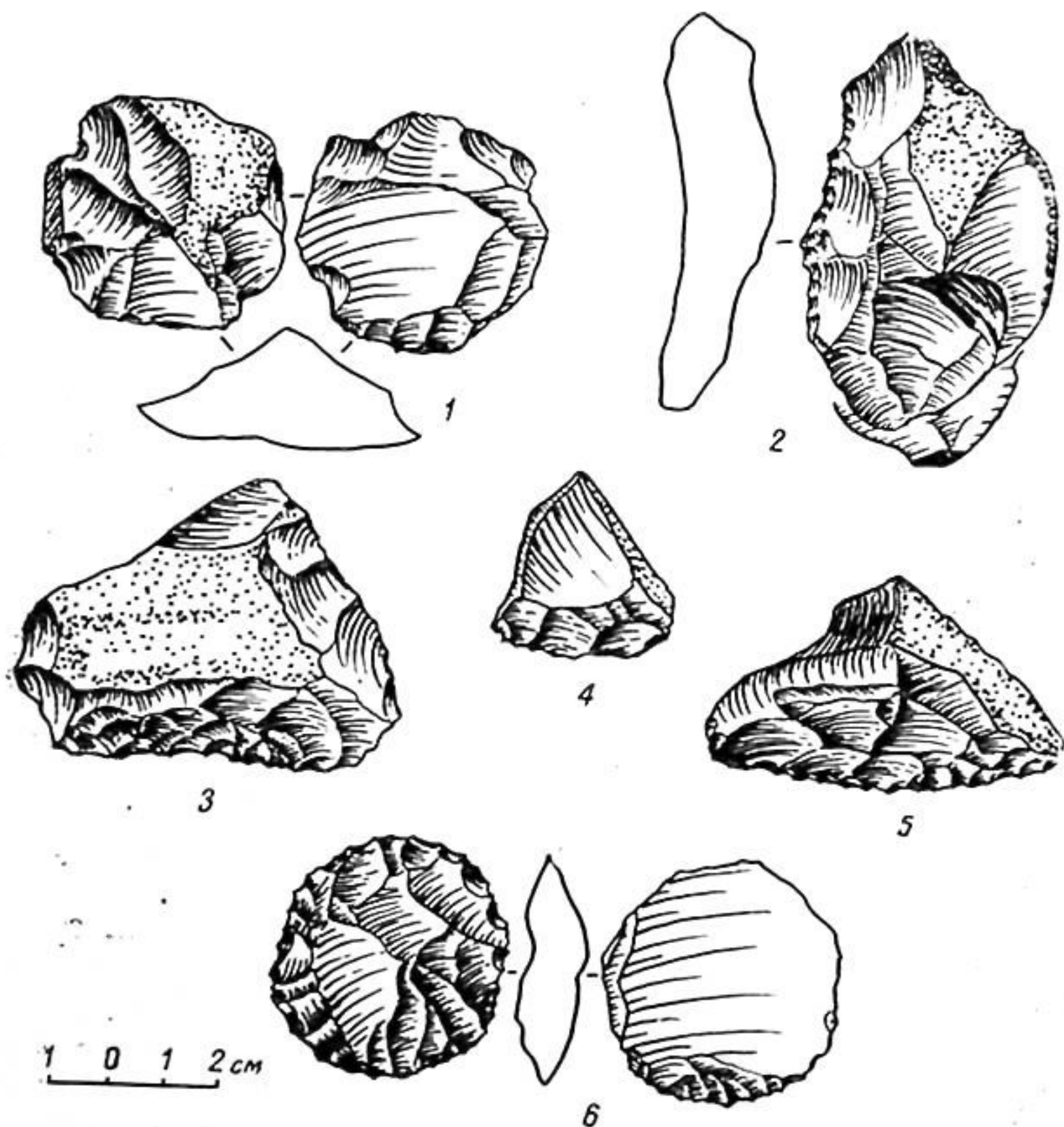

Рис. 1. Каменные изделия, собранные на территории городища Афрасиаб.

Найден кремневый отщеп темно-желтого цвета со следами ретуши на одном из продольных краев и выветренностью на спинке (рис. 1, 2). Со стороны брюшка хорошо выражен ударный бугорок и мелкая подправка края. Ударная площад-

жа гладкая, ее угол к ударной плоскости равен 110° , угол оси отщепа к оси удара составляет 20° . Длина отщепа 7,5 см, ширина 4,4 см, толщина 1,6 см.

На городище собрано одиннадцать кремневых отщепов без признаков ретуши, размеры которых варьируют от $3,0 \times 2,2 \times 0,5$ см до $6,0 \times 4,5 \times 2,5$ см. Ударные площадки отщепов гладкие, конфигурация симметричная, на спинках хорошо выражены негативы сколов с параллельными, субпараллельными и бессистемными гранями.

Фрагмент скребковидного орудия (рис. 1, 4) из кремня зеленоватого цвета. Размеры $3,5 \times 3,4 \times 1,0$ см. На выпуклый край нанесена ретушь, характерная для верхнепалеолитических изделий.

Первое скребло (рис. 1, 3) сделано из массивного диоритового отщепа. Со стороны спинки сохранилась валунная корка, лезвие обработано типично мустьерской ступенчатой ретушью. Угол лезвия к плоскости брюшка равен $60-65^\circ$. Длина скребла 8,6 см, ширина 5,6 см, толщина 2,5 см.

Особо интересно второе скребло (рис. 1, 5) типа Кина треугольной формы, очень удобное для держания. Для создания рабочего лезвия длинный выпуклый край обработан ретушью, характерной для мустье. Размеры орудия $6,5 \times 3,9 \times 1,4$ см.

В северной части города в галечниковых слоях карьера был обнаружен хорошо сохранившийся скребок округлой формы из кремня светло-коричневого цвета. Диаметр скребка 4,5 см, толщина 1,0 см (рис. 1, 6). Лезвие скребка образовано тщательной параллельной ретушью почти по всему периметру. Для заострения края лезвия небольшой участок брюшка обработан вторично. По форме и технике обработки скребок относится к верхнему палеолиту.

Аналогичные находки кремневых изделий сделаны на территории Узбекистана в Сурхандарьинской², Бухарской³ и Ташкентской⁴ областях.

² Г. В. Парфенов. Следы древнейших культур на городище Айртам, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 61—71.

³ Л. Х. Шарипова. Новые находки каменных орудий в Бухарской области, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 72—75.

⁴ Н. Х. Ташкенбаев. Находки материалов каменного века на территории строительства Чарвакской ГЭС, ОНУ, 1968, № 5, стр. 63—64.

КЕРАМИКА КОНЦА IV —

II вв. до н. э.

(АФРАСИАБ II)

Впервые после находок А. И. Тереножкина слои Афрасиаба первых веков до н. э. были вскрыты в 1962 г. на северо-западе городища при исследовании наслоений, подстилающих средневековый квартал (раскоп 9). Заложенные шурфы и зачистки вдоль среза современной дороги Самарканд — аэропорт выявили значительную площадь и мощность слоев периодов Афрасиаб II и III, а перемещенные предметы (керамика характерных форм и наконечник стрелы) позволяют предположить более раннее освоение участка в I период, отложения которого были нарушены и даже уничтожены впоследствии. Керамика периода Афрасиаб I отмечена и среди материалов шурфа раскопа 7, расположенного южнее, на месте работ В. А. Шишкина под руководством В. Л. Вяткина в 1925 г.

В период Афрасиаб II северо-западный район городища обживался интенсивно, хотя в начале периода часть его (видимо, довольно обширную) занимало кладбище, по всей вероятности, возникшее в предшествующее время. Начавшаяся здесь строительная деятельность сопровождалась отчуждением все больших и больших участков кладбища, что хорошо прослеживается по находкам обломков человеческих черепов на разных уровнях под полами построек (рис. 1, квадрат Г, ярус XVIII; кв. 2/XVI; кв. 3/XVI и XVII).

На вскрытом пространстве 25×2 м от построек сохранились лишь уровни полов, легко фиксируемые по следам огня на них (рис. 1, ярусы XVIII, XVII и XV). Сооружения возво-

дились в широком (15—20 м) овраге с отвесными стенками высотой 2—2,5 м. Здесь же, близ жилья, вслед за первым строительным этапом появились небольшие свалки (рис. 1, кв. Е, ярусы XVII—XIV). По мере накопления слоев в овраге, свалки становятся обильнее, а затем перекрывают верхний обжитый уровень. Видимо, с каждым новым строительным этапом овраг искусственно расширялся, при этом разрушались все новые и новые погребения. Планировка местности на одном из строительных этапов отразилась в разрезе шурфа 3, где прослеживаются горизонтальные площадки заподлицо срезавшие лессовые всхолмления и перекрыв-

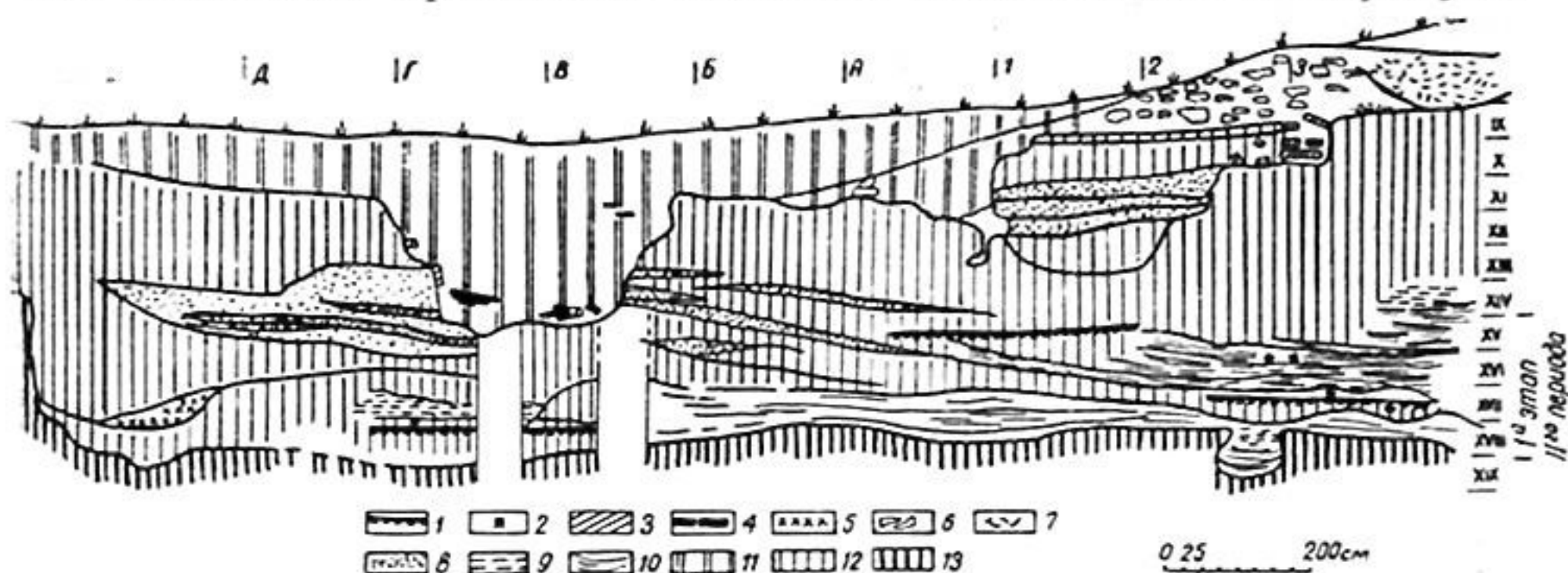

Рис. 1. Часть северной стенки 72-метрового разреза-траншеи на северо-западе Афрасиаба (раскоп 9). Условные обозначения:

1—обожженный пол; 2—фрагменты человеческих черепов; 3—сырцовый кирпич; 4—жженный кирпич; 5—гумус; 6—разный сланец; 7—скопление керамики; 8—зола; 9—слой с горелыми комьями земли; 10—слоистый натек; 11—рыхлый слой; 12—плотный слой; 13—материковый лесс.

шие их отвалы¹. На участке западнее оврага продолжало существовать, а возможно и функционировать, кладбище. Вскрытое здесь погребение относится к периоду Афрасиаб II².

¹ См.: Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды, СА, 1969, № 1, рис. 6. разрез шурфа 3, стенка А—Б, на границе ярусов XV и XVI. Нивелировка более позднего периода: стенка Д—Е, граница ярусов XIII и XIV.

² Подробнее о погребении см.: Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 227, рис. 2. При подготовке клише допущены ошибки (в частности, в масштабе), а из экспликации выпала ссылка на деталь разреза траншеи с погребением (см. под знаком «Т»).

Ни стратиграфия, слабо выраженная на этом участке, ни стоявший в изголовье погребенного кубок на плоском донце с полосчатым лощением по красному ангобу не позволяют уточнить относительную дату захоронения.

В 1970 г. Ю. Ф. Буряков и автор производили небольшие зачистки вдоль среза культурных слоев у дороги Самарканд—аэропорт. Севернее раскопа 9 была обнаружена поставленная на материковый лесс пахсовая (?) стена протяженностью около 20 м. Немногочисленные фрагменты керамики, извлеченные из слоя непосредственно над стеной, могут относиться к периоду Афрасиаб II, наслоения которого на северо-западе городища достигают 2,5—3 м.

Возле северных ворот Афрасиаба слои II периода представляют собой завалы крепостной стены и лежащие на них зольно-гумусные отбросы мощностью до 5 м (рис. 2, раскоп 41/XVI, ярусы XX—XXIX). Здесь наслоения по их характеру можно разделить на три этапа. Нижние 2 м (XXVI—XXIX ярусы) заполнены завалами городских стен, над которыми лежат (XXIV—XXV ярусы) завалы менее значительные, перемежающиеся зольными и гумусными прослойками, перекрытые затем зольно-гумусными и производственными отвалами (XX—XXIV ярусы).

И северо-западный и северный пункты городища дали обильный материал, который по принятой сейчас периодизации Афрасиаба должен быть отнесен ко II периоду жизни города.

По облику вся посуда, за исключением некоторых спорных форм, четко делится на столовую, хозяйственную и кухонную (для приготовления пищи на огне).

В первой группе преобладает красноангобированная керамика, что уже резко отличает ее от комплекса I периода. От 20% до 48% столовой посуды приходится на долю кувшинов разных форм и назначения. В слоях трех разных этапов (раскопы 9 и 41/XVI) кувшины составляют 19—20% столовой посуды и только на одном из них (нижние слои раскопа 41/XVI) —48%. Видимо, закономерными следует считать 20%, а большой процент кувшинов в одном комплексе отнести за счет какой-то особенности вскрытого участка. Соотношение широкогорлых и узкогорлых кувшинов установить трудно, поскольку при подсчете количества экземпляров учитывались

не только горловины, но и днища и стенки сосудов (если сравнение текстуры, цвета черепка, покрытия и обработка поверх-

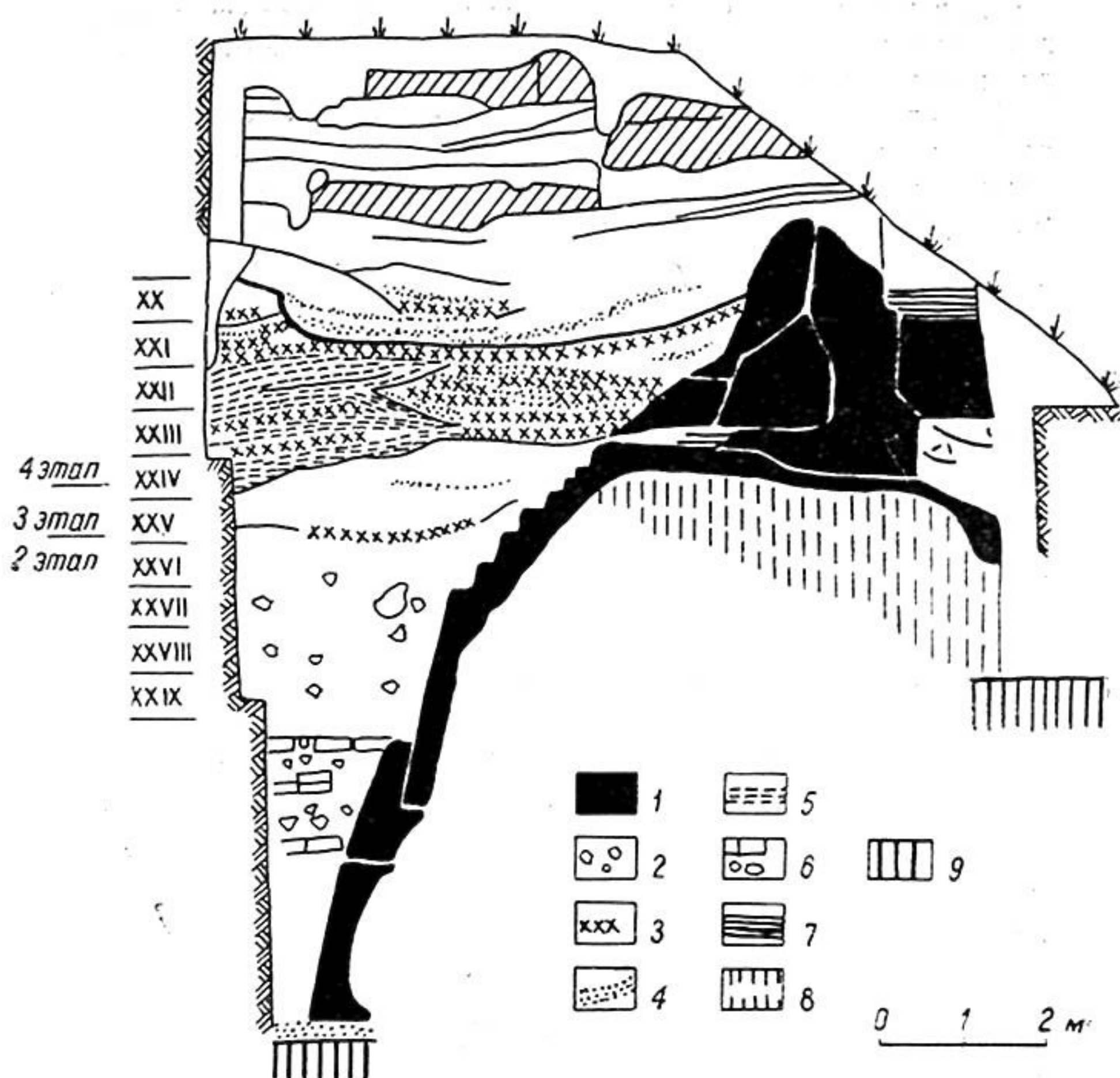

Рис. 2. Западная стенка шурфа на севере городища (41/XVI) в 1970 г.
Условные обозначения:

1—стены различных периодов; 2—завал; 3—гумус; 4—зола; 5—горелые промазки; 6—суб-
струкция стены из сырцового кирпича с забутовками; 7—слоистая поверхность дороги
3—насыпной лесс; 9—материковый лесс.

ности исключали их принадлежность имеющимся в наличии горловинам). Узкими условно названы горловины диаметром

до 15 см, широкими—свыше 15 см. Если учитывать только горловины, то в разрезе-траншее раскопа 9 соотношение узкогорлых и широкогорлых кувшинов устанавливается как 5:3. А в нескольких квадратах зольно-гумусных слоев севера городища на 40 узкогорлых кувшинов приходится только два широкогорлых (20:1).

В выделении столовых кувшинов вряд ли можно опираться на качество выделки и обработки, так как в использовании тех или иных видов сосудов должны были сказаться материальные возможности и вкусы разных слоев общества. Систематизацию форм кувшинов к тому же затрудняет их фрагментарность.

Судя по небольшому количеству фрагментов ручек или их следов на стенках, кувшинов с ручками было немного. Из 32 кувшинов, найденных в нижних слоях разреза-траншеи (раскоп 9), только два были с одной ручкой. На севере городища среди 21 сосуда только пять имели ручку. Ручки делались пластинчатые с глубокой продольной ложбиной, иногда бобовидного сечения, круглого сечения с узкими продольными срезами или груболепные, несмотря на отлично приготовленную формовочную массу и плотный красный ангоб.

В комплексе северо-запада Афрасиаба почти равными (количественно) группами представлены кувшины без ангоба, со светлым и красным ангобом. Лишь отдельные экземпляры покрывались черным ангобом (табл. 1). В комплексах севера городища большая часть кувшинов не покрыта ангобом, на некоторые нанесен светлый ангоб, и довольно большой группой представлены красноангобированные сосуды. В выборке из нескольких квадратов раскопа 41/XVI на севере городища на 28 кувшинов приходится 15 сосудов без ангобного покрытия (53%), причем два из них обработаны сплошным лощением. 11 кувшинов (40%) покрыты красным ангобом и лощением, из них 4 украшены полосчатым лощением поверх сплошного. Один сосуд (3,5%) покрыт светлым ангобом и один (3,5%) — черным.

Все днища кувшинов плоские, сформованы на песчаной подсыпке, переход к стенкам аккуратно заглажен, но изредка на нижней поверхности вдоль края наблюдается срез, произведенный ножом при вращении круга. Единичные

Таблица 1

Состав керамического комплекса из раскопа 9 с площади
около 10 м², экз.

Форма	Ярус	Способ обработки поверхности сосуда					Общее количество сосудов	
		Красный ангоб		Черный ангоб	Светлый ангоб			Без ангоба
		сплошное лощение	полосчатое лощение	сплошное и полосчатое лощение	без лощения	полоса ангоба по краю		
Кубок на кольцевом поддоне	XV	—	—	—	—	—	—	—
	XVI	—	1	—	—	—	—	1
	XVII	—	—	—	—	—	—	—
	XVIII	—	—	—	—	—	—	—
Кубок на дисковидном поддоне	XV	—	—	—	—	—	—	—
	XVI	—	—	—	—	—	—	—
	XVII	2	—	—	—	—	—	2
	XVIII	—	—	—	—	—	—	—
Кубок на плоском донце	XV	4	25	—	—	—	2	31
	XVI	2	31	—	—	—	3	36
	XVII	—	29	—	—	1	2	32
	XVIII	—	9	—	—	2	3	14
Чаша „полусферическая“ на поддоне	XV	—	—	—	8	—	—	8
	XVI	—	—	—	10	—	—	10
	XVII	—	—	—	12	—	—	12
	XVIII	—	—	—	3	—	—	3
Чаша с клювовидным профилем венчика	XV	—	—	—	2	—	—	2
	XVI	—	—	—	4	—	—	4
	XVII	—	—	—	9	—	—	9
	XVIII	—	—	1	5	—	—	6
Чаша с „Т“- и „Г“-образным профилем венчика	XV	10	—	—	—	—	—	10
	XVI	1	2	—	—	—	—	3
	XVII	9	2	—	—	—	—	11
	XVIII	4	—	—	—	—	—	4
Чаша с развернутым бортом с уступом внутри	XV	—	—	—	—	—	—	—
	XVI	—	—	—	—	—	—	—
	XVII	1	1	—	—	—	—	2
	XVIII	—	—	—	—	—	—	—

Продолжение табл. 1

Форма	Ярус	Способ обработки поверхности сосуда						Общее количество сосудов
		красный ангоб		черный ангоб	светлый ангоб		без ангоба	
		сплошное лощение	полосчатое лощение	сплошное и полосчатое лощение	без лощения	полоса ангоба по краю		
Кувшины узкогорлые и широкогорлые	XV	2	—	—	2	—	3	7
	XVI	7	1	1	6	—	3	18
	XVII	—	1	1	4	—	6	12
	XVIII	1	—	—	1	—	2	4
Широкогорлый сосуд на высоком поддоне-кратер	XV	—	—	—	—	—	—	—
	XVI	1	—	—	—	—	—	1
	XV	2	—	—	—	—	—	2
	XVIII	—	—	—	—	—	—	—
Крупные сосуды с манжетовидным венчиком [и ребром в придонной части]	XV	—	—	—	—	—	7	7
	XVI	—	—	—	—	—	5	5
	XVII	—	—	—	—	—	9	9
	XVIII	—	—	—	—	—	5	5
Кухонные котлы лепные	XV	—	—	—	—	—	2	2
	XVI	—	—	—	—	—	3	3
	XVII	—	—	—	—	—	2	2
	XVIII	—	—	—	—	—	1	1
Прочие сосуды		3	1	2	2	—	8	16
Всего		49	103	5	68	3	66	294

экземпляры кувшинов делались с трубчатым сливом на плечике. Кувшин с поднятым кверху сливом из северного раскопа (41/XVI) покрыт красным ангобом и тщательно залощен, горловина отделена от плечиков узким валиком, ниже которого проведены два параллельных углубления. Профилировка венчиков кувшинов не очень разнообразна, преоб-

ладают плавно отогнутые (рис. 3, 8, 9, 11, 12), отогнутые четко профилированные (рис. 3, 1, 4), реже Т-образные (рис. 3, 10) и единичные экземпляры других форм венчиков (рис. 3, 5).

Особую группу составляли кувшины типа ойнохон, редко встречающиеся в слоях Афрасиаб II. На севере городища обнаружено всего два горлышка с примятым сливом (рис. 4, 3, 4). Оба горлышка принадлежали небольшим сосудам и представляются уникальными. Пластинчатая ручка черноангобированного кувшина оформлена двумя выступами, возможно, имевшими фигурное очертание. Высокое узкое горлышко красноангобированного сосуда имело уступчатый венчик и сердцевидное горизонтальное сечение, получившееся в результате вмятины с противоположной от слива стороны на месте, где должна крепиться ручка, отсутствующая у этого кувшина (вместо нее сделан выступ и небрежно размятый пальцем налеп). Позднее, в переходный период к Афрасиабу III число ойнохон увеличивается, а форма, видимо, несколько меняется (рис. 4, 1, 2). Чаще всего они покрывались красным ангобом и сплошным лощением, но производились и черноангобированные ойнохон с металлическим блеском поверхности и светлым черепком.

Орнаментировались кувшины скупой, чаще полосчатым лощением по предварительно слегка залощенной поверхности, реже процарапыванием (рис. 3, 5) или насечкой по валику (рис. 3, 14). Один из широкогорлых (диаметр горла 21 см) неангобированных сосудов со слегка оттянутым наружу заостренным венчиком по плечу украшен валиком и двумя рядами выдавленных трубочкой колец.

В верхних слоях конца II периода найден сосуд с широким устьем, покрытый плотным черным ангобом по серому черепку и украшенный тонкой волнистой лощеной линией. Закругленные внутрь стенки сосуда завершаются венчиком без шейки с полочкой для крышки. Возможно, что у сосуда были две ручки. Если бы не значительный разрыв во времени бытования, то по полочке и орнаменту волной сосуд можно было бы считать прототипом горшков VI—VIII вв. На более ранних этапах подобные формы сосудов неизвестны. Неясно, была ли профилировка венчика специально приспособлена для крышки. Известна одна массивная плоская ло-

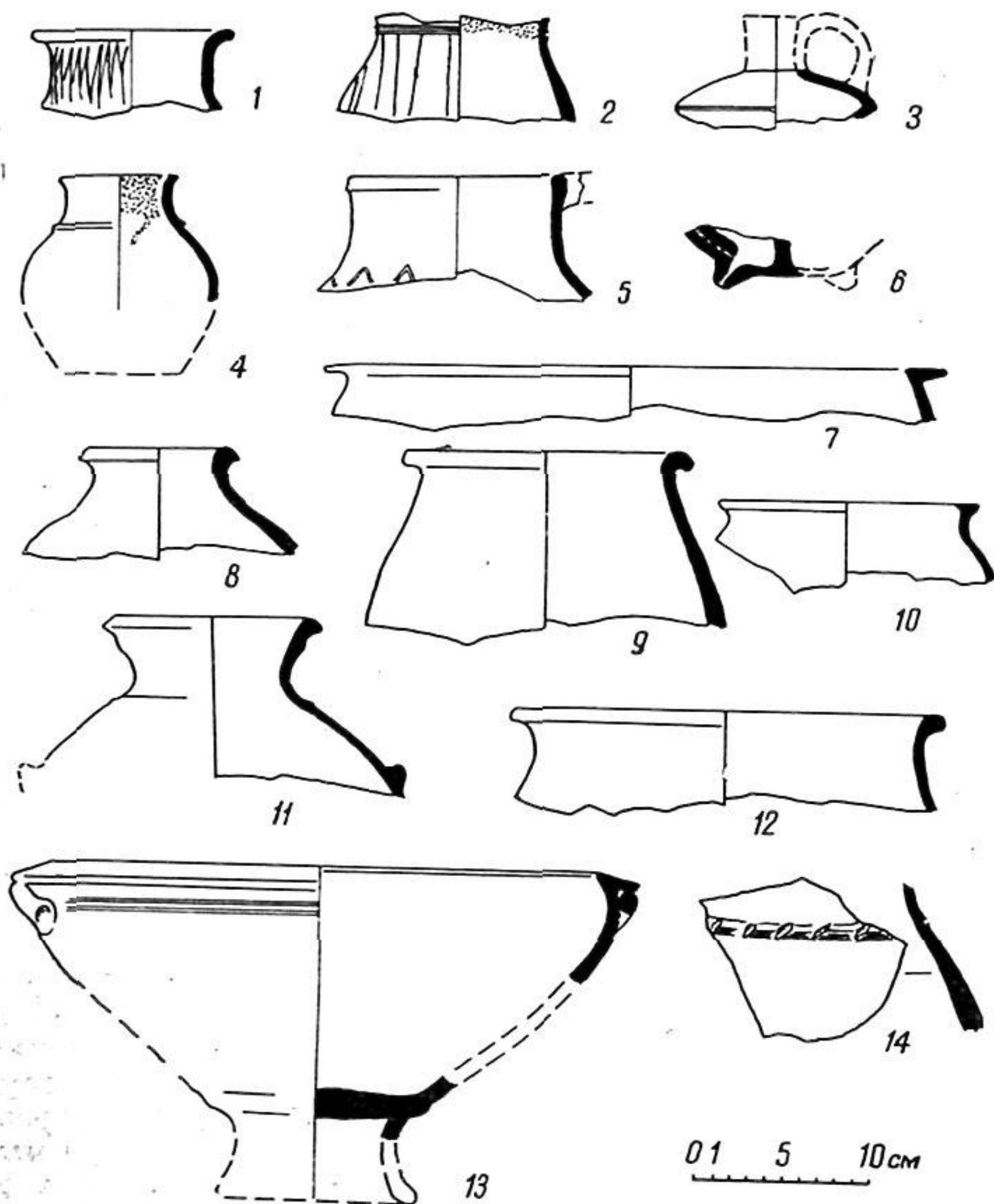

Рис. 3. Кувшины и широкогорлые сосуды раскопа 9 (1 этап).

шенная по красному ангобу крышка из слоев 4 этапа, изготовленная для большого сосуда диаметром не менее 30 см. Другая, меньшего диаметра, формой напоминает коническую чашу (ср. рис. 6, 9 и 10), и ее назначение как крышки можно определить по сильной потертости края и полосчатому лощению наружной поверхности.

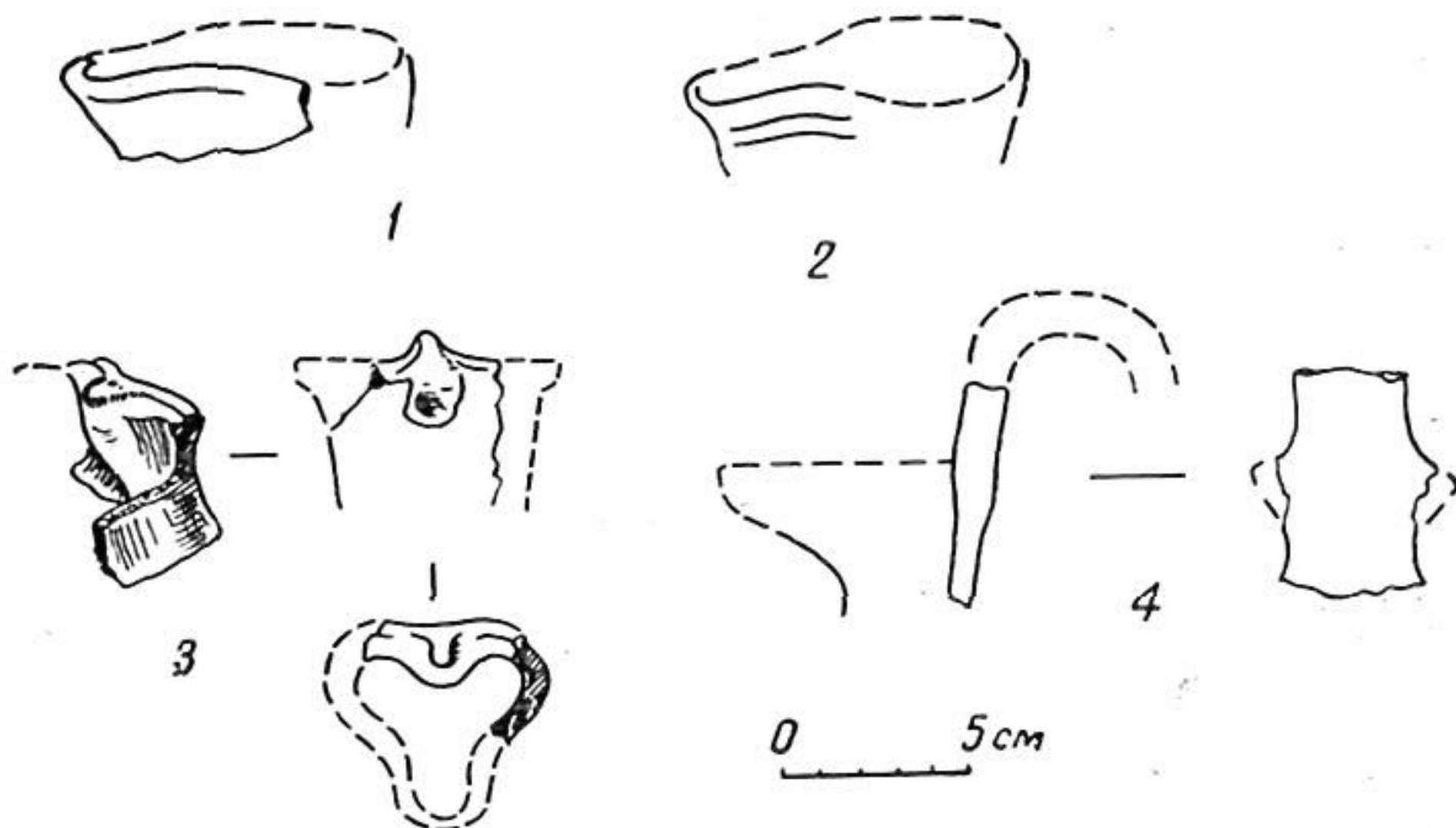

Рис. 4. Горловины кувшинов типа ойнохон (41/XVI).

К столовой посуде относятся несколько видов чаш и кубков, появившихся уже на первом этапе Афрасиаба II. Кубки представлены тремя видами: 1) кубки с округлыми стенками на плоском донце, 2) на кольцевом поддоне, 3) цилиндрической формы на дисковидном поддоне. Все они дают определенную картину не столько развития формы в пределах II периода, сколько роста или затухания их производства.

Относительная хронология комплексов на севере городища определяется самой стратиграфией (см. этапы на рис. 2). Ни с одним из трех этапов, выделенных на севере, не совпадает материал с северо-запада городища, отличающийся особен-

ностями состава комплекса и процентным содержанием некоторых видов посуды. Хронологически определить место комплекса, как наиболее раннего из выявленных, помогает присутствие здесь цилиндро-конического сосуда на плоском донце — формы более раннего происхождения, и отсутствие некоторых новых видов кубков, уже наличествующих в верхнем (позднем) этапе на севере городища. Такая последовательность слоев северо-западного (раскоп 9) и северных (41/XVI) комплексов подтверждается наблюдениями за развитием некоторых керамических форм.

Одна из древнейших форм сосудов на Востоке — кубок с округлыми стенками на маленьком плоском донце (рис. 5, 20, 21, 24, 27; рис. 6, 13, 18; рис. 7, 13, 14) — в раннем комплексе (северо-запад, раскоп 9) занимает главное место (46%) в ассортименте столовой посуды (табл. 1). На следующем этапе (раскоп 41/XVI, ярусы XXIV—XXV) кубков на плоском донце становится меньше (21%), позднее их количество снижается все больше и больше (10,0—3,4%). Тем не менее, в III периоде они продолжают изготавливаться и теряют только полосчатую орнаментацию, которая в период Афрасиаб II служит основным видом обработки поверхности этих сосудов (табл. 1, 2). Небольшое количество таких кубков изготовлялось со сплошным лощением по красному ангобу, без ангобного покрытия и с полосой светлого ангоба в верхней части сосуда (рис. 5, 24, 27).

Цилиндро-конические кубки на дисковидном поддоне (табл. 2) на первых двух этапах (раскоп 9 и XIV—XXV ярусы раскопа 41/XVI) встречаются единичными экземплярами, на третьем этапе количество возрастает до 12%, а на позднем (четвертом) этапе до 23% всей столовой посуды. Только одним экземпляром представлен сосуд переходной формы от кубка на плоском донце к кубку на ножке (рис. 5, 15). Фрагмент резервуара кубка с тонким рельефным пояском тоже принадлежит сосуду переходной формы (рис. 5, 18). Его тулово более выпукло, чем у цилиндро-конических кубков, поясок похож на валик, появившийся позднее у кубков на ножке, а орнаментация полосами аналогична применявшейся на кубках с плоским донцом. Характерно, что при всем обилии материала не встречено ни одного цилиндро-конического кубка с полосами лощения вдоль края, хотя

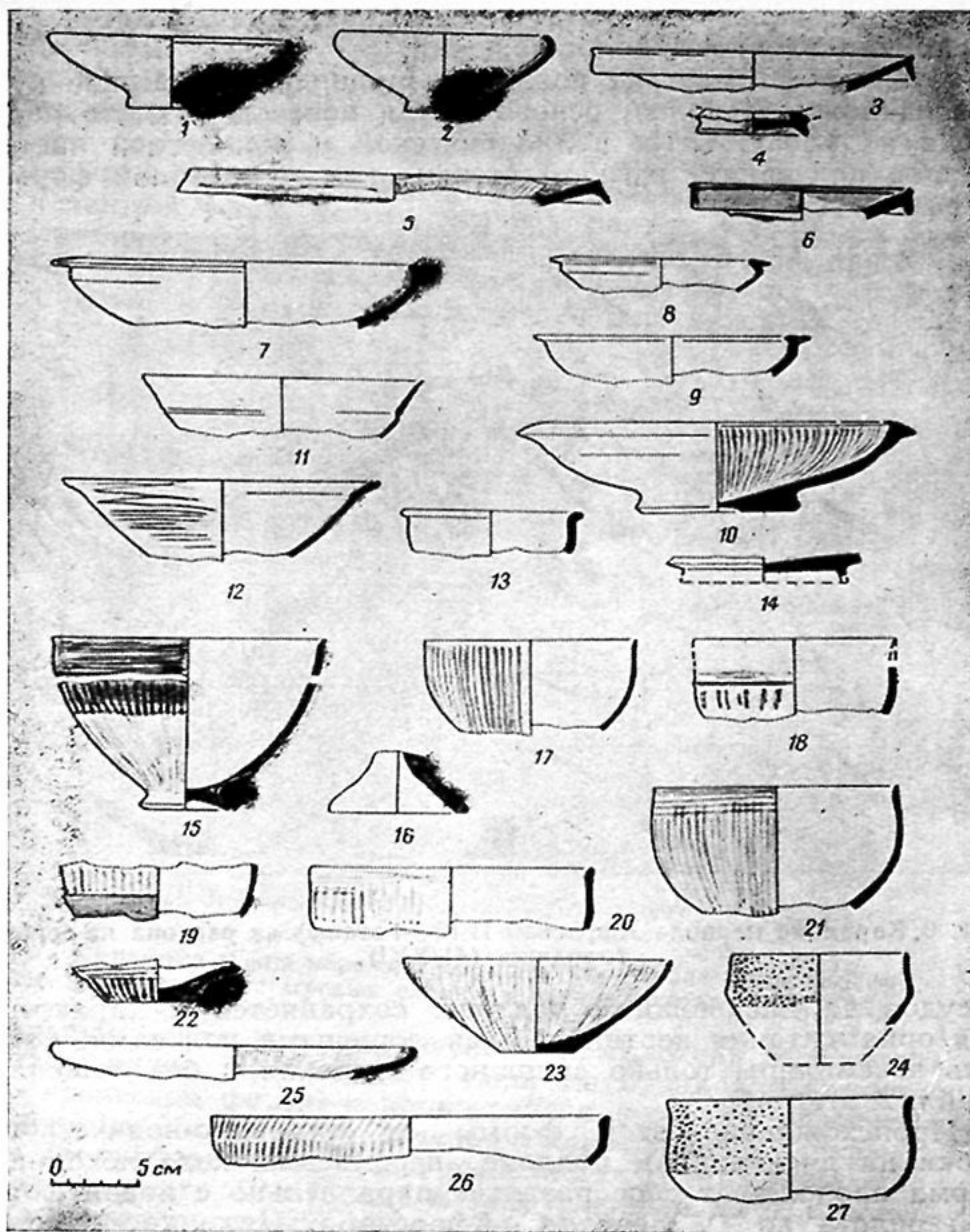

Рис. 5. Чаши и кубки из раскопа 9 (1 этап).

форма, казалось бы, сама подсказывает именно здесь разную направленность полос лощения.

На четвертом этапе появились цилиндро-конические кубки на ножке с полым основанием и пояском в месте перехода к тулову. Стык цилиндрической и конической частей тулова подчеркнут изгибом стенки как у подобной формы

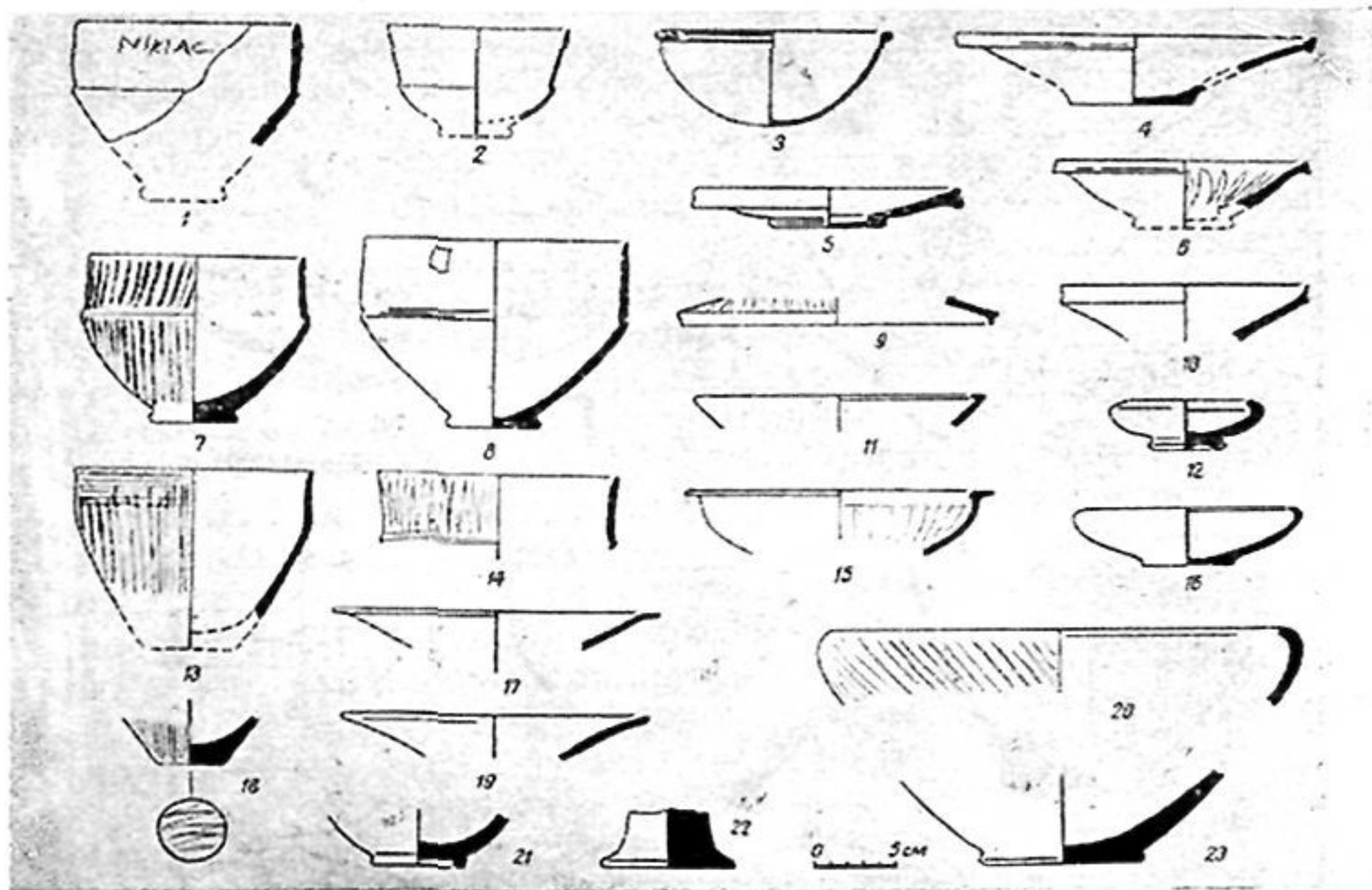

Рис. 6. Керамика периода Афрасиаб II (2—4 этапы) из раскопа на севере городища (41/XVI).

сосудов на дисковидном поддоне, сохраняется и характерная орнаментация вертикальными лощеными полосами, хотя есть экземпляры только сплошного лощения и без лощения (табл. 2, этап 4).

Происхождение этой формы от цилиндро-конического кубка на дисковидном поддоне несомненно, хотя исходная форма продолжает свое развитие параллельно с новой формой вплоть до IV периода Афрасиаба. Цилиндро-кониче-

ские кубки на кольцевом поддоне того же четвертого этапа, но из более ранних слоев, могли быть переходными формами к кубкам на ножке. Возможно, что они возникли и производились параллельно и независимо друг от друга. Но следует иметь в виду, что поддон цилиндро-конического кубка на первых порах имел ту же кольцевую, с утолщением в центре донца, форму, что и у ранних кубков с округлым резервуаром, поставленных на поддон. Характерно, что для этих видов сосудов не был придуман новый профиль поддона, а скопирован поддон чаш, и лишь позднее он начинает видоизменяться.

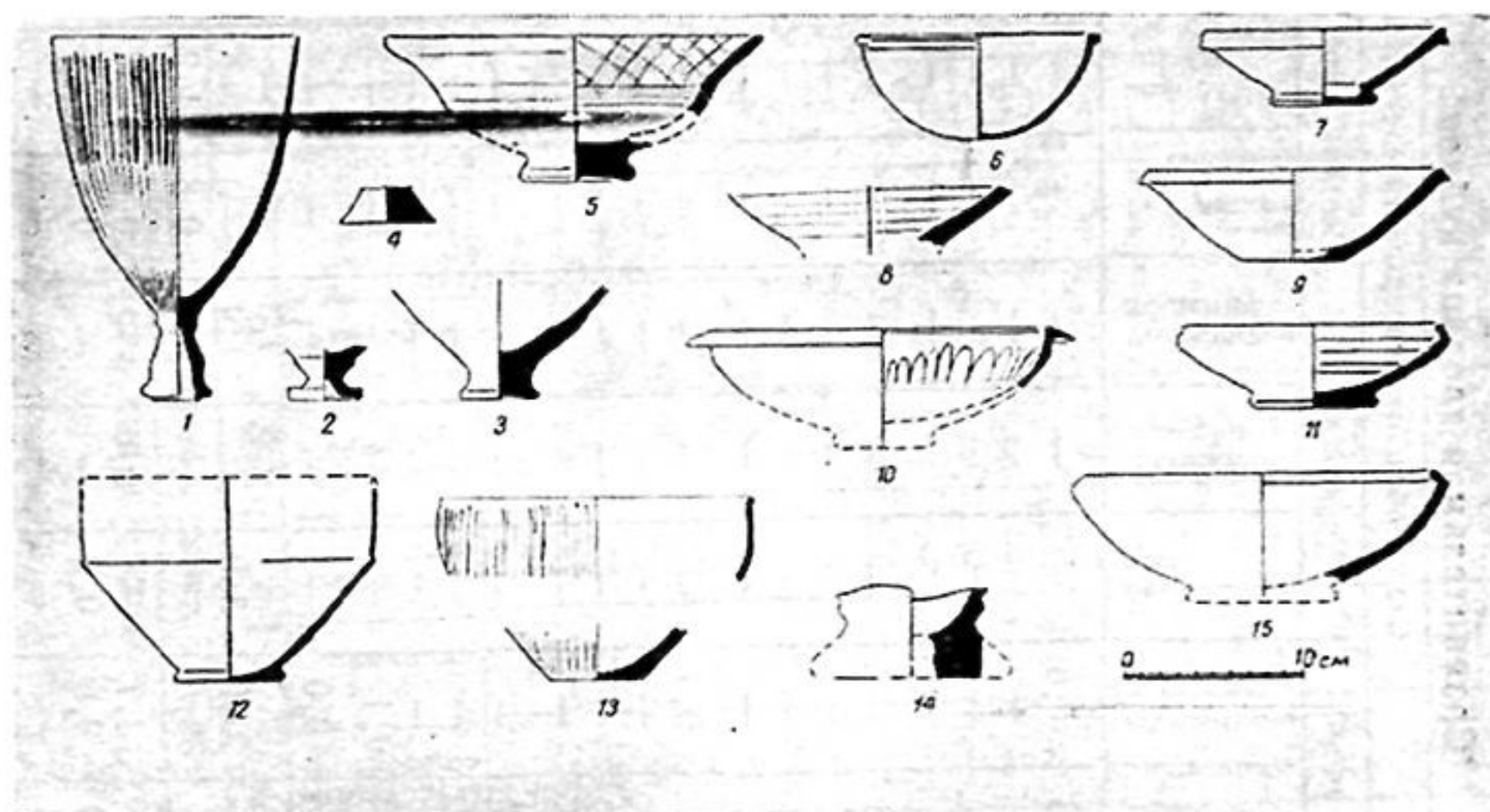

Рис. 7. Керамика конца периода Афрасиаб II—начала периода Афрасиаб III из зольно-гумусных слоев на севере городища (41/XVI).

Большое место в керамических комплексах II периода занимают чаши. Преобладали чаши двух видов: близкие к полусферической форме и конические с широким отогнутым вниз бортом, имеющим в сечении клювовидный профиль. Среди «полусферических» чаш выделяется группа небольших сосудов (диаметр 12—16 см) с закругленным внутрь венчиком на слегка вогнутых, дисковидных и кольцевых поддонах

Таблица 2

Сравнительная таблица кубков

Форма	Этап	Способ обработки поверхности сосуда, %											Всего % от общего количества столовой посуды
		Красный ангоб			Черный ангоб			Светлый ангоб		Без ангоба			
		без лощения	сплошное лощение	полосчатое лощение	без лощения	сплошное лощение	полосчатое лощение	без лощения	полоса ангоба по краю	без лощения	сплошное лощение	полосчатое лощение	
Кубок цилиндро-конический на полой ножке	4	0,8	1,6	1,6	—	—	—	—	—	—	—	—	4,0
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кубок на ножке с дисковидным основанием	4	2,5	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,3
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кубок вытянутый с полосчатым лощением	4	—	—	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—	0,4
	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Кубок на кольцевом поддоне	4	—	0,8	—	—	—	—	—	—	0,4	—	—	1,2
	3	—	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,0
	2	—	1,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,4
	1	—	—	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—	0,4
Кубок на плоском донце	4	—	—	3,0	—	—	—	—	—	0,4	—	—	3,4
	3	—	1,7	5,3	—	0,8	0,8	—	—	0,4	0,4	0,4	9,8
	2	—	—	10,0	3,0	—	1,4	—	—	6,4	—	—	20,8
	1	—	2,5	36,5	—	—	0,8	0,8	1,2	3,7	—	0,4	45,9
Цилиндро-конический кубок на дисковидном поддоне	4	5,0	10,7	3,7	—	0,8	—	0,4	—	1,6	0,4	0,4	23,0
	3	—	8,0	2,6	0,8	—	—	0,4	—	0,4	—	—	12,2
	2	—	1,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,4
	1	—	—	0,4	—	—	0,4	—	—	—	—	—	0,8

Таблица 3

Сравнительная таблица чаш

[illegible]

с утолщением в центре донца (рис. 5, 1, 2; рис. 6, 16). Они либо не ангобировались, либо покрывались светлым или изредка красным ангобом (табл. 3).

Близкие им по форме мелкие (рис. 6, 12) или, напротив, крупные чаши (рис. 6, 20) чаще всего красноангобированы и обработаны лощением. В слоях второго этапа найдены два фрагмента стенки чаши, орнаментированной крупными миндалевидными углублениями и покрытой с обеих сторон плотным красным ангобом со сплошным ярким лощением.

Чаши с клювовидным венчиком на дисковидных полых, образующих внутри сосуда отделенное уступом углубление, и на кольцевых поддонах выпускались в значительном количестве не ангобированными. Но на них применялись все виды покрытий и обработки от сплошного и полосчатого лощения до росписи (рис. 5, 6). Сделаны они из хорошо приготовленной гончарной массы, но формовались обычно грубовато, хотя нередко экземпляры с отлично выточенными, четкими линиями профиля и хорошо заглаженной поверхностью (рис. 5, 3 5; рис. 6, 4, 6). Ангобом, независимо от его цвета, покрывалась либо вся поверхность, либо только внутренняя часть и небольшой вертикальный бортик (табл. 3).

В меньшем количестве изготавливались чаши с Т- и Г-образным профилем венчика (рис. 5, 7—10; рис. 6, 15; рис. 7, 10), с плавно развернутым бортом и с развернутым бортом, имеющим на внутренней стороне уступ (рис. 5, 11, 12; рис. 7, 5). Для них обычен красный ангоб, сплошное или полосчатое лощение (табл. 3), редки неангобированные и совсем не встречены светлоангобированные экземпляры.

В коллекции В. Л. Вяткина (из раскопок 1929 г. в районе мечети на Афраснабе) есть полусферическая небольшая чаша (диаметр 13 см, высота 6 см), покрытая красным ангобом, лощеная. Вдоль края проведена углубленная полоска и наложены 2 (?) валика. Вместе с чашей хранятся светлоангобированная полусферическая чаша с закругленным внутрь венчиком на плоском поддоне и цилиндро-конический котел с отогнутым бортом³. Исследователи не обратили внимания на эти предметы, а между тем чаша оказалась ха-

³ Государственный музей культуры и искусства народов Узбекистана в Самарканде, колл. 363.

ракторной формой не только пополняющей комплекс периода Афрасиаб II, но и помогающей в его интерпретации. В 1970—1972 гг. в раскопе на севере городища полусферическая чаша стала обычной находкой. Диаметры чаш от 12 до 16 см, наиболее распространенный — 13 см. Самая приземистая чаша имеет высоту 3,9 см при диаметре 12 см, наиболее вытянутых пропорций — высоту 7,6 см при диаметре 13 см.

Небольшую, но характерную группу керамики составляют крупные сосуды на высоких поддонах с разной профилировкой тулова и венчика. Фрагменты трех таких сосудов с резко оттянутым наружу и четко профилированным венчиком найдены в слоях первого этапа (раскоп 9; рис. 3, 7, 13). Тулово восстанавливается в виде глубокой чаши на высоком полом поддоне. Под венчиком проведены две бороздки, ручки дуговидные, примятые у корня. В одном случае ручки сделаны в виде дуги с седловиной и вмятинами у корня. Ангоб черный, красный и красный с большими подпалинами, вся поверхность залощена. Из комплексов на севере городища к таким сосудам можно отнести фрагменты толстых стенок и больших поддонов с прекрасной обработкой обеих поверхностей.

На севере городища выявлен керамический комплекс переходного этапа к периоду Афрасиаб III (рис. 7). Здесь, в отличие от ранних этапов, появились черноангобированные сосуды с серым черепком, орнаментированные сетчатым лощением (рис. 7, 5) и горизонтальными полосами лощения (рис. 7, 8). Зафиксированы и новые виды кубков. Кубок вытянутых пропорций орнаментирован типичным для II периода вертикально-полосчатым лощением (рис. 7, 1; табл. 2). Кубки приземистых пропорций либо декорированы так же, либо обработаны сплошным лощением (рис. 7, 2—4). Остальные формы сосудов переходного комплекса уже известны на более ранних этапах II периода.

Широкогорлые сосуды типа хумча разнообразного хозяйственного назначения имеют цилиндрическое тулово без плечиков, четко выраженное ребро при переходе к округлому днищу и манжетовидный венчик (рис. 8, 1, 3, 14—17). Днище таких сосудов (как и более крупных хумов) формировалось в специальной неглубокой чаше, на поверхность ко-

торой подсыпался песок или измельченная органика. В редких случаях стелилась ткань (рис. 8, 16). Иногда чашу помечали углубленным изображением, дававшим рельефный отпечаток на днище сосуда. Фрагмент днища со следами оттиска найден на севере городища (41/XVI) в слоях 2 этапа II периода, а из средневекового завала на северо-западе (раскоп 7) извлечена нижняя часть сосуда раннего происхождения, на округлом днище которого отпечатался знак, напоминающий изображение ключа формы, известной по находкам в раннесредневековом Пенджикенте и усадьбе под Самаркандом. В Бухаре в слоях примерно соответствующих периоду Афрасиаб II найдены фрагменты нескольких чаш большого диаметра, грубо сформованных в отлогом углублении с песчаной подсыпкой. Небрежно изготовленные и потрескавшиеся, они вряд ли употреблялись в быту, но вполне могли выполнять роль формы при выделке днищ крупных сосудов.

Тулово сосудов больших размеров формовалось отдельно и соединялось затем с изготовленным на круге, но в специальной чаше, днищем. Найдено несколько фрагментов нижних частей стенок, где хорошо видно место скрепления тулова с днищем, тщательно заглаженное внутри и образующее резкое ребро снаружи, что, вероятно, делалось для большей прочности. Ребро подрезалось ножом или заглаживалось.

При использовании для хранения жидкостей хумы обмазывались снаружи цементирующим белым раствором. В стенках хумов, предназначенных для хранения сыпучих продуктов, прокладывались вентиляционные отверстия диаметром 0,5 см.

Стенки многих крупных широкогорлых сосудов и больших кувшинов в придонной части помечены одним или двумя (рис. 8, 15) вертикальными штрихами, процарапанными по сырой глине, а в одном случае знаком в виде «И». Крупные сосуды обычно не покрывались ангобом, лишь изредка отмечается светлый ангоб. Необычен для этой группы керамики тщательно выделанный сосуд с обеих сторон покрытый плотным черным ангобом (диаметр дна 34 см).

⁴ Шурф у восточного подножья арка. Работа Г. Дадабаева под общим руководством Р. Х. Сулейманова.

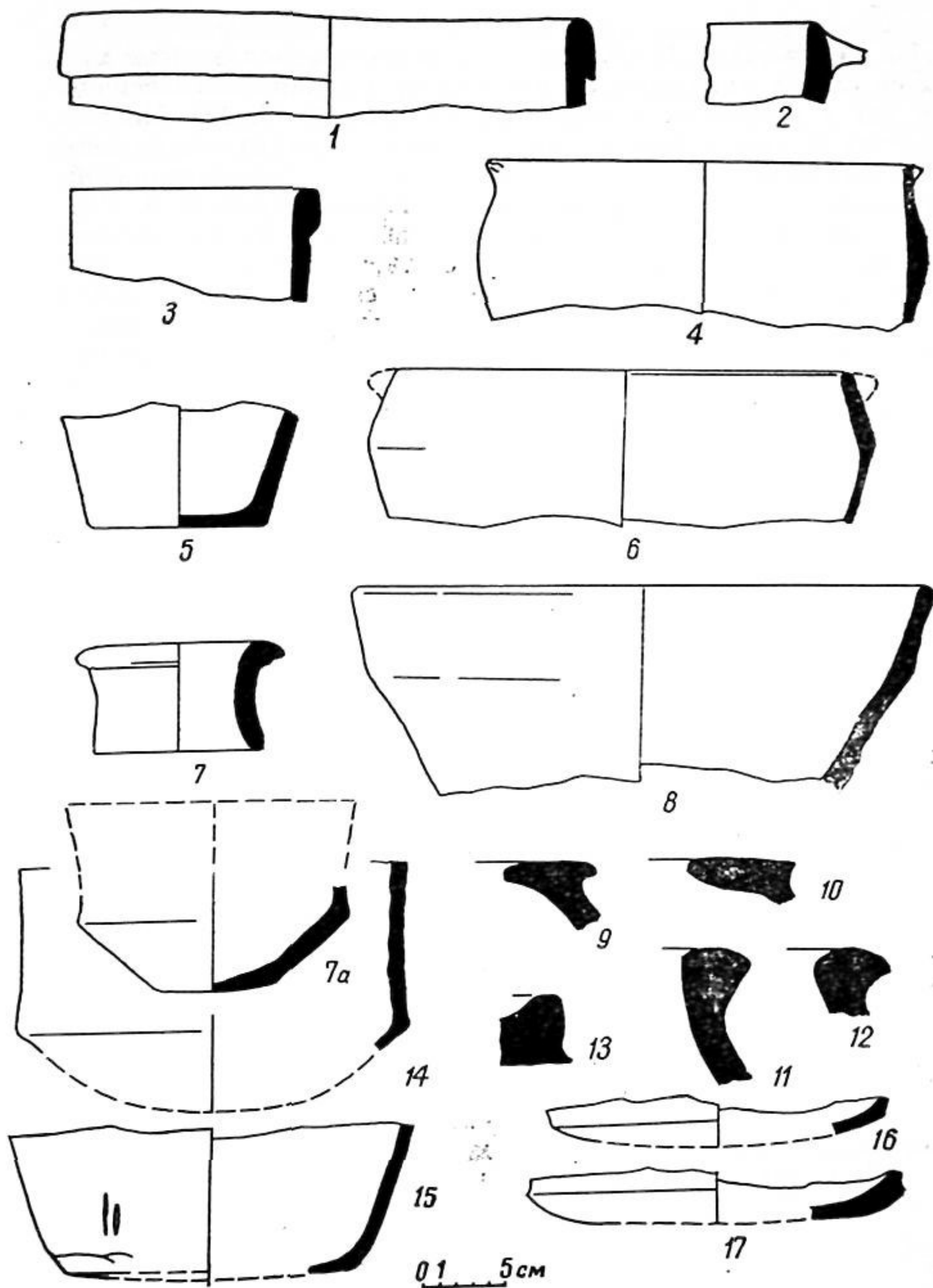

Рис. 8. Керамика из раскопа 9 (1 этап).

На протяжении II периода в хозяйстве используются хумы со слегка намеченными плечиками и утолщенным венчиком как и в предшествующее время (рис. 8, 11, 12). Но появляется и новая форма с более узкой горловиной, сильно загнутым внутрь краем и венчиком в виде горизонтальной площадки, уступом переходящей к плечу (рис. 8, 9, 10). Такое оформление устья хума, появившись в начале периода Афрасиаб II, продолжает оставаться характерным для следующего периода и лишь к концу его начинает видоизменяться, приобретая все больший наклон площадки наружу. Хумы позднего этапа Афрасиаб III (или начала периода Афрасиаб IV) с венчиком слабо вогнутым внутрь и площадкой, уже получившей большой наклон наружу, стояли в частично раскрытом хранилище на севере городища⁵.

Для небольших круглодонных или неустойчивых сосудов (возможно, цилиндрических как на рис. 8, 7А) изредка (найлены два экземпляра) применялись подставки в виде горловины кувшина (рис. 8, 7)⁶.

Кухонные котлы лепились из лент или целых кусков глины, а иногда на матерчатом шаблоне. Значительная часть их круглодонна, но встречаются и плоскодонные котлы (рис. 8, 5). Пропорции их обычно приземисты, редко вытянуты, а формы разнообразны: без плечиков с прямым краем; со слегка наклонными внутрь стенками (рис. 8, 6); со слабо выраженной горловиной (рис. 8, 4); с хорошо выраженными плечиками; с наклонным наружу краем. Обычны шишковидные налепы у самого устья.

На севере и северо-западе Афрасиаба найдены сосуды, вылепленные из лент, близкие к конусообразной форме с широко открытым устьем. Назначение одного из них (рис. 8, 8) неопределенно, так как тесто его отличается характером добавок от обычной котельной массы, а следы копоти отсутствуют. Но другой такой же сосуд сформован из массы, насыщенной шамотом и дробленным сланцем, а наружная поверхность закопчена.

⁵ См.: Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Новые данные по истории древнего Самарканда, ОНУ, 1970, № 9, стр. 71.

⁶ Подобные предметы обнаружены в Таксиле. Ом.: J. Marschall Taxila, Cambridge, 1951, v. III, pl. 203.

Судя по фрагментам неопределенных предметов со следами копоти на поверхности и сформованных из котельной массы, кухонный инвентарь был довольно разнообразным. Котлы закрывались лепными вогнутыми и выпуклыми крышками, изготовленными из массы с большой примесью шамота и дресвы.

Изделия, вылепленные из обычной керамической массы без применения гончарного круга, попадаются редко. В слоях разных этапов Афрасиаб II найдены два маленьких сосуда: трубой лепки асимметричная «полусферическая» плошка из хорошо подготовленной глины, покрытая плотным красным ангобом, и более тщательно выполненная плоскодонная коническая плошка.

Светильники почти отсутствуют в слоях II периода, если не считать трех сплошных высоких лепных ножек, вероятнее всего, принадлежавших этим предметам.

Большая часть описанных форм имеет свои прототипы в предшествующем периоде (Афрасиаб I). Но период Афрасиаб II резко отличается от более раннего применением в массовой продукции красного ангоба, обработанного лощением.

Поиски корней новых вариантов форм и новых технологических приемов прежде всего приводят к бактрийским комплексам первых веков до нашей эры. Большая близость их с согдийскими комплексами периода Афрасиаб II и III несомненна⁷. Формы керамики общие для Бактрии и Согды оказываются близкими к формам греческой посуды. Чаши с «Т»- и «Г»-образным профилем и «полусферические» с закругленным внутрь бортом находят аналогичные варианты в эллинистической посуде Греции и Ближнего Востока.

Чаши с клювовидным профилем венчика мало отличаются от «рыбного блюда»; более отдаленное, но все же несомненное, сходство прослеживается между кратерами и сосудами с широким устьем на высоких поддонах, между «мегарской» чашей и круглодонной чашей с желобками и валиками. Местную посуду с эллинистической связывает и употреб-

⁷ D. Schlumberger et P. Bernard. Ai Khanoum, Bulletin de Correspondance Hellénique, LXXXIX, 1965, II, Paris, pp. 606—639; J. C. Gardin. Céramiques de Bactres, MDAFA, t. XV, Paris, 1957, pl. Vil, 23 a (1), a (2); 24 b; III, 15 b; IV, 16 a, 17, 19 b, c, 18 a, b; XIII, 3.

ление красного ангоба, и сплошное лощение поверхности сосуда.

Вместе с эллинистической керамикой в Согд попали сосуды, подражающие ахеменидским металлическим образцам. Круглодонная чаша с развернутым бортом и с туловом, перетянутым рельефным пояском, была широко распространена и известна в меди, серебре и керамике⁸. Не менее распространенным был, вероятно, металлический ритон в виде кувшина с двумя сосками, поскольку керамические реплики его встречены и в Закавказье⁹, и в Хорезме¹⁰, и в Согде (рис. 3, 6).

Все это позволяет искать рубеж между комплексами I и II периодов Афрасиаба где-то в пределах последней четверти IV и начала III в. до н. э. Такому предположению не противоречат и две находки в слое с керамикой Афрасиаб II, вскрытом за пределами городища. Это бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с возможной датой IV—III вв. до н. э. и медная монета с именем Антиоха¹¹.

Верхняя хронологическая граница периода Афрасиаб II определяется с трудом. Несколько помогает этому обращение к территориально далекому материалу. Кубок вытянутых пропорций конца периода Афрасиаб II находит свое развитие в форме кубка из Шахри-Бану¹², где неустойчивую ножку (если она не признак местной особенности) сменила ножка устойчивая, и дальше в кубке из могильника Тупхона¹³, где меняется абрис резервуара.

⁸ E. F. Schmidt. Persepolis, II, Chicago, pl. 68, 1; Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—II вв. до н. э., САИ, М., 1970, стр. 101, табл. XV, XLV, № 410; O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus, London, 1926, p. 45, fig. 72, № 182—184.

⁹ Г. А. Тирацян. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э., СА, 1964, № 3, рис. 6, 2, 3.

¹⁰ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, ТХАЭ, т. IV, М., 1959, табл. V, 23, 24.

¹¹ Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О конгюйско-кушанских слоях Афрасиаба, ОНУ, 1968, № 8, стр. 58—60.

¹² J. C. Gardin, op. cit., pl. XIII, 3.

¹³ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, МИА, 1950, № 15, стр. 165, табл. 83, 7; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, МИА, 1959, № 136, рис. 55, 5, стр. 153.

Приняв для интересующей нас группы погребений Тупхона дату А. М. Мандельштама (I в. до н. э.— I в. н. э.) и учитывая время, необходимое на эволюцию узкорезервуарного кубка, мы получим возможность с какой-то долей вероятности датировать афрасиабский кубок, а с ним и конец периода Афрасиаб II, не позднее I в. до н. э. или рубежа II—I вв. до н. э. Последний вариант более приемлем, так как развитие кубка с приземистым резервуаром в комплексе Афрасиаб III (во многом сходном с предшествующим) не позволяет выводить III период далеко за пределы I в. до н. э., а длительность его существования заставляет ограничить комплекс Афрасиаб II пределами II в. до н. э.

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
ШАХРИСТАНА САМАРКАНДА

Процессы формирования и развития древнего Самарканда исследовались многими археологами¹. Но развернувшееся в последние годы изучение города и его окружи Афрасиабской комплексной экспедицией дает новые материалы, по-иному освещающие некоторые детали формирования города. В нашей статье рассматриваются материалы раскопок 1969—1971 гг., проливающие свет на вопросы исторической топографии шахристана.

Раскопки проводились в северном, центральном и восточном районах городища. Разведочные работы велись на площадях к востоку и югу от Афрасиаба, на площади Регистан, изучалась стена окружи — Девори кыемат, наблюдались разрезы культурных напластований при строительно-планировочных работах в юго-западных пределах средневекового рабада. Раскопки представили ряд новых данных по микро-

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927; А. Ю. Якубовский. Из истории археологического изучения Самарканда, ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 285—336; М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—165; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 152—169; В. Д. Жуков. Новые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд), ОНУ, 1961, № 4, стр. 54—57; Сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969; М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, Ташкент, 1966; Г. В. Шишкина. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, Ташкент, 1969.

топографии города, системе его водоснабжения, направлению основных уличных магистралей, положению городских ворот и некоторых ремесленных мастерских шахристана.

Географическое положение. Большинство авторов считает, что территория Афрасиаба — это продолжение отрогов Чупанатинских гор с обрывистыми берегами и глубокими каньонами саев, ограничивающих городище, что являлось для древнего населения одним из важных фортификационных факторов при выборе места для города. В. Л. Вяткин отмечал, что по северной границе Афрасиаба, ввиду обрывистости берегов, «сплошной стены, по-видимому, никогда не было»². Отдельные площади и сейчас возвышаются над руслом Сиаба до 20,4 м.

Изучение микрорельефа показывает, что город формировался на лессовых холмах с мягким рельефом и незначительной расчлененностью. Высота их с северной, наиболее густо обжитой части, даже уступает естественным холмам, оставшимся неосвоенными. Основные изменения рельефа шахристана связаны, с одной стороны, с активной деятельностью человека, выразившейся в наращивании культурных напластований различной мощности за счет архитектурно-строительных сооружений, а с другой — с резким углублением русла Сиаба, интенсивность вреза которого в лессовое ложе резко возросла после увеличения дебита вод за счет подключения дополнительных водных источников.

Источники водоснабжения. (рис. 1). По сообщениям средневековых авторов, основным источником водоснабжения шахристана Самарканда являлся свинцовый водопровод — джунарзиз, подававший воду «над головами самаркандского

² В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 5. В последние годы автор несколько изменил свою точку зрения. В дневниковых заметках за 1929—1930 гг. он отмечал, что никто не занимался тщательным обследованием стен городища в северной части, где они сохранились в виде валов. Стена могла быть образована наращиванием глинобитной и кирпичной кладки и состоять из двух параллельных линий, пространство между которыми заполнялось насыпью комьев земли. Откосу в овраг Сиаба был придан вид вертикального обрыва (см.: В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 97).

базара и квартала менял»³. Но на первых этапах освоения городских площадей вода подавалась, в основном, по системе естественных русел Снаба-Обимашада.

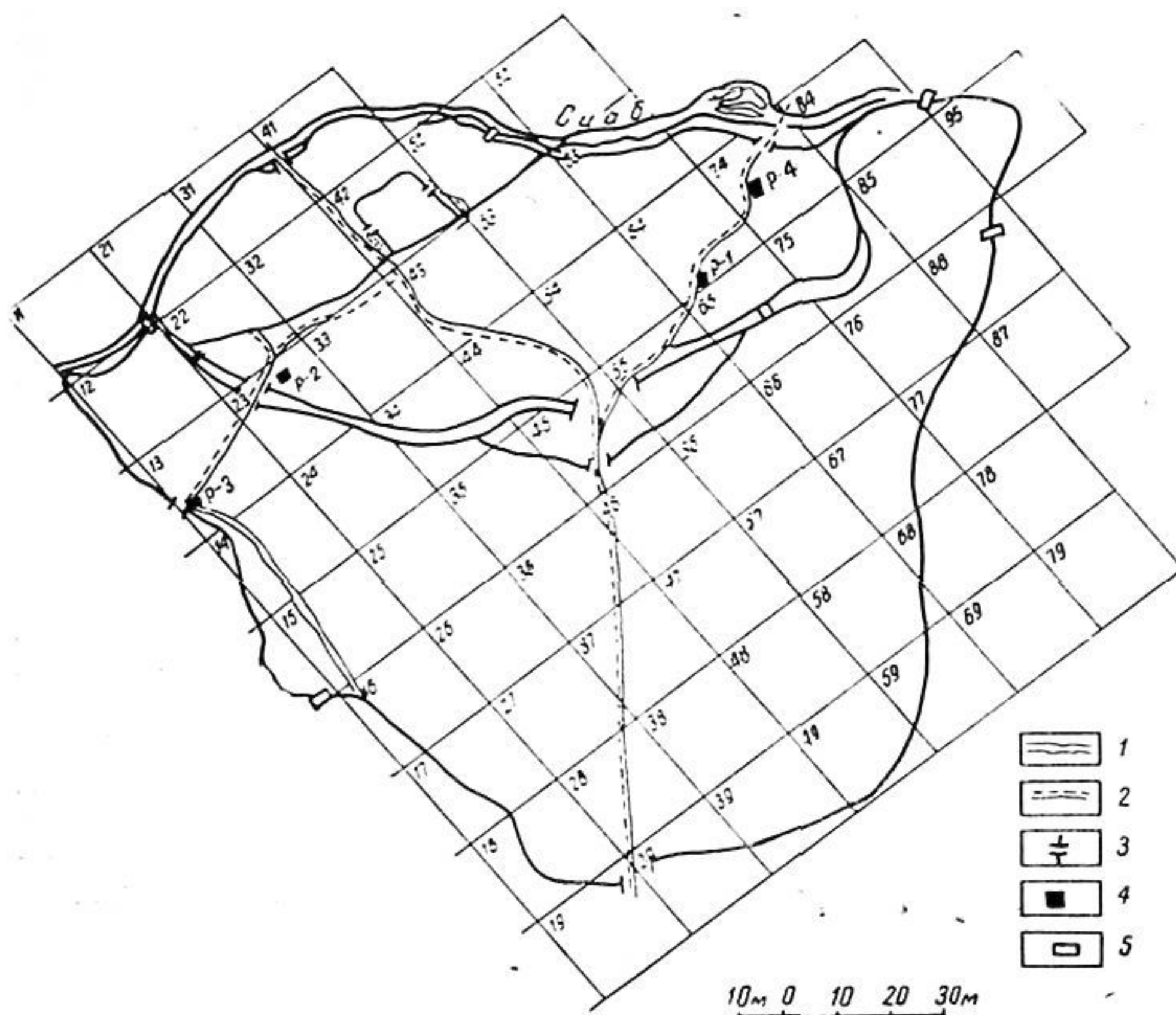

Рис. 1. Схематический план Афраснаба с указанием ворот и протоков.
Условные обозначения: 1—каналы и дороги; 2—дороги; 3—места ворот; 4—ворота, намечавшиеся ошибочно; 5—раскопки дорог и ворот.

³ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма-ибн-Хаукаля, Труды САГУ им. В. И. Ленина, вып. СХІ, Ташкент, 1957, стр. 14—15.

В 1970 г. совместно с геоморфологом Р. Л. Югаем проведены наблюдения вдоль северной и восточной границ Афрасиаба и выявлены аллювиальные отложения древнего русла Сиаба, проходившего восточнее, параллельно современному руслу. Дно древнего протока располагалось на 11,4 м выше нынешнего зеркала воды. Постепенно углубляясь, русло скатывалось к западу. Культурные наслоения на восточном берегу Сиаба прослеживаются почти до уровня аллювиальных отложений протока.

Таким образом, к началу освоения территория, прилегающая к Сиабу с востока, возвышалась незначительно, местами совпадая с поймой, и лишь в процессе жизни культурные слои выросли до 9,5 м. Начальный этап обживания площадей был предварительно отнесен нами к III—II вв. до н. э.⁴ Дальнейшая обработка материала позволила уточнить эту дату⁵. Стратиграфические раскопки, проведенные в северной части Афрасиаба⁶ показывают, что культурные наслоения здесь выросли на высоту более 12 м и, следовательно, к началу обживания площадь поднималась над руслом Сиаба лишь на 2—4 м. Древние протоки, подававшие воду самотеком, обнаружены и на территории Афрасиаба. Наиболее ранний из них выявлен в западной части шахристана.

Проток проходил по территории Афрасиаба на протяжении более 500 м с юга на север с легкими меандрами и небольшим общим склонением к западу. Ширина протока от 5,8 до 12 м, мощность отложений до 1,5 м. В предшествующие годы он был частично разрезан при раскопках стены шахристана (квадрат 15), в наслоениях которой отмечался «слой чистого песка, принесенного водой», мощностью 0,7—0,8 м, который, однако, не был определен как русло протока⁷.

⁴ Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба по (материалам археологических раскопок 1968 г.), ОНУ, 1968, № 8, стр. 59.

⁵ Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Новые данные по истории древнего Самарканда, ОНУ, 1970, № 9, стр. 70.

⁶ М. К. Пачосом в XXII—XXIV ярусах раскопа 31/XIX вскрыты слои VI—V вв. до н. э. Г. В. Шишкиной в квадрате 41/XVI раскрыта крепостная стена середины I тысячелетия до н. э., основание которой уходит в XXXVI ярус (т. е. на глубину 18 м) См. Г. В. Шишкина. Древнейшая оборонительная стена Самарканда, ОНУ, 1970, № 9, стр. 104.

⁷ М. К. Пачос. Оборонительные сооружения Афрасиаба, стр. 96, 101.

Специальный разрез русла сделан нами после его выявления в 1970 г. в квадрате 13 (раскоп 3). Здесь проток расширяется до 12 м, мощность отложений, представленных светлым крупным песком с мелкой галькой без лессовых включений, достигает 1,5 м. Находки встречены лишь в ямах, врезуемых в погребенное русло из верхнего слоя в период обживания территории в IX—X вв. н. э. Второй проток шириной до 8 м зафиксирован в восточной части шахристана, в обрезах оврагов близ мазара Ходжа Данияр (квадрат 74). Проток, судя по культурным наслоениям, связан с ранними этапами обживания городской территории (середина I тысячелетия до н. э. — первые века до н. э.).

Топография городских ворот и магистралей. В процессе работ изучалась топография городских ворот и основных улиц шахристана. Местоположение южных ворот во второй и четвертой стенах казалось бесспорным, но пункты остальных ворот вызывали сомнение, т. к. вторая (двойная) крепостная стена, возведенная в IV—VII вв. н. э.⁸ (скорее в IV—V вв.), являлась некоторое время границей раннефеодального шахристана, а при его разрастании осталась границей внутреннего шахристана (мадина дохиль).

Согласно источникам, в шахристане было четверо ворот: южные (кешские), восточные (китайские), северные (бухарские) и западные (наубехарские).

Намеченные же по плану предшествующих исследователей, восточные и северные ворота располагаются далеко в стороне от стен внутреннего шахристана. Ворота, указанные на плане М. К. Пачоса во второй крепостной стене как восточные, фактически располагаются в южном фасе стены⁹. Не было единого мнения и о положении западных ворот в четвертой крепостной стене. В. Л. Вяткин и М. К. Пачос намечают их в четвертой стене шахристана в пределах 13-го квадрата, В. А. Шишкин помещает их значительно южнее — в квадрате 15¹⁰.

⁸ М. К. П а ч о с. К изучению стен городища Афрасиаб, СА, М., 1967, № 1, стр. 69.

⁹ Там же, стр. 61.

¹⁰ В. Л. В я т к и н. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 5; М. К. П а ч о с. К изучению стен городища Афрасиаб, стр. 61; В. А. Ш и ш к и н. Афрасиаб — сокровищница древней культуры, Ташкент, 1966, стр. 7.

Определить местонахождение ворот помогли наблюдения за основными улицами города.

С поверхности наиболее четко прослеживается магистраль, идущая сначала от южных ворот вдоль внутренней стены к востоку, а затем поворачивающая на северо-восток к Снабу (близ мавзолея Ходжа Данияра).

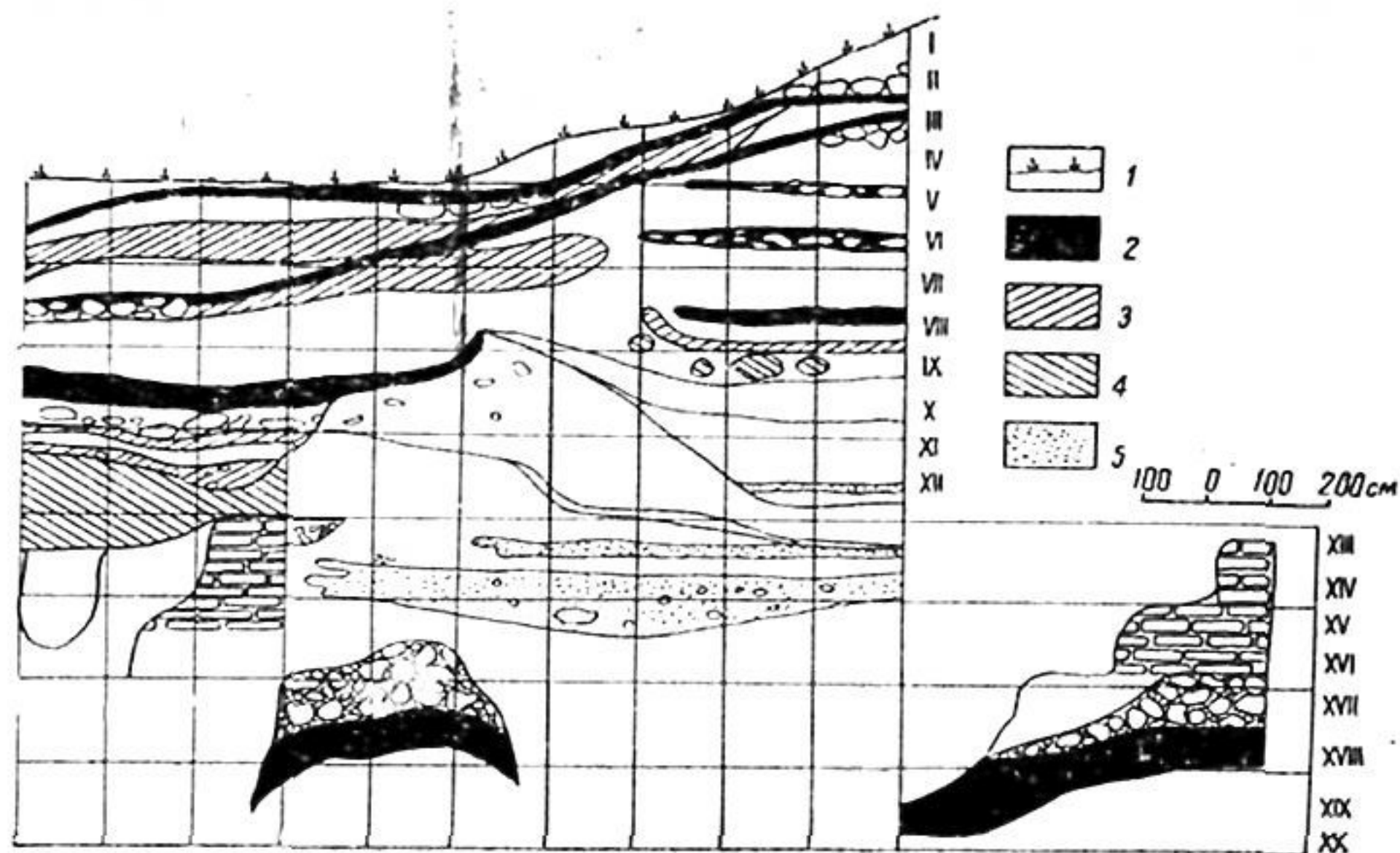

Рис. 2. Разрез наслоений в раскопе 4 у мазара Ходжа Данияра.

Условные обозначения: 1—дерновый слой; 2—уровни дерэг; 3—илистые слои; 4—пахса; 5—слой протока.

Раскопки верхнего слоя, проведенные в 1970 г. Р. Равшановым (раскоп 1), фиксируют вымостку дороги чупанатинским сланцем. Ширина дороги на различных участках менялась от 2,2 до 2,8 м, т. к. она проходила вдоль застроек. Материал на поверхности дороги позволяет отнести ее функционирование к XI—XII вв. Стратиграфические раскопки в квадрате 74 представили большой интерес для стратиграфии культурных наслоений восточных районов шахристана (раскоп 4, рис. 2). Разрез длиной 10 м и глубиной вреза до 6 м был заложен

вдоль южной стены оврага, проходящего к Сиабу в северо-восточном направлении¹¹.

На глубине 0,5—0,7 м под дерновым слоем и оплывом расчищена дорога, вымощенная чупанатинским сланцем и булыжником. Она уходит на северо-восток с небольшим уклоном. Находки в дорожном слое разновременны, но определяющим является поздний материал, представленный сосудами с бирюзовой поливой и фрагментами чаш, покрытых зеленой глазурью с подглазурным процарапанным орнаментом. Эта керамика характерна для XII—начала XIII вв. В слое найдены обломки металлических шлаков. Поблизости от описываемого участка в 1948 г. А. И. Тереножкин открыл остатки мастерской оружейника XI—XII вв. с соответствующим инвентарем¹².

На 0,5 м ниже мастерской расчищены остатки более ранней дороги, вымощенной сланцем и булыжником, идущей в том же направлении. Этот дорожный слой изобилует обломками шлаков, костями животных, скоплениями золы и угля, гвоздями с широкими шляпками, которыми подбивались подковы. В культурных слоях, прилегающих к дороге, выявлены скопления жирных зеленых глин.

На дороге и вдоль нее найдены керамические чаши с зеленоватой, расплывающейся росписью по белому ангобу, тарелкообразные крышечки с цилиндро-конической ручкой в центре, фрагменты сосудов с голубой глазурью и кувшина с рельефным фестончатым налетом. Материал дает широкие рамки функционирования дороги от IX до XII в.

На глубине 2 м расчищен уровень третьей дороги с несколько иным уклоном и расположением, но с единым направлением. Дорога вымощена мелкой галькой. Находки немногочисленны, керамический материал невыразителен и разновременен.

Полуметром ниже открыт уровень четвертой дороги, направление которой в деталях совпадает с третьей. Вымостка — мелкая галька и плотно утопанный слой дорожной пыли.

¹¹ Участок обследован в 1970 г. совместно с Р. Л. Югаем и Г. В. Шишкиной, раскопки проведены в 1971 г. Э. Ю. Буряковой.

¹² А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб, КСИИМК, XXXVI, М., 1951, стр. 136—140. Металлургическая печь с массой железных криц открыта в 1970 г. Ш. С. Ташходжаевым, материалы находятся в стадии обработки.

Находки представлены венчиком широкогорлого кувшина с волнообразным процарапанным орнаментом и полосами темно-коричневой краски и тонкостенным котлом с отогнутой закраиной. Керамика характерна для VI в. Но одновременно встречаются и более ранние фрагменты, в частности ножка бокала, покрытого красным ангобом. В 1970 г. на этом уровне найден комок охры и железный шлак сильно обогащенный металлом (охрой украшались найденные здесь сосуды).

В начале VIII яруса (глубина 3,6—3,7 м) выявлен уровень пятой дороги, вымощенной мелким галечником. Находки невыразительны. Под галечником плотный слой мелкой пыли. Значит дорога первоначально шла по лессовым слоям и лишь на каком-то этапе была вымощена слоем мелкой гальки.

Под дорогой расчищен завал, включающий пахсовые строительные остатки, а с 5 м — шестая дорога, вымощенная сланцем, крупной и мелкой галькой. Дорога идет в северо-восточном направлении, т. е. с небольшим отклонением к северу от направления верхних дорог. В вымостке обнаружено большое количество костей животных, а также включения керамического и металлического шлака. Керамика представлена венчиком широкогорлого горшка с горизонтально отогнутым бортиком. С обеих сторон сосуд покрыт полосами черной краски.

Квартал гончаров, выпускавших эту посуду, раскрыт при раскопках площади вдоль описанного оврага в 1948, 1963, и 1970 гг. Он включал в себя гончарные печи, большой комплекс керамики, отвалы бракованной продукции раннего этапа I—III и V—VII вв.¹³

Слон вдоль дорог насыщены строительными остатками, но в XII ярусе расчищена линза песка, нанесенного водой протока шириной до 2 м. Мощность слоя всего 10 см.

Более крупный проток прослеживается в XIV—XV ярусах (глубина 7—7,5 м). Он примыкает и даже частично подмывает стену из кирпича-сырца размером 56×28×10 см, расши-

¹³ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 136—140. Раскопки 1963 г. проведены Е. Б. Пругером, материал не опубликован; упоминание о нем см.: В. А. Шишкин, Кал'а и Афрасиаб, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 142. Наиболее обширные работы по исследованию квартала были проведены в 1970 г. Ш. С. Ташходжаевым. Материал обрабатывается.

ряющуюся к низу в виде платформы как бы специально для защиты от протока.

Под стеной вскрыта забутовка из кусков сланца, мелкой и крупной гальки, обломков кварца и известняка. Промежутки между булыжниками заполнены землей. Проток переслаивается заполнявшей его землей, свидетельствующей о перерывах функционирования, и опускается вплоть до XVII яруса. Слой земли заполнен разновременным материалом вплоть до вторично отложившихся в период образования оврагов, фрагментов средневековой керамики и обожженного кирпича. Но в разрезах берега протока вверх найдены тонкие ножки красноощенных кубков, внизу — стенка цилиндрического сосуда с перегибом в придонной части, венчики хума клювовидной формы, стенки котла на матерчатом шаблоне, т. е. керамика характерная для периода Афрасиаб I (середина I тысячелетия до н. э.), а также скопление из 58 круглых мраморных бусинок.

На глубине 8,5 м (уровень седьмой дороги) вдоль галечников забутовки расчищен слой плотной дорожной пыли мощностью от 40 до 50 см. На поверхности слоя расчищены пятна золы и горелой древесины. Найдены кости, клювовидный венчик хума, часть кувшина типа Афрасиаб I и хорошо отшлифованная косточка. Ниже дороги, с конца XVIII яруса идет желтоватый лесс материка.

Таким образом, раскопки 1971 г. показали, что участок Афрасиаба в квадрате 74 обживался с раннего этапа становления города, уже в этот период здесь функционировали водный проток и уличная магистраль. Нивелировка культурных наслоений нижнего слоя и протока на древнее русло Сиаба, проходившее на 11,4 м выше современного, показывает, что прибрежные участки данной части города возвышались в начальный период жизни над уровнем воды всего на 1—2 м.

Все дороги направлены к восточной границе города, поэтому можно предполагать на протяжении магистрали восточные ворота шахристана Самарканда, функционирование которых, судя по уровням дорог и находок вдоль них, возможно с начальных этапов жизни города, т. е. с середины I тысячелетия до н. э. Наличие семи уровней дороги говорит об интенсивной жизни данного района. С первых веков нашей эры вдоль улицы вырастают ремесленные мастерские гончаров, а впо-

следствии металлургов и оружейников. Положение восточных ворот здесь более оправдано, чем в пределах 4-й стены, что отрывало восточные ворота от городского ядра, складывавшегося в пределах двойной крепостной стены. Более спорным остается вопрос о точном месте ворот. Они могли передвигаться в связи с ростом города с левого берега Сиаба на правый.

В 1968 г. на правом берегу Сиаба раскрыта крепостная стена синхронная по структуре и времени возведения двойной стене шахристана и, возможно, являющаяся ее восточным фасом. Тогда восточные ворота V—VI вв. можно будет расположить на продолжении описанной магистрали, на правом берегу русла.

Аналогичные дороги с многочисленными покрытиями раскрыты в 1970 г. Г. В. Шишкиной в северной части шахристана близ крепостной стены периода Афрасиаб I¹⁴. Магистраль ведет к проему в крепостной стене. Поэтому именно здесь можно локализовать северные ворота шахристана. Как и в восточной части шахристана, дорога функционирует вплоть до начала XIII в.

Место южных ворот четко фиксируется системой ловушек в расширенной площади двойной крепостной стены. Западные ворота располагались во второй стене, в квадрате 22, примерно в 200 м к югу от указанных В. Л. Вяткиным. В раскопе вскрыта часть южной пахсовой башни, мимо которой на запад уходила дорога, вымощенная чупанатинским сланцем. На дороге найден жженный кирпич с лунками с двух сторон, т. е. подпятник, длительное время употреблявшийся для вращения створок дверей или ворот. Ширина дороги и ворот 2,9 м. На вымостке и под ней очень плотный слой мелкой дорожной пыли. На поверхности слоя найдена керамика IX—X вв. Входя в ворота, дорога шла сначала на восток с наклоном 5° к северу через квадрат 32. В 35 и 70 м от ворот она прослеживается в разрезах промоин (на этом участке дорога немного изгибается к северу), а затем и большого оврага. Вдоль дороги встречаются слои обгоревшей земли, остатки стенок печей и мелкие гончарные шлаки с невыразительными

¹⁴ Г. В. Шишкина. Древнейшая оборонительная стена Самарканда, ОНУ, Ташкент, 1970, № 9, стр. 104.

фрагментами неполированной керамики. Под дорогой прослежены кубуры водопровода. Следовательно, и на западном участке внутреннего шахристана располагались ремесленные мастерские. На одном из этапов функционирования дорога перекрывает слои со следами гончарного производства.

Прослежен и отвод дороги на север в пределы первой крепостной стены. Ширина его 1,5—1,6 м. Но основная магистраль уходила на восток в сторону дамбы, где она смыкалась с северной магистралью шахристана.

В 1970 г. за пределами внутреннего шахристана, около четвертой стены в квадрате 13 шурфом вскрыта дорога (раскоп 3). Внизу она состояла из двух слоев очень плотной лесовой пыли толщиной 4—7 см, снимающейся мелкими чешуйками. Выше она перекрыта вымосткой из рваного чупанатичского камня. Кладка прерывистая от длительного использования. Ее вновь перекрывает слой плотно утоптанного лесса. Дорога ведет к проему в крепостной стене. Вероятно, это и есть западные ворота шахристана.

С. К. Кабанов,
М. И. Филанович,
М. Х. Урманова

РАСКОПКИ ЧАСТИ ЖИЛОГО МАССИВА IX—XI ВВ.

В осенний сезон археологических работ 1960 г. на Афрасиабе раскопки были сосредоточены на одном, подлежащем сносу, участке городища вдоль реконструированной дороги Самарканд—аэропорт. Раскрывавшаяся полоса захватывала восточную часть выделявшегося в рельефе городища бугра, исследование которого было начато в 1959 г. Г. В. Шишкиной, раскрывшей часть большого здания.

Участок, порученный нам и условно названный «раскоп 9^а», с юга прилегал к раскопу Г. В. Шишкиной¹, с севера—к участку М. Пачоса и Я. Крикиса². Длина раскопа 9^а с севера на юг 30 м, наибольшая ширина 20 м. С 14 сентября по 11 ноября нами вскрыто 420 м² (рис. 1). В центральной части раскопа была обнаружена обжигательная печь с большой кучей отвалов из гончарного шлака (оплывов лесса) и кусков извести. Под отвалами найдены незначительные остатки стен и кирпичной выстилки полов. К югу от печи остатки помещений также сохранились плохо, к северу от помещений раскрыты два помещения хорошей сохранности. Последние и дали основной материал для датировки наслоений и отдельных частей жилого массива.

¹ Г. В. Шишкина. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973.

² Я. Крикис, М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба, сб. «Научные работы и сообщения», вып. 7, Ташкент, 1963, стр. 224—236.

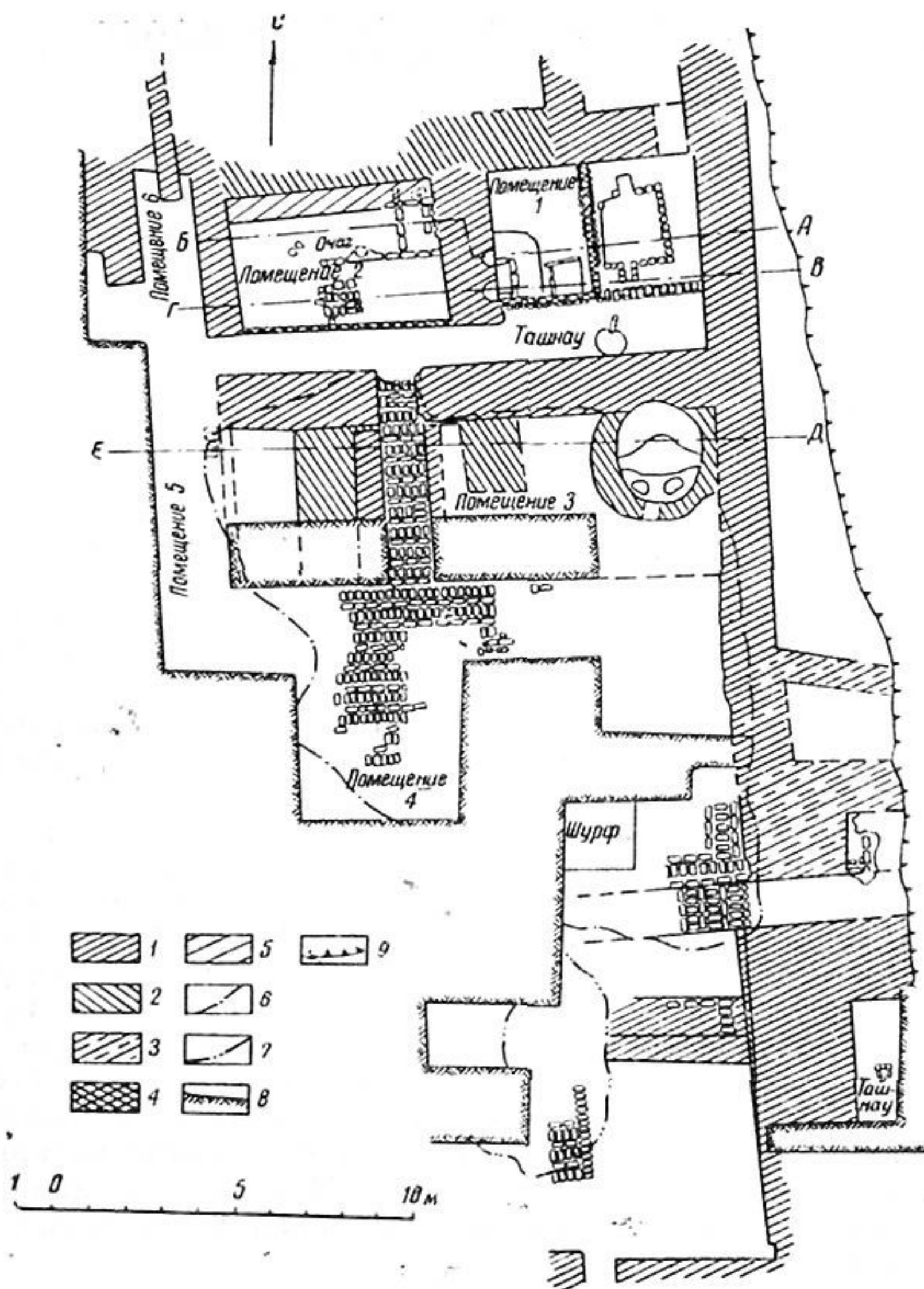

Рис. 1. План раскопа 9^а.

Условные обозначения: 1—стены из сырового кирпича; 2—пахсовые стены; 3—стены комбинированной кладки (сыровый кирпич и пахса); 4—каркасные стены; 5—стена с засыпкой (в помещении 2); 6—граница завала с кусками оплывшего лесса и известью; 7—граница завала с песком; 8—граница раскопа; 9—обрыв.

Помещения были заполнены сверху грунтом желтого цвета средней плотности с примесью керамики. В плане они почти квадратные с небольшим перекосом углов. Капитальные стены сложены из пахсы, сырцового кирпича и комбинированной кладки. Толщина стен 1,5—1,7 м.

В помещении 1 (5,85×5,71 м) выявлены три периода обживания здания, смена которых сопровождалась капитальными перестройками в соответствии с изменявшимся его назначением. От первого периода, если не считать стен, раскрыто только небольшое углубление возле западной стены. Этот уровень зафиксирован на глубине 3,36 м от репера³ (рис. 2, I, II). Фрагмент древнейшего пола вымощен жженым кирпичом размером 38×18×5 см и 40×20×3,5 см. На южном краю сохранившегося фрагмента кирпичной вымостки видны следы небольшого очага, использовавшегося продолжительное время.

В стене под вымосткой обнаружены две небольшие ниши с закругленными сводами. Ниши и стена вокруг них заштукатурены алебастром. В пол южной ниши вмазан кирпич размером 37×19 см. Высота ниш 46—50 см, ширина 50—55 см, глубина 30—36 см.

К первому периоду обживания помещения относится и поглощающий колодец у южной стены. В устье колодца был устроен сток через коленчатый кубур, закрывавшийся крышкой. Это водоотводное устройство свидетельствует о бытовом назначении помещения.

В завале углубления с нишами обнаружены жженные кирпичи размером 21×21×4, 22×22×5,5 см, коричневая труха от деревянной балки, много черепков керамики и кости животных. Найден разбитый толстостенный сосуд с остатками пищи в виде светло-коричневой ссохшейся массы с тонкими птичьими костями. Особо интересен мелкий фрагмент изделия из почти белого фарфора, наружная поверхность которого украшена рядами мелких штрихов, нанесенных путем тонирования без рельефа. Несомненно, что изделие привозное.

В одной из ниш лежала хорошо сохранившаяся монета, отчеканенная в Самарканде в 280 г. х. (893—894 гг.), позво-

³ Репер был установлен на вершине стены здания, раскрытого Г. В. Шишкиной.

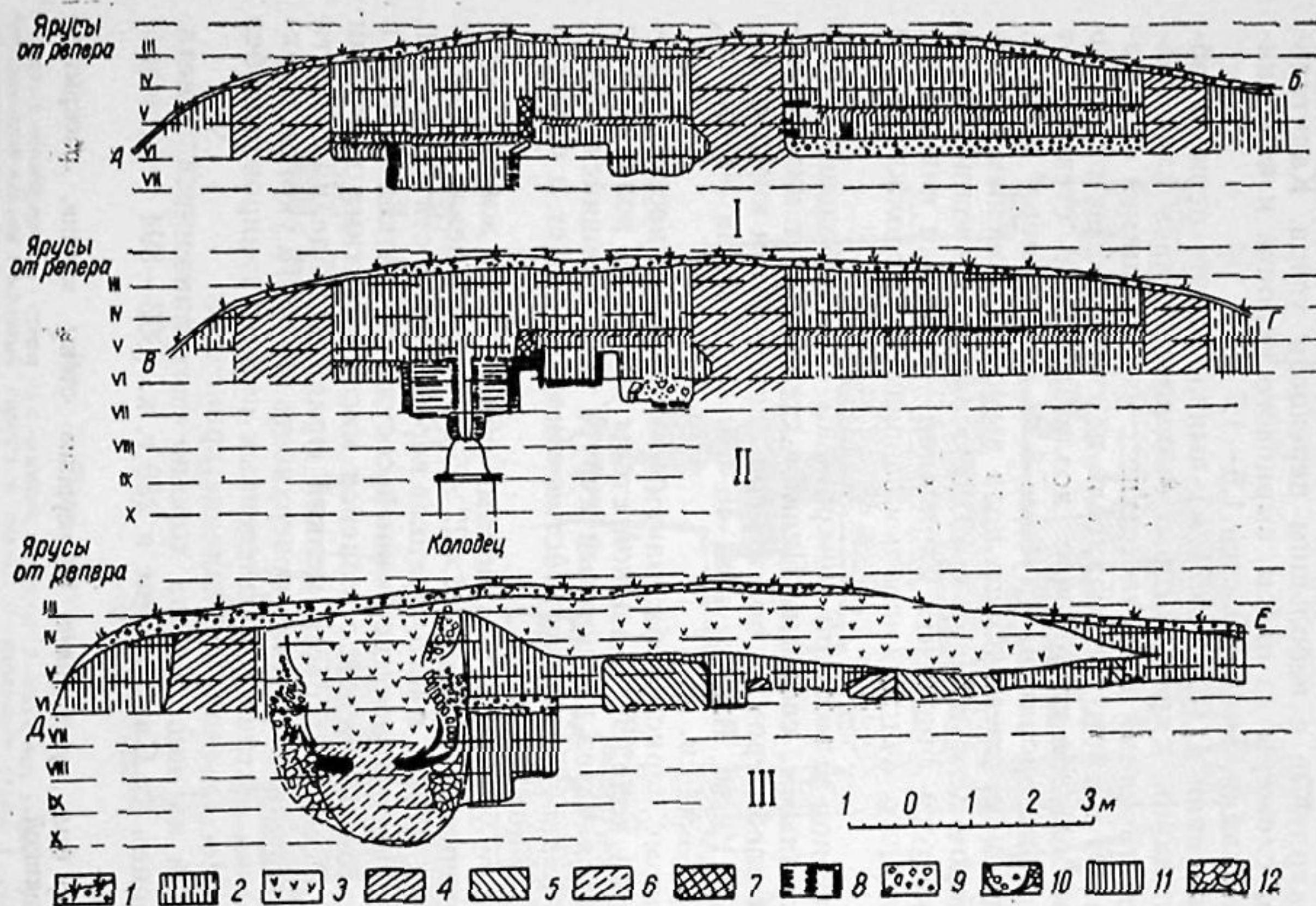

Рис. 2. Разрезы к плану раскопа 9^а.

Условные обозначения: 1—поверхностный слой; 2—желто-серый грунт средней плотности с включениями керамики и костей; 3—завал из кусков оплывшего лесса, известня, кирпича, керамики; 4—кирпичные стены; 5—пахсовые стены; 6—заполнение печи; 7—каркасные стены; 8—кладка из жженого кирпича; 9—завал с кусками сырцового кирпича; 10—оплывшие стены печи; 11—плотный желто-коричневый грунт; 12—кладка из кусков оплывшего лесса.

ляющая определить время окончания первого периода обживания помещения концом IX — началом X в. Следовательно, основание здания можно отнести к IX в., а быть может даже к концу VIII в.

Наслоения второго периода обживания начинаются на глубине 2,8 м от репера. Планировка помещения значительно изменилась: оно оказалось разделенным тонкими (до 20 см) каркасными стенками на две небольшие комнаты и коридор вдоль южной стены шириной 1,5 м. От каркасных стен сохранились почти одни только полосы кирпичной выстилки, на которые укладывались бревна основания каркаса. Лишь в одном месте сохранилась каркасная стена в высоту до 0,55 м. В ней, на отрезке длиной 2 м, обнаружены четыре гнезда от жердей диаметром 7—9 см, между которыми укладывались комья глины. Кирпич для подкладки под стены применялся в основном битый, но вдоль коридора сохранилась полоса из целого кирпича размером $38 \times 18 \times 6$ см.

Внутренняя стена, отделяющая коридор от помещений, со стороны коридора у основания была облицована жженым кирпичом. От облицовки-панели сохранился лишь нижний ряд кладки из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, разрезанного по диагонали и положенного на угол таким образом, что образовался характерный зубчатый бордюр, встречавшийся затем и в других помещениях.

Севернее коридора помещение было разгорожено каркасными стенками на две комнаты. Каркасные переборки — широко распространенный элемент строительной техники средневекового Афрасиаба⁴. В восточной комнате устроено некое подобие резервуара трапециевидной формы размером $1,87 \times 1,71$ м, глубиной 0,7 м с нишей в северной стороне. Стенки ямы облицованы одним рядом жженого кирпича размером $23 \times 23 \times 4$ см, $22 \times 22 \times 4$ см на глиняном растворе. Пол земляной. В южной стенке кирпичной облицовки сделана щель шириной в 25 см, расположенная над глубоким колодцем, засыпанным не сплошь, как обычно, а с полым пространством глубиной в 14,3 м, ниже — завал. Диаметр колодца у устья 0,8 м, на глубине около 5 м он расширяется до 1—1,2 м.

⁴ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 17.

В стенках колодца были плотно укреплены три выступающих кирпича, на которых стоял крупный сосуд типа «ям». Выяснилось, что это был обычный сливной колодец. От засыпки его предохранила кирпичная кладка, наложенная сверху.

Во второй комнате помещения 1, в юго-восточном углу обнаружен ящик, сложенный из крупного жженого кирпича размером $52 \times 52 \times 7$ см. Длина ящика 90 см, ширина 84 см, глубина 60 см. Стены и пол покрыты алебастровой замазкой. Около ящика обнаружен кубур, проложенный под каркасной стеной и ведущий в облицованную кирпичом яму.

Из приведенного материала видно, что помещение 1 во второй период его обживания было не жилым. Позднейшие исследования Г. В. Шишкиной показали, что помещение — часть общественных городских бань.

Уровень третьего (последнего) периода обживания помещения 1 раскрыт на глубине около 1 м от поверхности. При раскопках обнаружена куча необожженных круглых дисков, слепленных из глины, лежавшая на специально выглаженной глиняной площадке, устроенной над кирпичным основанием разрушенной каркасной стены. Диски оказались заготовками глиняных дастарханов с ножками. Один дастархан удалось измерить, его диаметр 45 см. В завале встречались куски сформованных, но еще не обожженных котлов. Перед нами несомненные признаки работы гончаров.

Из помещения 1 дверной проем выводил в помещение 2. В северо-восточном углу был раскрыт пролом шириной около 50 см, соединяющий помещение 1 со смежным, расположенным севернее, помещением, раскрытым на участке М. Пачоса и Я. Крикиса.

В результате вскрытия помещения 1 установлено, что в первом периоде помещение было обыкновенной жилой комнатой; во втором периоде оно использовалось в качестве бани, в третьем периоде в помещении действовала гончарная мастерская.

В помещении 2 также установлено три уровня, соответствующие трем периодам обживания. На нижнем уровне в северо-восточном углу открыта кирпичная выкладка прямоугольная в плане в виде закрома с частично замощенным полом. В завале встречались подточенные жженные кирпичи со следами краски.

Во втором периоде помещение несколько раз ремонтировали и переделывали. Вначале над полом вдоль южной стены возвышалась небольшая площадка с очагом и глинобитными перегородками. Затем вся площадь помещения, за исключением прохода вдоль южной стены, сnivelирована под одну большую суфу высотой около 40 см. Боковая поверхность суфы, как и стена в помещении 1, была облицована поставленными на угол кирпичами. Середина суфы глубоко прожжена, огонь горел здесь очень долго.

На полу прохода найдена монета, относящаяся, по определению М. Е. Массона, к ходжентскому чекану Илеков начала XI в. Этим временем и можно определить конец второго периода обжигания 1 и 2 помещений.

В третий период помещение уменьшилось за счет возведения вдоль всей поверхности северной стены сплошной накладки шириной в 70 см. Интересна конструкция накладки: по наружной поверхности она состояла из стенки, сложенной из пластов глины толщиной в 25—30 см, проложенных рядами жженого кирпича. Промежуток между этой стеной и поверхностью старой стены засыпан строительным мусором.

В помещении имелось два проема. Один из них вел в помещения, расположенные к западу, второй — на юг, в помещение № 3. Вторым проем образовал нишу, в которой обнаружены фрагменты необожженных котлов. В боковые стенки ниши вмазаны жженные кирпичи размером $40 \times 21 \times 7,5$ см. Находки необожженных гончарных изделий показывают, что и помещение 2 в последний период обжигания здания использовалось в качестве гончарной мастерской.

К югу от помещений 1 и 2 расположено рабочее место гончаров. Здесь производился центральный момент производственного процесса — обжиг. Отсюда подавали топливо и здесь же, возле печи, сваливали отходы производства в виде оплывов лесса, известкового камня, золы, угля, битой керамики. Естественно, что стены старого здания в таких условиях сохранились очень плохо, но по их остаткам можно установить основные переделки в этой части здания.

Проем, ведущий из помещения 2 к югу в помещение, которое мы условно называли помещением 3, несомненно, старый, предусмотренный планом здания при его постройке. Помещение разделено выступом в северной стене на две неравные

части, из которых западная являлась проходной, через нее проходили из помещения 2 в помещение 4, расположенное дальше к югу. Во второй период обживания здания проход был изолирован от помещения тонкими стенками, возведенными с обеих сторон, и вымощен жженым кирпичом размером 37×19 см. Ширина дорожки 1, 2 м, кирпич выстилки почти сплошь выдержан в чередовании: один ряд вдоль дорожки, второй ряд поперек. Вдоль обеих сторон дорожки, как и в помещениях 1 и 2, обнаружен признак панели—зубчатый бордюр из кирпича.

Проем между помещениями 2 и 3 заложен в начале третьего периода обживания здания, причем, предварительно в проеме была снята кирпичная выстилка пола. Закладка сделана из сырцового кирпича размером $41 \times 20 \times 7$ см, $39 \times 21 \times 7$ см, т. е. примерно такого же размера как и жженный кирпич, которым вымощен переход. В это же время начала функционировать печь, обнаруженная в северо-восточном углу помещения 3. Отвалами печи стали засыпать помещение 3 и весь прилегающий с юга участок, но помещения 1 и 2 продолжали служить, теперь уже гончарам. Для того, чтобы отделить помещение от участка, предназначенного под отвалы, сделана закладка проема между 2 и 3 помещениями.

От помещения 4 сохранилась лишь вымостка пола из жженого кирпича. Стены не сохранились, возможно даже, что это был дворик. Кирпич вымостки пола уложен как и в проходе длинной стороной вдоль или поперек помещения. Судя по сохранившемуся фрагменту кирпичной вымостки пола, помещение (или дворик) было размером не менее 5×5 м, т. е. приблизительно равным помещению 1. Вымостка пола засыпана большой кучей шлаковых отвалов. Толщина слоя отвалов достигала 2 м.

При расчистке помещений 5 и 6 в помещении 5 обнаружен небольшой фрагмент выстилки пола с зубчатым бордюром. Выявился проем, соединявший помещение 5 с расположенным к северу от него помещением 6. Установить особенности планировки помещений 5 и 6 не удалось, т. к. стены очень плохо сохранились и находились на границе раскопа.

В южной части порученного нам участка сохранились лишь незначительные остатки здания. Из них для восстановления размеров здания наиболее характерны два фрагмента

кирпичной выстилки дорожек на 17 см выше уровня пола помещения и то же чередование выкладки кирпича. Это наблюдение дает основание сделать вывод, что и здесь, на расстоянии 16—24 м от помещения 1, во второй период его обживания продолжались комнаты одного и того же здания.

На этом же участке, прилегающем к раскопу Г. В. Шишкиной, между двумя фрагментами выстилки дорожек обнаружены остатки стен и суфы, которые, судя по примерно одинаковому уровню, так же относятся ко второму периоду обживания здания. В третий период здание уже не существовало: поверх его остатков насыпали большую кучу песка, возможно, применявшегося в гончарном деле.

Вдоль развалин здания, с восточной стороны нашего участка, сохранилась массивная стена толщиной в северной части 1,5 м, а в южной до 3 м. Дальше к востоку поверхность городища нарушена обрывом, образовавшимся при прокладке дороги Самарканд—аэропорт. Восточную массивную стену условно можно назвать внешней, хотя нет полной уверенности в том, что она была ею в действительности: с восточной стороны к ней примыкали жилые или хозяйственные помещения, из них одно с ташнау. Южную, более массивную часть стены прорезал проем такой же ширины (1,3 м), как и заложенный проем между 2 и 3 помещениями. К проему вела одна из сохранившихся полосок кирпичной выстилки, вдоль которой обнаружены и фрагменты облицовки стен из поставленного углом вверх кирпича.

При раскопках остатков здания (или жилого комплекса) сделаны многочисленные находки первого и второго периодов его обживания. Начнем с общей характеристики нумизматических материалов.

Всего найдено десять монет. Одна монета согдийская с квадратным отверстием в центре и плохой сохранности. К чекану VIII в., по определению М. Е. Массона, относится один арабский фельс, а возможно, и один черный дирхем. Отмечена монета конца IX в., две монеты X в. и одна, как уже указано, начала XI в. Три монеты не определены, но ни одна из них не может быть отнесена ко времени последующему за временем правления династии Саманидов. Следовательно, по датировке монеты поздний предел существования здания опре-

деляется началом XI в. Ранний предел уже установлен: здание могло быть возведено в первой половине IX в. или не раньше конца VIII в.

Как обычно, основную массу находок составили обломки керамических изделий.

В наслоениях помещения 1 найдены в фрагментах три сосуда, формы которых удалось восстановить полностью. Один сосуд найден в завале возле ниш вместе с монетой датированной 893—894 гг. Сосуд имеет форму толстостенного глубокого полусферического блюда на кольцевом поддоне из светло-желтой пористой глины, покрытого сплошной, хорошего качества, голубой поливой, наложенной без ангоба (рис. 3. 1). Вторым сосуд (рис. 3. 7) имеет плоское дно и наклонный, почти прямой бортик, отделенный от доньшка перегибом. Внутренняя поверхность вначале была покрыта белым ангобом, а затем разработана линейным орнаментом в виде растительных завитков. Поверх ангоба пятнами в наброс нанесены подглазурная зеленая, желтая и коричнево-фиолетовая краски, покрывавшие линейный орнамент. В результате орнамент выделяется черным рисунком по цветному фону. По классификации В. Л. Вяткина сосуд относится ко второй группе⁵.

Третий сосуд — неглубокая чаша (рис. 3. 2). От плоского доньшка с невысоким поддоном стенки полого расширяются, с закруглением переходя в почти прямой бортик. Сосуд почти сплошь покрыт тонким слоем белого ангоба. В нижней поверхности доньшка ангоб наложен пятнами, т. к. при погружении сосуда в раствор мастер держал сосуд за доньшко, ангобируявшееся затем от руки⁶. Лицевая поверхность по белому фону украшена подглазурным орнаментом черной и темно-красной краской. На белом фоне выделяется буквенная вязь, обращенная основанием к бортику. Промежутки между черными буквами и доньшко заполнены растительным узором в темно-красных тонах, местами с точечным заполнением черной краской.

⁵ В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 47; И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, новая серия, 14, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 13.

⁶ В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 42.

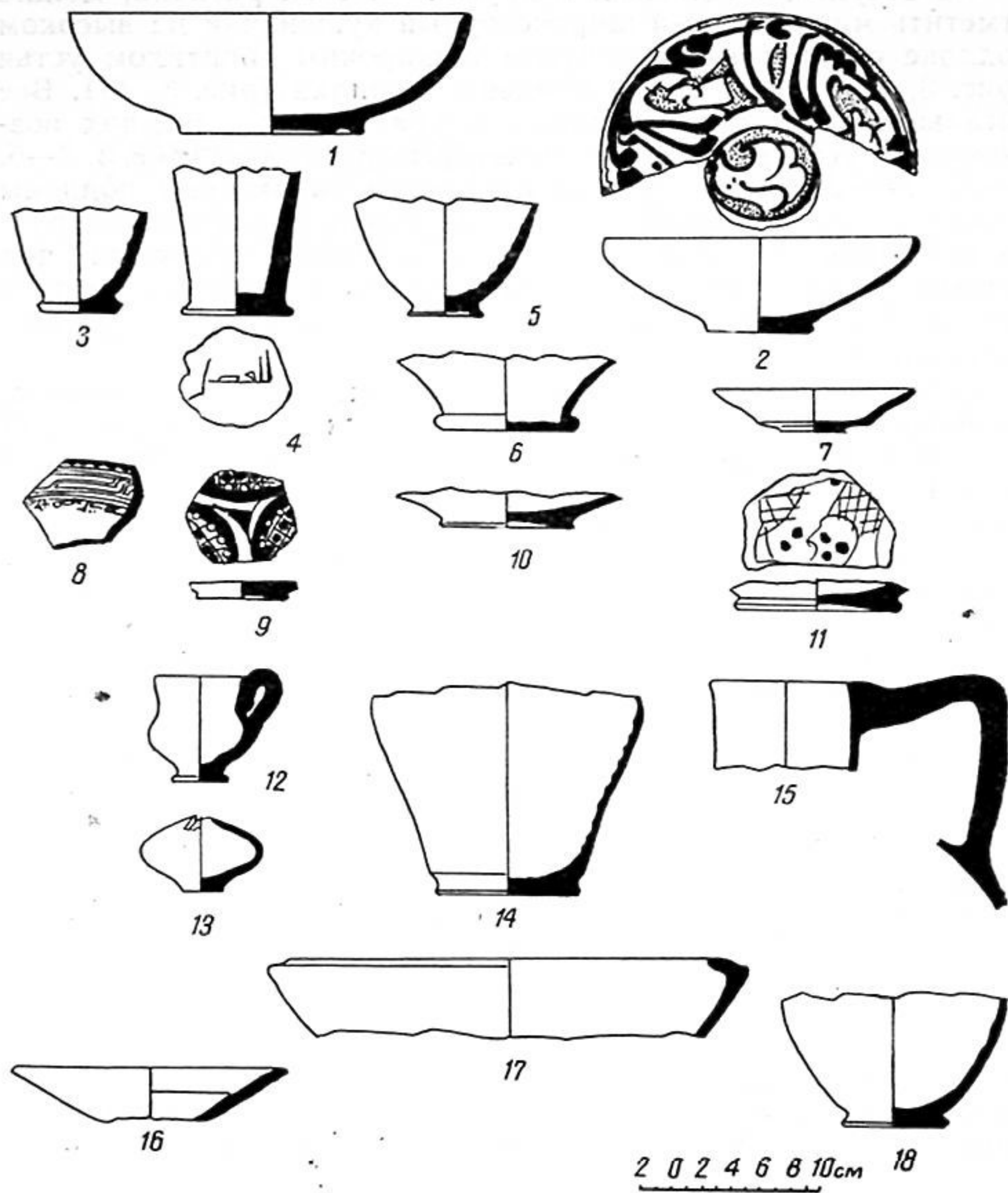

Рис. 3. Керамические формы конца IX—начала XI вв.

Из сосудов, найденных в других местах раскопа, можно отметить миниатюрный широкогорлый кувшинчик на высоком поддоне с округлым корпусом и широким бортиком устья (рис. 3, 12). Почти целой найдена копилка (рис. 3, 13). Все остальные изделия встретились в фрагментах, дающих возможность установить лишь некоторые признаки (рис. 3, 3—6, 8—11, 14—18). Для данного комплекса характерны поддоны даже у крупных сосудов (рис. 3, 14) и большие проушные ручки кувшинов в форме широкой пластинки, прогнутой под острым углом (рис. 3, 15). На донышке сильно вытянутого сосуда (рис. 3, 4) после обжига начертаны слова *الفضل* (изобилие).

В раскопе собран небольшой комплекс изделий из железа. Наиболее интересен крупный наконечник стрелы (рис. 4, 1) длиной 10,4 см, по форме напоминающий узкий древесный лист. Подобный наконечник был найден и А. И. Тереножкиным при раскопках на Афрасиабе в наслоениях IX—X вв.⁷ Обнаружены гвозди (рис. 4, 2—5), кольца, по-видимому, от ременной сбруи (рис. 4, 6—8), ножки (рис. 4, 10, 13, 16), рукоятка ножа или кинжала (рис. 4, 9), спица для вязанья (?) (рис. 4, 14), предметы дверной арматуры (рис. 4, 11, 12, 15).

Главным объектом исследований в верхних наслоениях была обнаруженная у поверхности обжигательная печь (рис. 5) в виде закругленной стенки из обожженной земли с оплавленной под воздействием высокой температуры внутренней стороной. В плане, по линии верхнего среза, печь представляла собой овал длиной (с севера на юг) 2,9 м, шириной 2,5 м. Четко выявились только внутренние контуры печи. К оплавленной поверхности снаружи примыкал слой обожженной земли толщиной до 50 см. Вскрытие печи началось с расчистки внутренней камеры.

На глубине 20 см в рыхлом завале из глины и обожженной земли обнаружен крупный кусок стенки печи, упавший сверху. Сырцовый кирпич обожжен уже во время использования печи. Высота упавшего куска 45 см, следовательно, лишь на эту высоту можно реконструировать и печь.

⁷ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, М.—Л., 1950, вып. XXXIII, рис. 69, XIII, 7.

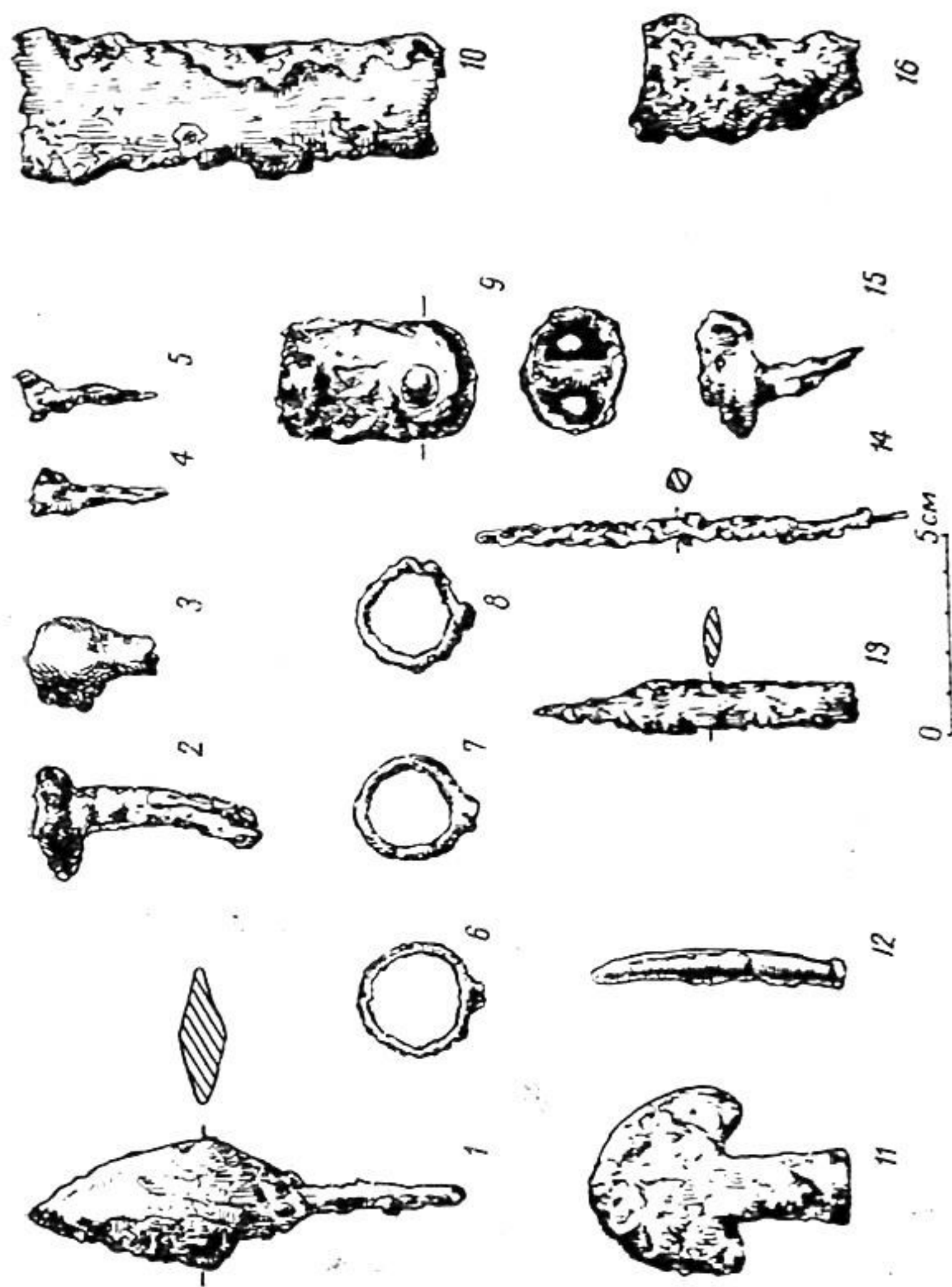

Рис. 4. Комплекс изделий из железа.

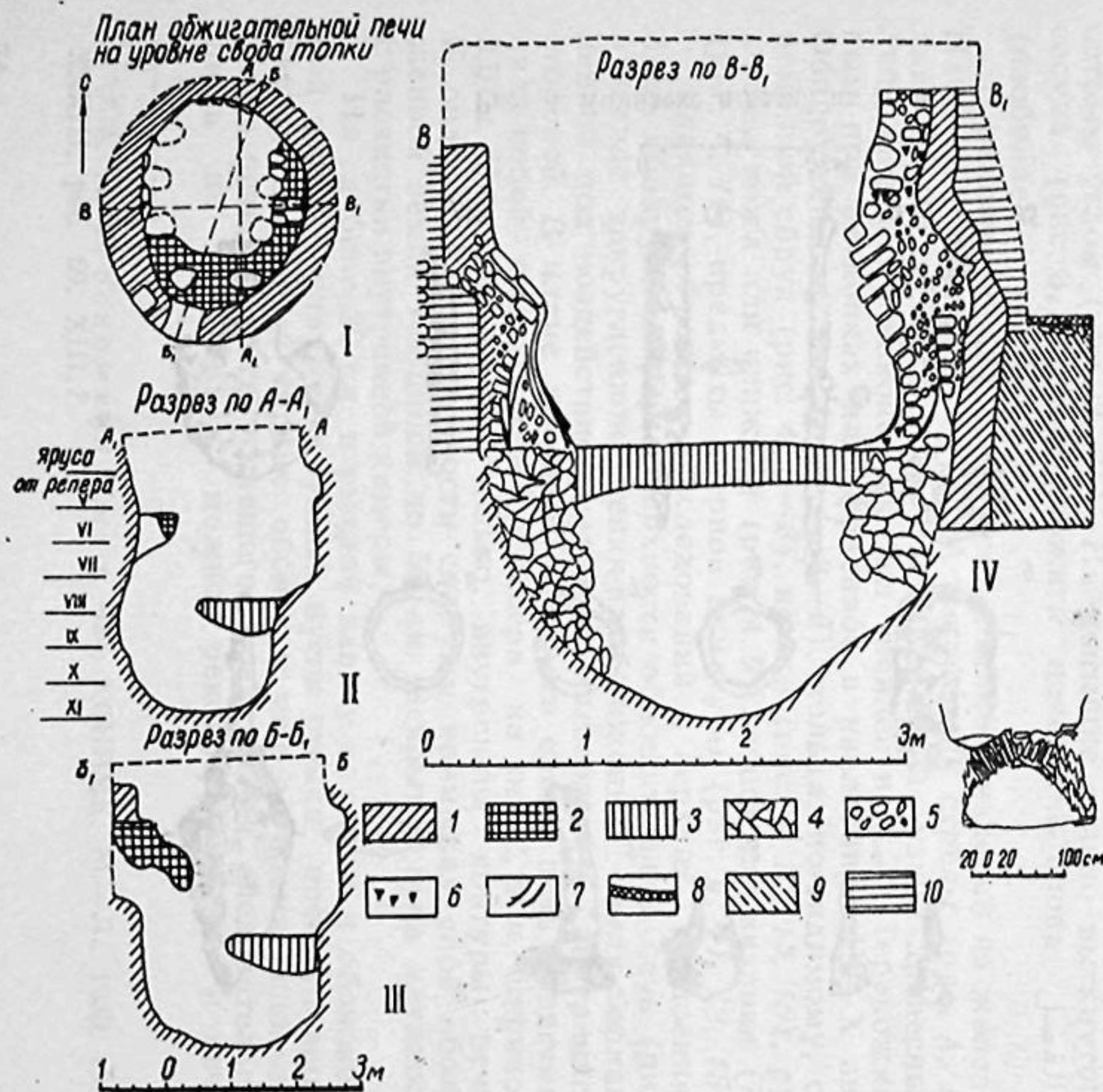

Рис. 5. План и раз-
резы обжигатель-
ной печи.

Условные обозначения;
1—обожженная земля;
2—остатки свода топки;
3—корка из оплывше-
го лесса; 4—кладка из
кусков оплывшего лес-
са; 5—куски обожжен-
ной земли; 6—известь;
7—оплывы лесса; 8—
пол помещения; 9—гли-
няный завал; 10—плот-
ная; желтая глина.

В рыхлом завале найдено много мелких фрагментов оплавленной и обрушившейся лессовой стены печи.

Возле северной стены печи на глубине 1 м расчищены остатки свода топки (пода обжигательной камеры) с двумя округлыми, необычно широкими жаропроводными отверстиями диаметром 45—50 см. На этом же уровне почти по всей окружности печи (за исключением северной ее стороны) видны признаки жаропроводных отверстий в виде закругленных выемов в кладке стены. Расстояние между отверстиями 30—40 см. В завале на уровне жаропроводных отверстий лежало много обломков сырцового кирпича.

Свод топки был сложен из кирпича (рис. 5, V). Остатки свода сильно деформированы, его кривую точно восстановить невозможно, однако, судя по наклону кирпича в пятах опорных арок, свод был довольно крутой. Устье топки обнаружено под сохранившейся частью свода с юго-западной стороны.

При дальнейшей расчистке на глубине около 2,5 м завал из кирпича и кусков оплавленного лесса, образовавшийся от рухнувшего свода и верхних частей печи, кончился. На этом уровне обнаружена прослойка золы толщиной 20 см, прикрывавшая ровную поверхность прочного лессового оплыва, занявшего всю северную половину печи, образовав своеобразный выступ или перекрытие, разделившее топочное помещение на две почти равные части (рис. 5, II, III). Нижняя часть оказалась сплошь заполненной золой с углем, небольшой промежуток полого пространства остался под коркой оплыва. Толщина корки не одинакова: около южного края до 10 см, у северной стенки до 50 см. Нижняя поверхность корки выпукло отформировалась на мягкой подстилке — золе. Стены печи над перегородкой сплошь оплыли. Ниже корки стены сложены из крупных кусков оплывшего лесса без всяких признаков повторного оплавления.

Вскрытие устья топки начали с южной стороны. Здесь был обнаружен завал из прослоек серо-желтой глины, кусков оплывшего лесса и кирпича, линз обожженной земли. При расчистке завала выявилась поверхность стены печи и устье топки в виде овала высотой 45 см, шириной 40 см. Стенки устья обмазаны глиной, слегка обожжены и закопчены. Расположено устье на 10—15 см выше уровня пола помещения с

фигурной кирпичной выкладкой, канал устья направлен круто вниз, в топку.

В 30 см западнее устья расчищена небольшая прямоугольная ниша с округлой отдельной полкой в верхней части. Высота ниши 35 см, ширина 27 см, глубина 35 см. По-видимому, ниша предназначалась для хранения обиходных припасов гончаров.

При попытке выявить контуры печи со стороны помещения 3 с запада была раскрыта округлая поверхность стены с нечетким отслаиванием. Толщина стены печи около 70 см. С северной и восточной сторон котлован печи пришелся на стены здания, поэтому ожидать выявления отдельных стен печи не приходилось. С восточной стороны сделана лишь зачистка сверху. Здесь на глубине 20 см в обожженной земле найдена позднехалифатская монета. Толщина слоя обожженной земли около 25 см от ошлакованной внутренней поверхности стенки печи.

После расчистки печи внутри и установления ее контуров в плане, сделан разрез по линии с востока на запад. Разрез заложен с таким расчетом, чтобы можно было выявить конструкцию устоев подпорных арок свода топки (рис. 5, IV). Наблюдения над разрезом дали основной материал для выявления конструкции печи.

При постройке печи вначале был вырыт глубокий цилиндрический котлован, который прорезал всю толщу культурных отложений. Дно котлована имело вид ямы с пологими стенами, вырытой целиком в материковом лессе. Края ямы на уровне материкового лесса обложены кладкой из крупных кусков ноздреватого лессового оплыва. Толщина кладки 60 см. Это и был фундамент печи. Из кусков оплывшего лесса сложено основание, на котором укреплялась конструкция перекрытия топочной камеры с жаропроводными отверстиями.

На уровне верхней части фундамента обнаружена корка оплывшего лесса, разделявшая топку по горизонтали на две части.

Существенен вопрос о происхождении этой корки. Нельзя, конечно, полагать, что она является каким-то конструктивным элементом: в этом случае было бы непонятно, зачем требовалось разделять топку на две части. Вероятнее всего, что

корка получилась в результате аварии, происшедшей от чрезмерной температуры, развитой в печи. Максимальная температура, необходимая даже для обжига огнеупорных изделий, равна 1000° , тогда как, судя по сильным лессовым оплывам стенок, в ней была развита температура до 1300° . Следовательно, картина образования шлаковой перегородки в топочной камере восстанавливается в следующей последовательности. После сожжения большого количества топлива, зола от которого заполнила нижнюю часть топки, стенки ее верхней части расплавились и лессовый опływ лег на золу как на подушку; зола и предоохранила стенки нижней части топки от оплывания. Однако после аварии печь не забросили. Выше уже было отмечено, что поверх перегородки лежал слой золы толщиной 20 см. Кроме того, на разрезе (рис. 5, IV) ясно видно, что поверх перегородки из оплывшего лесса со стенок верхней части топки опять натека расплавленный лесс. Отсюда мы можем заключить, что после первой аварии печь капитально отремонтировали, но перегородку не сняли, по-видимому, потому, что она плотно слилась со стенкой печи и выломать ее означало разрушить всю печь. Забросили печь лишь после второй аварии, признаком которой и является натека поверх перегородки и слоя золы на ней.

В горизонтальном разрезе над фундаментом выявилось строение стенки печи. Снаружи ее облегал слой обожженной земли толщиной до 25 см. Это и был край котлована, к которому примыкала забивка из кусков кирпича и обожженной земли. У основания забивки обнаружены остатки печи более раннего периода функционирования в виде кирпичной стенки с оплывшей внутренней поверхностью, заложенной при перестройке битым кирпичом.

Назначение печи выяснилось не сразу. Сомнение в том, что данная печь являлась именно гончарной, возникло с обнаружением больших жаропроводных отверстий и расплавленных от необычно высокой температуры стенок.

В наслоениях, примыкавших к печи с севера и запада, встречались прослойки известкового камня толщиной до 60 см. В кусках лессовых оплывов обнаружено много известковых включений. Такие же куски с известковыми включениями встречались и в печи. Наблюдения эти привели к выводу, что печь предназначалась для обжига извести. Но

впоследствии выяснилось, что это определение не вполне верно.

При реконструкции печи наиболее неясным оставался вопрос о происхождении и назначении перекрытия топочной камеры. От перекрытия осталась небольшая часть с двумя жаропроводными отверстиями у южной стенки печи. Следы других отверстий виднелись на том же уровне в стенках по окружности, поэтому невозможно предполагать, что перекрытие было сплошным. Конструкция покоилась на устоях из сырцового кирпича, а пролет купола был довольно большим — около 2,5 м. Вопрос можно решить путем привлечения этнографических параллелей.

В Каратаге известны конструкции гончарных печей с большим отверстием в своде топки, служившим одним из жаропроводных отверстий, меньшие отверстия расположены по краям окружности⁸. Печи такого же устройства, но только с одним отверстием в центре, обнаружены А. И. Сухаревым в Ургуте⁹, под Самаркандом. Следовательно, мы можем предполагать, что в центре раскрытой нами печи также существовало отверстие, по размерам несколько большее, чем боковые.

На основе этнографических параллелей возможно восстановить и способ использования печи.

Загрузка печей в Каратаге и Ургуте производилась следующим образом: над центральным отверстием укладывались в виде купола куски известняка, поверх этой кладки расставлялась посуда для обжига. Исходя из этого производственный процесс печи из наслоений Афрасиаба можно реконструировать следующим образом: над отверстиями (не только над центральным, но и над боковыми) делались закладки из кусков известняка; на этом основании и укладывалась посуда, найденная в отвалах: жаростойкие котлы, кувшины и крышки для котлов.

Печь предназначалась для обжига жаростойкой посуды, но в качестве подсобного продукта получалась и обож-

⁸ Е. М. Пещерев а. Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 140—144.

⁹ И. А. Сухарев. Дневник разведки в районах Самаркандской области в мае—июне 1940 г., Архив Самаркандского Музея, д. 315.

женная известь. Отвалы возле печи образовались в результате разборов и ремонтов печи. Возможно, что сюда же сваливали и отбросы от других печей. Сплошные отвалы извести обнаружены только к западу от печи. Произведенный Н. С. Гражданкиной анализ образцов из отвалов показал, что известь доставлялась к печи из соседней возвышенности Чупаната, где имеются отложения известкового камня.

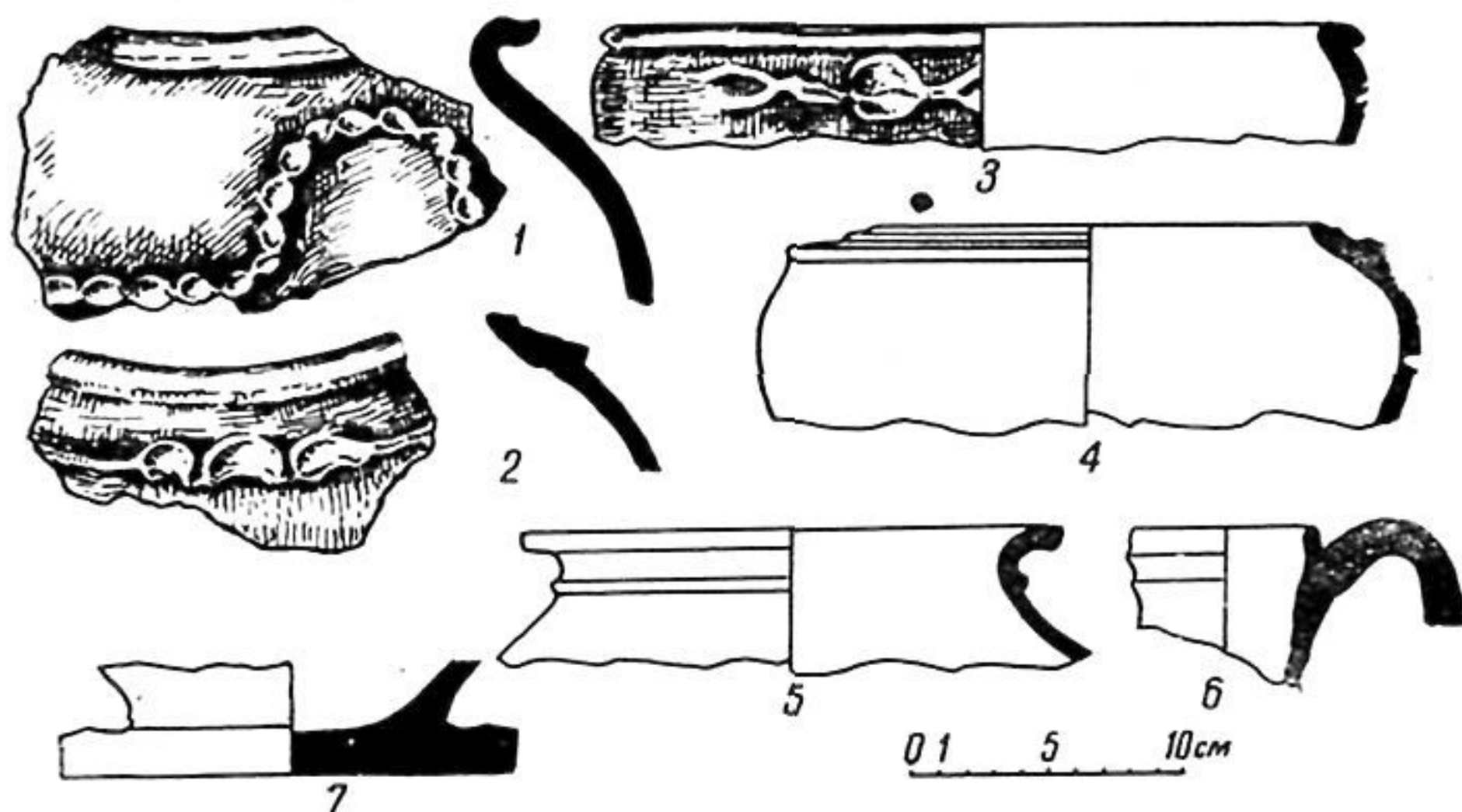

Рис. 6. Фрагменты жаростойкой посуды XI в.

При разборке отвалов найдено много фрагментов жаростойкой посуды. Ни на одном из них не было признаков их употребления. Это обстоятельство дало возможность определить специальное назначение данной печи — обжига жаростойкой посуды.

Жаростойкость придавалась путем добавления в глину большого количества кварца. Исследования В. И. Ездакова показали, что в глиняной массе жаростойкой посуды XII — XIII вв. (смесь чупанатинской сухарной глины и пылевидного лесса) включения кварца достигли 40,2%¹⁰.

¹⁰ В. И. Ездаков. Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде, «Природа», 1951, № 8, стр. 75.

Наиболее распространенным видом обжигавшихся изделий были круглодонные котлы с характерными фигурными венчиками, загнутыми внутрь или отогнутыми наружу (рис. 6, 1—5). Тонкие стенки иногда украшались налепами или насечками.

Образцы котлов анализировала Н. С. Гражданкина. По ее заключению, масса черепка является сильно пластичной тонкодисперсной глиной с добавкой мельчайшего чупанатинского песка, содержащего много слюды и дробленого кварцита, также чупанатинского месторождения. В глине выделяются крупинки бесцветного и белого кварца до 5 мм в диаметре. Примесей около 40%. Обжиг производился при температуре 900°, отсутствие трещин и разрывов свидетельствуют о том, что котлы могли выдерживать и более высокую температуру.

Из жаростойкой массы изготавливались также узкогорлые кувшины с пластинчатыми проушными ручками (рис. 6, 6) и крышки котлов диаметром до 40 см. Лицевые поверхности крышек украшались штампованным геометрическим орнаментом в виде сочетаний полос, кругов и прямоугольников. Одну из крышек удалось восстановить почти полностью. Это диск диаметром 40 см с невысокой круглой ручкой в середине. Верхняя поверхность разделена на четыре сектора четырьмя радиусами в виде орнаментальных полос, каждый из которых, в свою очередь, разделен еще на две части. В вершине каждой из восьми образовавшихся рамок, вдоль линии окружностей штампом нанесены двойные круги, из которых внутренний орнаментирован расходящимися от центра линиями в виде лучей, внешний нанесен зубчатым штампом. Орнаментальные полосы, разделяющие окружность крышки на секторы, украшены стерженьками в «елочку» и линиями, пересекающимися по диагонали и вписанными в прямоугольники. На других крышках эти же элементы орнамента применены в других сочетаниях.

Найден фрагмент крупного сосуда по плоской подставке (рис. 6, 7).

Выше уже сказано, что конец второго периода обжигания помещений 1 и 2 можно определить началом XI в. Необходимо выяснить, как велик промежуток времени, отделяющий время окончательного заброса здания от времени

освоения его гончарами. Разумеется, если в углу одного из помещений можно было бы выстроить большую гончарную печь, а большую часть здания использовать под отвалы, то установилось бы точно, что здание разрушилось к моменту возведения печи. Однако стены помещений 1 и 2 сохранились без значительных переделок. Это свидетельствует о том, что часть здания использовалась гончарами уже вскоре после того, как его оставили предшествующие обитатели, иначе оно было бы засыпано полностью. Гончары превратили помещения 1 и 2 в мастерские. О том, что здание использовалось именно теми гончарами, которые возвели печь, свидетельствует то обстоятельство, что над помещениями 1 и 2 не было шлаковых или известковых отвалов, которые кончились на стене, разделяющей 2 и 3 помещения. Этот вывод подтверждают находки одинаковых видов посуды в помещениях и в отвалах печи.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что здание недолго пустовало после второго периода обживания, стены его помещений еще не разрушились, когда в нем поселились гончары, а печь функционировала еще в первой четверти XI в. и являлась средством производства для специализированной группы гончаров в средневековом Самарканде.

Для исследования наслоений, подстилавших остатки зданий IX—X вв., в южной части раскопа заложен шурф размером 2×2 м. До глубины 4 м (от репера) продолжались средневековые наслоения. Непосредственно к ним, на глубине 4,5 м, примыкали наслоения античного времени. Конструктивных частей в этих слоях не обнаружено. Встречались фрагменты кубков, тонкостенной краснолощенной керамики, венчики чаш. Толщина слоя, содержащего древнюю керамику, не превышала 70 см, заканчивается он на глубине 5 м от репера.

Таким образом, исследования стратиграфии на нашем участке свидетельствуют о том, что западные районы городища были заселены уже в античную эпоху.

КИРПИЧЕОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ
СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА

Изучение кирпичеобжигательных печей средневековья необходимо для исследования планировки печей, технологии и организации труда кирпичного производства и др.

Цель нашего сообщения — ввести в научный обиход новую кирпичеобжигательную печь, подробно описать ее планировку и конструкцию.

В 1970 г. Г. В. Шишкина, исследуя северную часть городища Афрасиаб, открыла внутри города кирпичеобжигательную печь прямоугольную в плане размером $3,2 \times 3,2$ м и состоящую из двух ярусов: топочной и обжигательной камер¹. Топочная камера сохранилась полностью, обжигательная — частично. На основе керамического материала в завале печи и в отвалах печь датируется XI в. До последнего времени ученые считали, что кирпичеобжигательные печи Афрасиба находились только за пределами городища². Печь, открытая Г. В. Шишкиной на севере Афрасиаба, показывает, что хумданы располагались и внутри города.

Весной 1971 г. нами была обнаружена новая кирпичеобжигательная печь в юго-восточной части городища Афрасиаб вдоль современной Ташкентской дороги. Печь в плане

¹ Г. В. Шишкина. Отчет о полевых работах за 1970 г. на городище Афрасиаб. Архив Института археологии АН УЗССР.

² В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 32.

прямоугольная, длинная сторона ориентирована с востока на запад с небольшим отклонением на юг. Размеры хумдана $7,0 \times 5,3$ м, сохранившаяся высота стены около 4 м (рис. 1). Хумдан состоял из двух ярусов: топочной и обжигательной камер. Топочная камера сохранилась полностью, обжигательная—частично (рис. 2). По обе стороны хумдана были по-

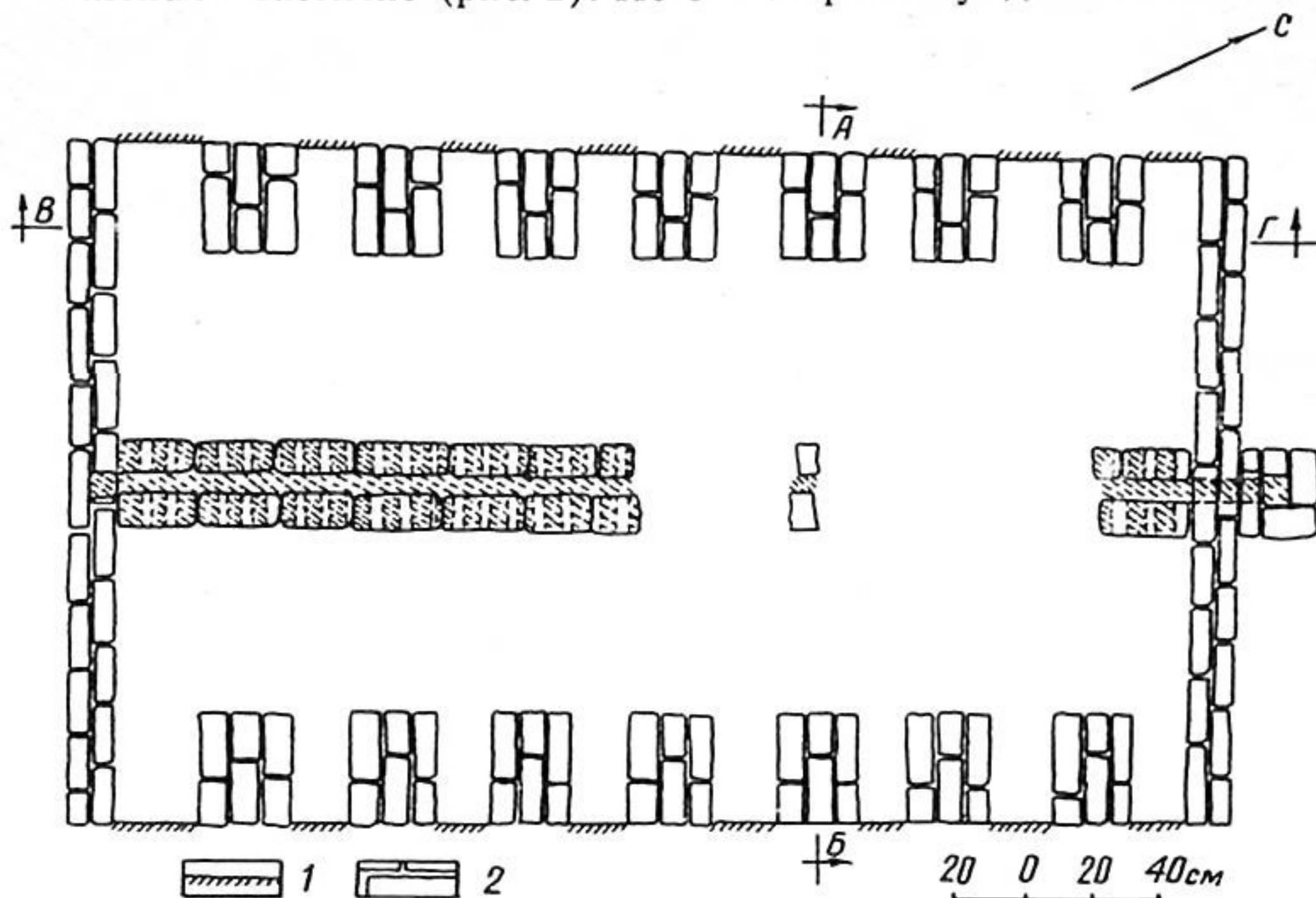
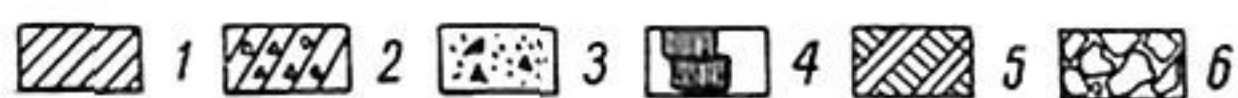
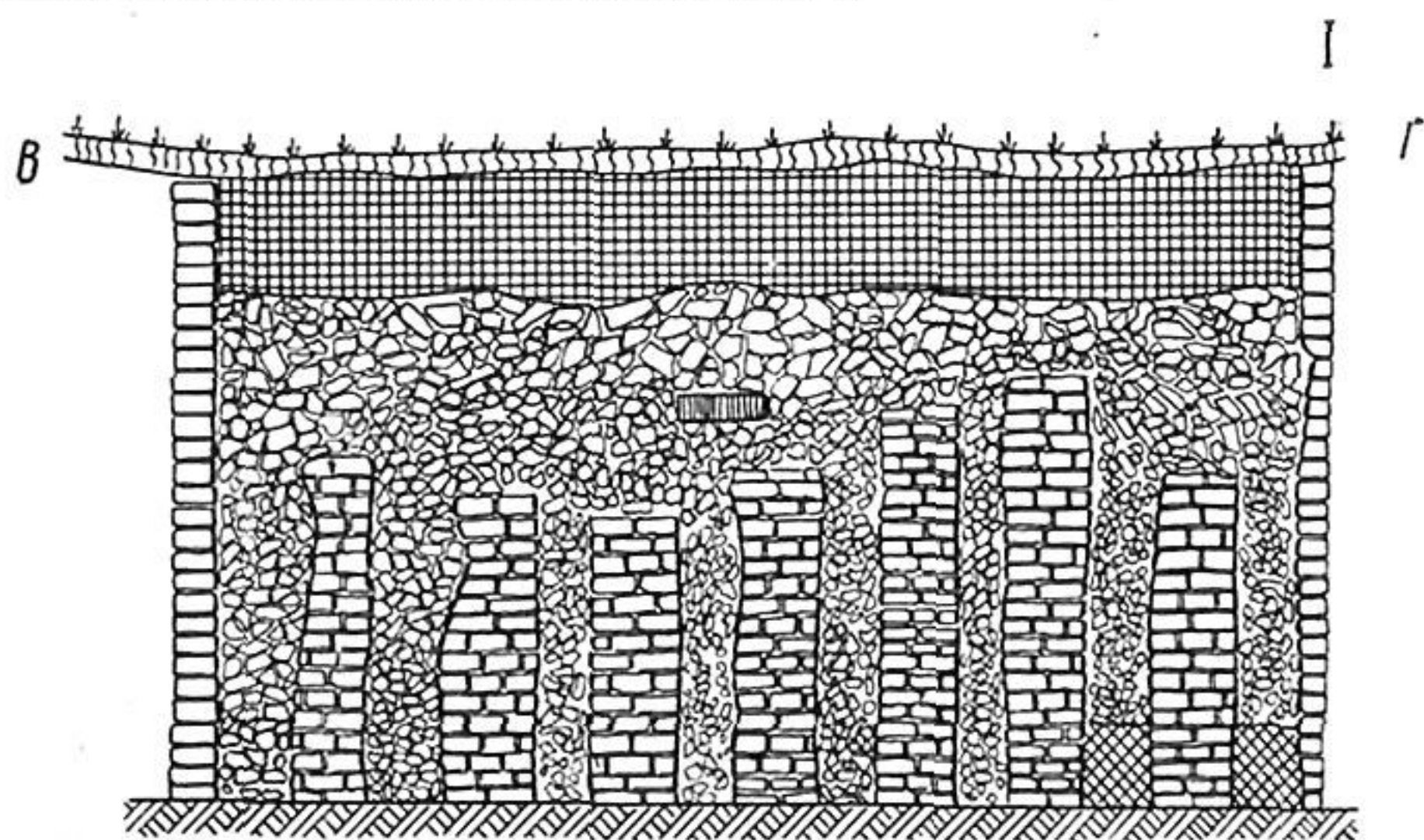
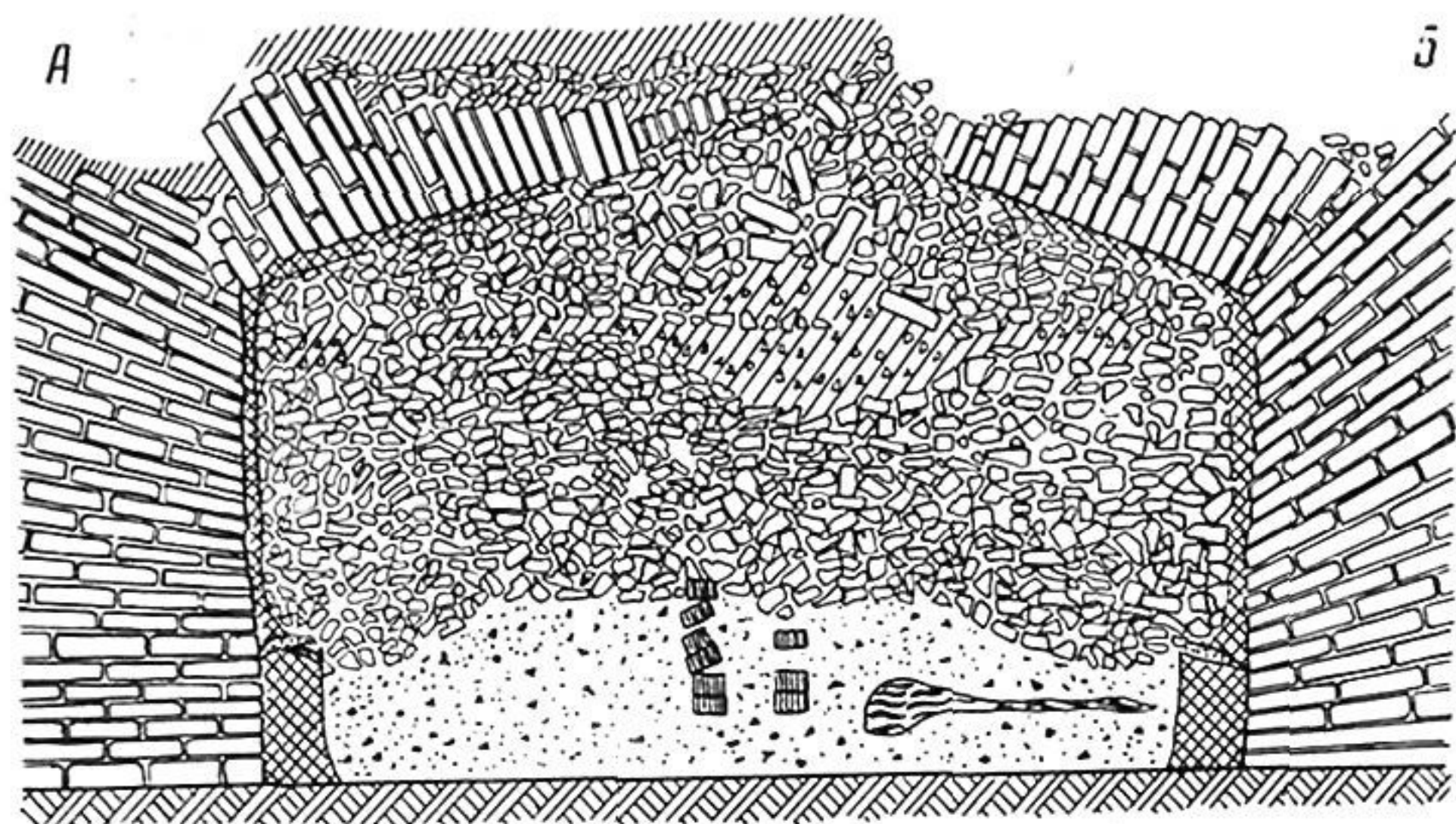

Рис. 1. План печи.

Условные обозначения: 1—прокаленная земля; 2—кладка из жженого кирпича.

ставлены 14 устоев — оснований полуциркульных арок, поддерживавших под обжигательной камеры, в целости сохранилась лишь одна арка. Поэтому можно предполагать, что в хумдане было семь полуциркульных арок, поддерживавших перекрытие топочной камеры.

Арки сооружены из сырцовых кирпичей ($25,5 \times 25,5 \times 5,5$ см), уложенных на ребро и скрепленных глиняным раствором. Верхняя горизонтальная площадка над арками обра-

20 0 20 40cm

зована путем закладки пространства между ними сырцовым кирпичом, уложенным плашмя. Промежутки между арками 30—40 см. Вся внутренняя поверхность топочной камеры и арки покрыты обмазкой в 3—4 слоя, которая сильно обожжена и превратилась в толстую корку шлака толщиной 2—4, местами до 6 см. Внутренняя высота сохранившейся арки от пола топки 1,6 м, а общая 2,1 м, ширина ее кладки 45 см, высота 50 см.

Вдоль северной стены сохранились остатки пода печи. В хумдане имеется дымоход и вентиляционное сооружение. Дымоход, сложенный из сырцового кирпича, расположен в восточной стороне хумдана. Ширина кладки дымохода 90 см, высота 1,1 м. Высота канала дымохода 20 см, ширина также 20 см. Справа канал идет горизонтально, у восточной стены резко поднимается вверх, достигая 1 м высоты, затем он поворачивает горизонтально к востоку и сквозь стену выходит наружу. К сожалению, наружная верхняя часть дымохода не сохранилась, от нее осталась только подставка. В канале дымохода обнаружена зола и следы копоти.

В середине топочной камеры по направлению с востока на запад идет вентиляционная система длиной 2,75 м, шириной 50 см, высотой 70 см в виде закрытого канала с 19 отверстиями по бокам. Высота отверстий 20 см, ширина 15 см. Канал вентиляционной системы выходит наружу сквозь западную стену.

В середине западной стены имеется специальная выемка. Можно предполагать, что на месте выемки, т. е. против дымохода, было устье хумдана. Наше предположение подтверждают этнографические материалы и сравнительные анализы с другими одновременными хумданами, открытыми в средневековых городах Средней Азии³.

³ Н. Богоевский. Заметки о строительных материалах в Туркестанском крае, «Инженерный журнал», 1874, № 8, стр. 935; А. Головин. Кустарные промыслы Туркестана, Ташкент, 1909, стр. 11.

Рис. 2. Разрезы печи. I—разрез АБ; II—разрез ВГ.

Условные обозначения: 1—прокаленная (красная) земля; 2—прокаленная земля с мелким битым кирпичом; 3—зола с включениями угольев; 4—отдельные жженные кирпичи; 5—основание; 6—битый кирпич; 7—рыхлый слой; 8—дерновый слой; 9—кладка из жженного кирпича; 10—средний плотный слой; 11—отшлакованная обмазка.

В статье А. К. Писарчик⁴ на основе этнографического материала описываются действующие кирпичеобжигательные печи Самаркандской области и Ферганской долины. Этнографические данные относятся к 30-м годам нашего столетия, и автор утверждает, что подобные печи употребляются до последнего времени. Существует несколько мнений о конструкции перекрытий печей. М. Е. Массон считает, что подобные печи имели сводчатые перекрытия в виде купола, и приводит в качестве примера печи со сводчатыми перекрытиями в Термезе⁵. И. Ахраровым на городище Кува отмечены развалины кирпичеобжигательной печи с сохранившимся примерно на высоту 1 м купольным перекрытием⁶. Е. Пругер предполагает, что, возможно, обжигательной камеры как таковой не было, а кирпичи обжигались открытым способом, т. е. кирпичи складывали на под печи в штабель, который затем обмазывали глиной и обжигали⁷.

Нам кажется, что сверху хумдан перекрывали куполообразные своды, а загрузка и выгрузка кирпичей осуществлялась через проемы где-то сбоку обжигательной камеры. В результате исследований выяснилось, что когда кирпичники строили хумдан, то сначала рыли котлован, а потом строили стены печи.

Сопровождающего материала во время раскопок хумдана обнаружено мало. Внутри и рядом с хумданом найдены четыре монеты и подготовленные для обжига кирпичи размером 25,5×25,5×5,5 см. На основе найденных монет, размера кирпичей и аналогий исследуемый хумдан можно датировать XIV—XV вв.

⁴ А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв., Среднеазиатский этнографический сборник, Труды Института этнографии, т. XXI, М., 1954, стр. 230—234.

⁵ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН СССР, сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 102.

⁶ И. Ахраров. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 80.

⁷ Е. Б. Пругер. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад, 1969, стр. 238.

Аналогичные по конструкции кирпичеобжигательные печи найдены в нескольких местах Средней Азии⁸. Сравнение археологических данных, полученных при раскопках кирпичеобжигательной печи средневекового Самарканда и этнографических материалов, относящихся к XIX началу XX вв., показывает, что форма и конструкция печей XIV — XV вв. и печей XIX — начала XX вв. очень сходны. Различия имеются только в деталях. Дальнейшее изучение кирпичного производства на городищах Средней Азии пополнят наши знания об этом древнем ремесле.

⁸ И. Ахраров. Указ. соч., стр. 80; Г. И. Пацевич. Печь для обжига кирпича в древнем городище Сарайчик, КСИИМК, вып. 69, М., 1957, стр. 111; О. А. Вишневская. Раскопки караван-сарая Акяйла и Талайхан-ата, Труды ХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 462; Е. Б. Пругер. Указ. соч., стр. 227.

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ
РЕЗНОГО ГИПСА АФРАСИАБА

Среди образцов резного гипса, обнаруженных на различных археологических объектах Афрасиаба, насчитывается шесть типов обработки гипса. Типы часто сосуществуют в пределах одного объекта, образуя художественные композиции из разнообразно обработанных орнаментов.

Материалом для резных гипсовых декораций с IX по начало XIII в. (т. е. до завоевания Самарканда монголами) служил глиногипс, он же технический ганч или гажа, представляющий собой продукт обжига и размола гипсового камня месторождения Чупаната, вместе с лессом, переслаивающим его столбчатые образования.

Глиногипс, обожженный в печах при температуре 140—180° и размолотый на каменных жерновах, представляет собой порошок красновато-землистого цвета меняющихся тонов. Оттенки зависят от количества лессовой примеси и температуры обжига. Обжиг при пониженной температуре дает светло-землистый оттенок, пережог отличается ярко-красным цветом лессовой примеси и содержит блестящие чешуйки кристаллов гипса-пережога, различимых под микроскопом. Глиногипс не имеет яркой белизны, отличающей чистый гипс, но обладает рядом положительных свойств, подмеченных мастерами древности. Это — лучшая, чем у чистого гипса, и дольше сохраняемая пластичность в затворенном состоянии, сравнительно замедленные сроки схватывания, повышенная водоустойчивость.

Темный цвет резьбы часто скрывался побелкой очищенным гипсом, а иногда и покраской минеральными красителями. Надо отметить, что вполне сознательный выбор глиногипса в качестве материала для резьбы за его положительные свойства подтверждается применением чистого гипса еще в VII—VIII вв. для основания под росписи, побелки им той же резьбы. В районе Пенджикента имеются залежи очень чистого гипсового камня, разрабатывавшегося в древности.

Приводим характеристики типов орнаментов:

Тип I. Штукатурка с накладным орнаментом. По схватившемуся штукатурному слою поверх намеченного рисунка прокладывали жгутик из гипсового теста и придавливали инструментом с закругленным концом вдоль всего орнамента, образуя вдавленную посередине полосу. Тем же приемом накладывали простейший орнамент на облицовки панелей из жженого кирпича. Таким способом изготовляли панели некоторых помещений банного комплекса в северо-западной части Афрасиаба (пробы 758^a и 758^b).

Тип. II. Нарезание орнамента на тонком слое гипса или оттискивание простым штампом его составных частей. Резьбу производили непосредственно на стене по слою глиногипса, наложенного на просохшую штукатурку из глины с саманом или тонкими травянистыми добавками. Толщина слоя глиногипса от 0,5 до 1,2 см, но в отдельных случаях толщина достигает и 10 см. Нарезка чаще всего имеет треугольное сечение глубиной 2; 2,5; 3,5 и 7 мм. Рисунок предварительно намечали от руки тонкими линиями. Материал во время резьбы был в большинстве случаев в пластичном состоянии, отчего кромки нарезки имеют четкие и ровные очертания. Иногда они слегка сближены. Изредка попадаются следы резки по затвердевшему гипсу. Тогда кромки имеют зазубрины.

Резьба этого типа встречена в помещениях банного комплекса (проба 945), в михрабе мечети, открытой В. Л. Вяткиным в 1912 г., в куполе и поясе парусов парадного зала богатого дома, вскрытого в 1965 г. И. Ахраровым (пробы 1128 и 1131), и в помещении близ дворцового комплекса с росписями.

Тип III. Сложные орнаменты с высоким рельефом (до

2,5—3,3 см) на слое глиногипса толщиной 2,5—5 см. Сюда относятся панели из дворца Саманидов (пробы 318 и 584), массивные зубцы «кунгура» из банного комплекса (проба 946), резьба в обрамлении ниши парадного зала (проба 1126), жгуты, окаймлявшие ленты резного орнамента на стене и на внутренней поверхности купола парадного зала (пробы 1133, 1134).

Резьба третьего типа наиболее распространена в сооружениях Средней Азии в более ранний и более поздний периоды. Техника ее изготовления подобна практикующейся и в настоящее время. Затворенный гипс заливали в ящичные формы, после схватывания образовывались доски заданной толщины, на поверхности которых по еще мягкому гипсу разбивали сетку, служившую основой для построения рисунка. Вырезание орнамента на большой поверхности занимало много времени. Чтобы гипс не терял необходимую пластичность, его слегка смачивали водой и в перерывах между работой укрывали влажной тканью. Сохранению удобообрабатываемости глиногипса способствовали глинистые примеси. После нарезания изделие просушивали до приобретения нормальной прочности и устанавливали на место.

Тип IV. Резка сложного насыщенного орнамента по двуслойной штукатурке. Резной гипс этого типа обнаружен в двух местах — это художественная панель в общественной бане¹ и ленты, обрамлявшие ниши в белом зале (пробы 1157 и 1129)². Стены и профилировку ниш покрывали ровным слоем глиногипса, затем, не дожидаясь полного затвердевания, на него накладывали второй слой толщиной в 1—1,5 см. На этом слое по предварительной разметке вырезали орнамент, причем верхний пласт прорезали на всю толщину с полной выемкой его в углублениях. Фоном рисунка служил нижний слой раствора, на котором часто встречаются следы от резца в виде наколов и прорезов различной величины и глубины. Они-то и свидетельствуют о неполном затвердевании нижнего слоя в период производства резьбы. Почему мог сложиться такой способ резки орнамента? Во-первых,

¹ В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры, Ташкент, 1966, стр. 33.

² И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной шук Афрасиаба, Ташкент, 1971, стр. 95 (рис. 71), 98—99 (рис. 74, 99).

нижний слой удобен для выравнивания поверхности под орнамент и, во-вторых, помогает выдержать на одном уровне фон орнамента. Между двумя слоями гипса всегда остается легкий налет воды, выступающей из раствора, он способствует удалению части верхнего слоя без порчи фактуры нижнего и без опасности повреждения рельефа при заглаживании фона. Правда, в этом случае частицы рельефной резьбы довольно легко отделить от основания и после полного затвердевания. Сохранности орнамента обычно способствует монолитность всей решетки рельефа.

Тип V. Производное от IV типа. Мелкие сложные детали орнамента вырезались отдельно и наклеивались гипсовым раствором на нижний слой, который предварительно размечали тонкой цепочкой наколов через бумажный трафарет (побеги виноградной лозы в обрамлении ниши и перлы между жгутами на внутренней поверхности купола белого зала)³. Орнамент собирали отдельно на гипсовых досочках. Наколы разметки на них сильно отличаются своей правильностью и легкостью от случайных проколов при производстве резьбы предыдущего типа. Такая техника обеспечивала быстроту сборки орнамента и облегчала вырезание небольших, но сложных деталей орнамента.

Тип VI. Орнамент с массивным рельефом из крупных деталей. Найден в виде крупных обломков в комнате 5 богатого дома с белым залом.

Толщина пласта глиногипса 4,5—6 см, высота рельефа резьбы 3,8—5,5 см. Судя по сохранившимся фрагментам, орнамент вырезали непосредственно на стене по толстому слою штукатурки.

Материал и текстура резного орнамента. Текстура всех проб резных орнаментов изучалась при помощи микроскопа, для типичных представителей пяти первых групп сделаны химические анализы (табл. 1).

Подсчет содержания в пробах двуводного гипса и лесовой примеси (по химическим составам) позволяет проследить колебания их количеств в различных типах орнаментов. Как правило, гипс всегда превалирует над лессом. В панелях

³ И. Ахраров, Л. Ремпель. Указ. соч., стр. 104 (рис. 82), стр. 107 (рис. 85), стр. 111 (рис. 87).

Химический состав и содержание компонентов в материале

Номер пробы	Наименование пробы	SiO ₂	FeO+Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	CaO	MgO
Тип I						
758 ^a	Налепной орнамент на панели в банном комплексе	25,84	2,63	4,50	22,68	1,74
758 ^b	Основание той же панели	24,21	2,48	4,84	23,20	1,67
Тип II						
945	Резьба по тонкому слою гипса поверх глиняного основания. Баня	16,19	1,48	3,87	26,27	1,59
1131	Резьба по тонкому слою гипса поверх глиняной подготовки на внутренней стороне купола белого зала	24,19	2,00	4,88	22,71	0,20
Тип III						
584	Резная панель из дворца Саманидов	27,68	2,95	5,25	20,43	2,33
946	Зубец „кунгура“ из бани	22,47	2,13	5,30	23,61	1,39
Тип IV						
1129	Лента орнамента в обрамлении ниши белого зала	23,43	1,50	4,73	22,01	2,72
1157	Художественная панель из бани	19,74	1,91	4,14	24,40	1,28
Тип V						
1132	Листик побега виноградной лозы в обрамлении ниши белого зала	27,30	2,31	6,11	21,29	2,18

Таблица 1

резных орнаментов Афрасиаба (на высушенное вещество) %

SO ₃	Потери при прокаливании	Щелочь	Гипс двуводный	Лесс	Примеси к глиногипсу
26,09	16,84	—	56,00	44,0	Много тончайших стебельков и зернышек.
27,16	16,67	—	58,40	41,60	То же, в меньшем количестве
33,28	14,90	2,35	71,56	28,44	Очень много стебельков и зерен
25,93	17,32	1,71	55,75	44,25	То же
25,21	16,54	—	54,20	45,80	Примеси отсутствуют
27,80	14,40	2,65	60,00	40,00	Примеси отсутствуют
25,91	18,32	1,38	55,90	44,10	Много тонковолокнистых включений с мелкими зернышками
31,40	19,19	0,31	67,90	32,10	Очень много тонких стебельков и зерен
25,31	15,32	0,18	54,30	45,70	То же

из дворца Саманидов и в орнаментации белого зала доля гипса немного больше 50%, а в декоре сооружений банного комплекса достигает 71,56%. Известно, что наибольшей водостойкостью глиногипс обладает при содержании гипса в пределах 50—70%. По-видимому, для бани, где влажность воздуха повышена, выбирали более водостойкий материал. Для повышения прочности глиногипса в состав раствора вводили большое количество тончайших стебельков и зернышек с шероховатой остью от миниатюрных колосков и кисточек диких злаков (рис. 1, 2). Примеси выполняли роль своеобразной арматуры, предохранявшей изделия от растрескивания при высыхании. Орнаменты III и V типов, а также массивные детали II типа сделаны из глиногипса без волокнистых добавок.

Интересно проследить возникновение и преемственность способов изготовления резной гипсовой декорации, отмеченных на Афрасиабе. Первый тип накладного рельефа присущ только Самаркандскому банному комплексу.

Второй тип — вырезание или процарапывание рисунка по слою штукатурки непосредственно на стене — обнаружен кроме Самарканда еще в трех местах: в мавзолее Шах-Фазиль (XII в., с. Сафид-Буленд, КиргССР), в панели интерьера — резьба по глиногипсу с тонковолокнистыми добавками; в мавзолее Хакими-Термези (XI в., Старый Термез) — по чистому гипсу; в мечети намазгох Шир-кабир (Туркмения, XI—XII вв.) — по гипсоцемяночному раствору.

В Самарканде, таким образом, мы имеем дело с наиболее ранним и наиболее художественным использованием метода. Судя по количеству объектов применения, этот метод имел значительное распространение в Самарканде IX в.

Третий тип имеет много аналогов в разных местах Средней Азии. Наиболее ранний из них — массивный резной гипс без волокнистых добавок Варахши VIII в. Здесь сохранность материала обеспечивали добавлением активной растительной золы. Позже этот тип резьбы встречается повсеместно и даже практикуется в настоящее время.

Четвертый и пятый типы, очевидно, также разработаны в Самарканде. По крайней мере, зарегистрирован только один случай более позднего их применения в развитом виде в мавзолее Шаз-Фазиль и в Северном мавзолее Узгена сере-

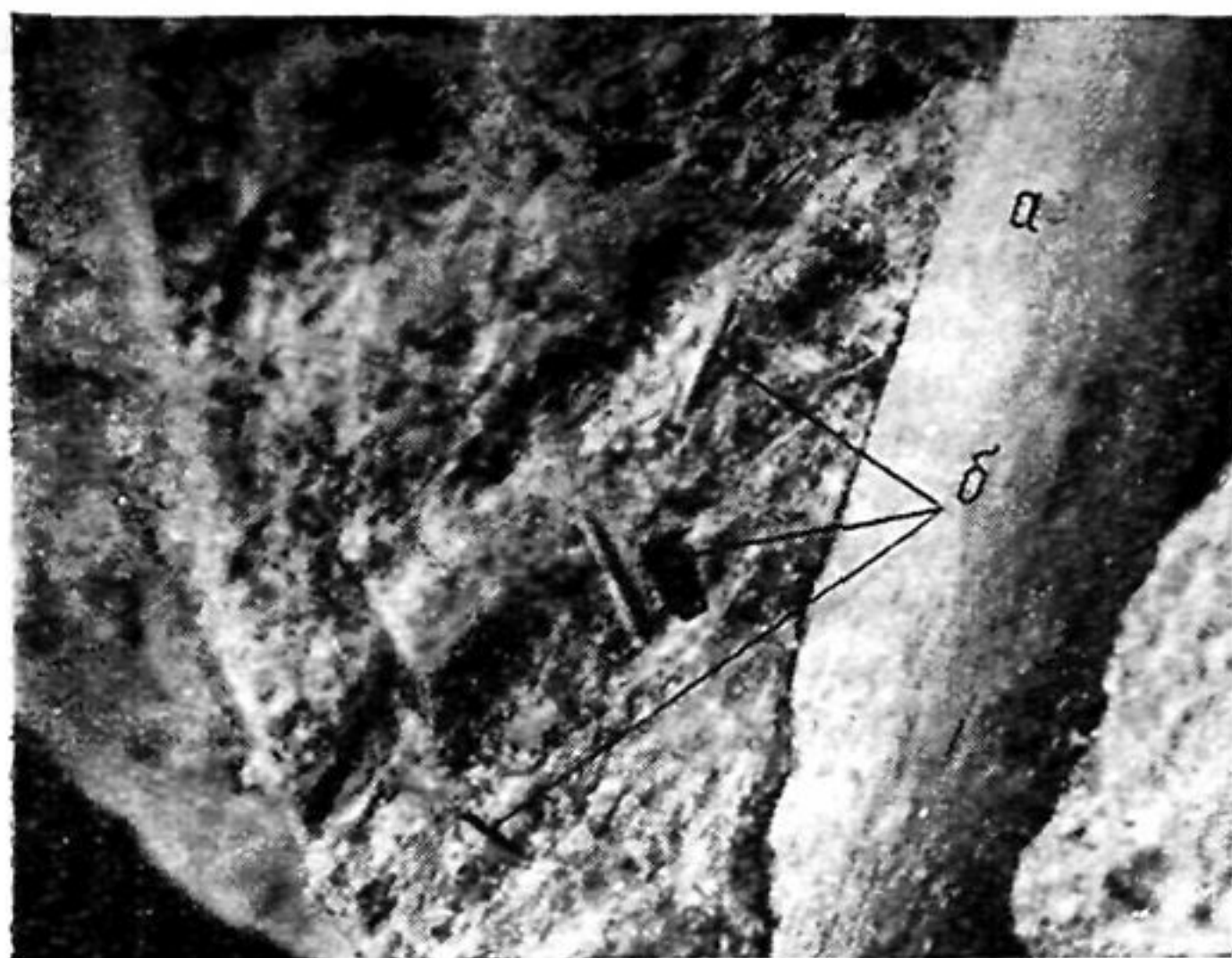

Рис. 1. Излом пробы № 1157. Видны стебелек и оболочки зерен (увеличено в 15 раз).

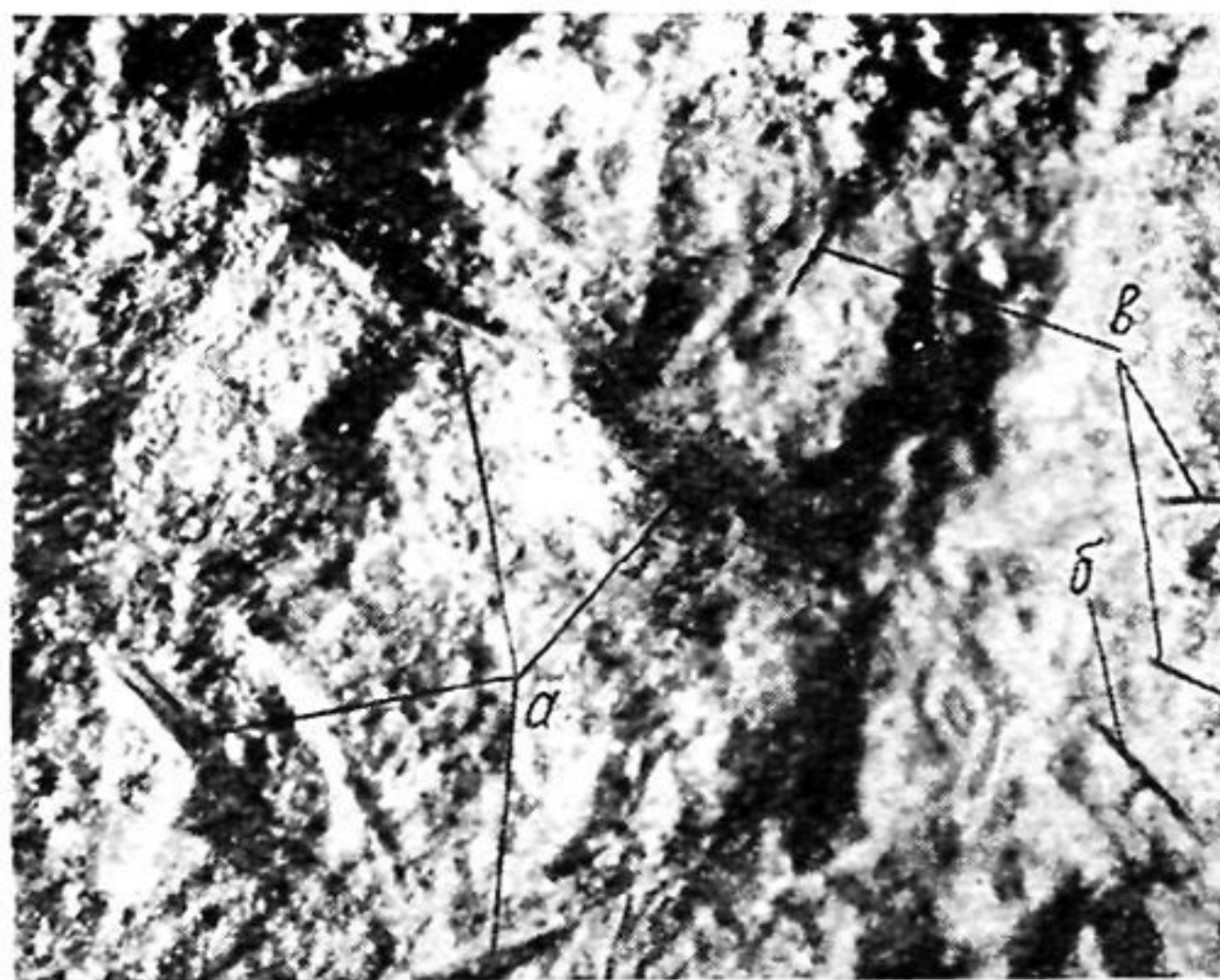

Рис. 2. Излом пробы № 1131. Видны зернышки, стебельки и отпечатки ости (увеличено в 15 раз).

дины XII в.⁴, где доведена до совершенства техника сохранения гипса введением тонких, старательно подобранных растительных добавок в сочетании с применением активной золы, повышающей водоустойчивость гипса. Конечный этап развития V типа технологии гипсовой орнаментации — наложение ажурного гипсового орнамента на зеркальный фон.

Преимущество шестого типа резного гипса установить очень трудно, поскольку он представлен только отдельными фрагментами.

Таким образом, можно считать, что Самарканд в IX в. обогатил архитектуру новыми, ранее неизвестными способами декоративной технологии, принятыми и развитыми впоследствии мастерами других городов Средней Азии.

⁴ Н. С. Гражданкина. Некоторые способы повышения сохранности гипсового декора в памятниках XI—XII вв., ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 127—135.

МЕДРЕСЕ ТАМГАЧ БОГРА-ХАНА В САМАРКАНДЕ (ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В АНСАМБЛЕ ШАХИ-ЗИНДА)

Среди домонгольских строений XI—XII вв., раскопанных нами в ансамбле Шахи-Зинда в последние годы, наибольший интерес представляет сложный в планировочном отношении комплекс взаимосвязанных помещений, вскрытых по западной стороне коридора в средней части памятника¹. Здесь под постройками XIV—XV вв. были выявлены остатки стен на высоту до 2 м, фундаменты, отмостки полов из характерного для Самарканда XI—XII вв. строительного материала² (рис. 1).

Вскрытая группа представлена большим, квадратным в плане, залом (условно «б»), от которого сохранилось три стены, двумя примыкавшими к нему с севера малыми помещениями («а» и «г»), из которых одно («а»), как выяснилось, являлось проходным вестибюлем с объемной входной нишей на оси и расположенным поперек этой группы сквозным айваном «в» с порталным входом. От айвана уцелела вся южная сторона и остатки порталной ниши.

¹ Участок между мавзолеем (работы Усто-Али-Несефи) и комплексом Туман-ака.

² Раскопки были начаты в 1959—1960 гг. Управлением по охране памятников материальной культуры Министерства культуры УзССР. В 1968—1969 гг. они были продолжены Управлением по охране памятников совместно с Институтом истории и археологии АН УзССР. Осенью 1972 г. раскопки велись Институтом искусствоведения им. Хамзы Министерства культуры УзССР совместно с Обществом охраны памятников истории и культуры Узбекистана.

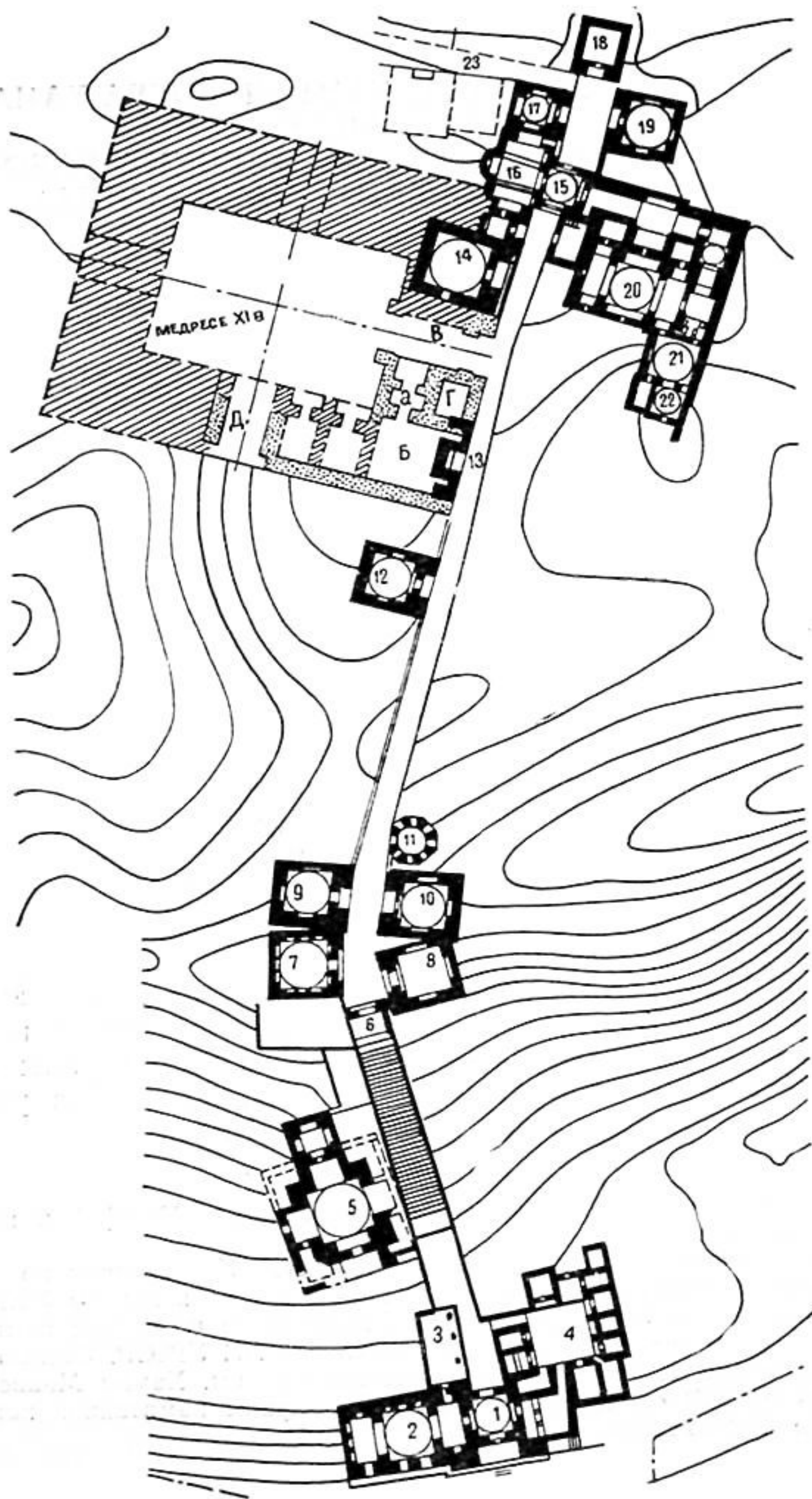

Рис. 1. План ансамбля Шахи-Зинда.

Уходящая на запад, за линию описанной группы, внешняя южная стена с остатками второго сквозного айвана «д», вымостка двора западнее айвана «в», а также общепланировочная композиция говорят за то, что перед нами часть (примерно одна четверть) какого-то крупного по масштабам сооружения дворово-айванного типа (рис. 2).

В предварительных публикациях материалов по памятнику из-за неполноты археологических данных были высказаны некоторые представления о плане и строительной периодизации сооружения, не вполне подтвердившиеся в дальнейшем. Так, на первом этапе исследований предполагалось, что зал «б» и сквозной айван «в» — разновременные здания (мавзолей?)³. Позже, когда была вскрыта вся группа (помещения «а», «б», «в» и «г») и установлена ее планировочная и строительная взаимосвязь, но еще не открыта южная внешняя стена сооружения, комплекс более верно осмысливался как строения поперечно-осевого положения по сторонам сквозного айвана «в». Причем для первого строительного этапа допускалось, что проходное помещение «а» было ориентировано входом portalного типа на север (за него была принята южная входная ниша чартака в айване «в»)⁴.

Дальнейшими исследованиями было установлено, что вся группа представляет собой, единовременный комплекс. Об этом свидетельствует планировочная и конструктивная взаимосвязь помещений, характер строительного материала (единый для всего сооружения), общие декоративные и строительные приемы. Исключением является небольшое помещение «а», более раннее по времени, хотя и выстроенное из того же прямоугольного кирпича. От него сохранилось три стены, которые органически вошли в план и объемное решение данного комплекса.

Все помещения вскрытой части здания сообщались между собой проемами. Они были выстроены из типичного для Самарканда XI—XII вв. кирпича (16—18×29—33×4—4,5 см) на глиняном (стены) и ганчхаковом (декор) растворе. Стены

³ Н. Б. Немцева. Раскопки на территории мавзолея «Безымянный-2», ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 156—161.

⁴ Она же. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. (По археологическим материалам), Сб.: «Зодчество Узбекистана», Материалы и исследования, вып. II, Ташкент, 1970, стр. 138—160.

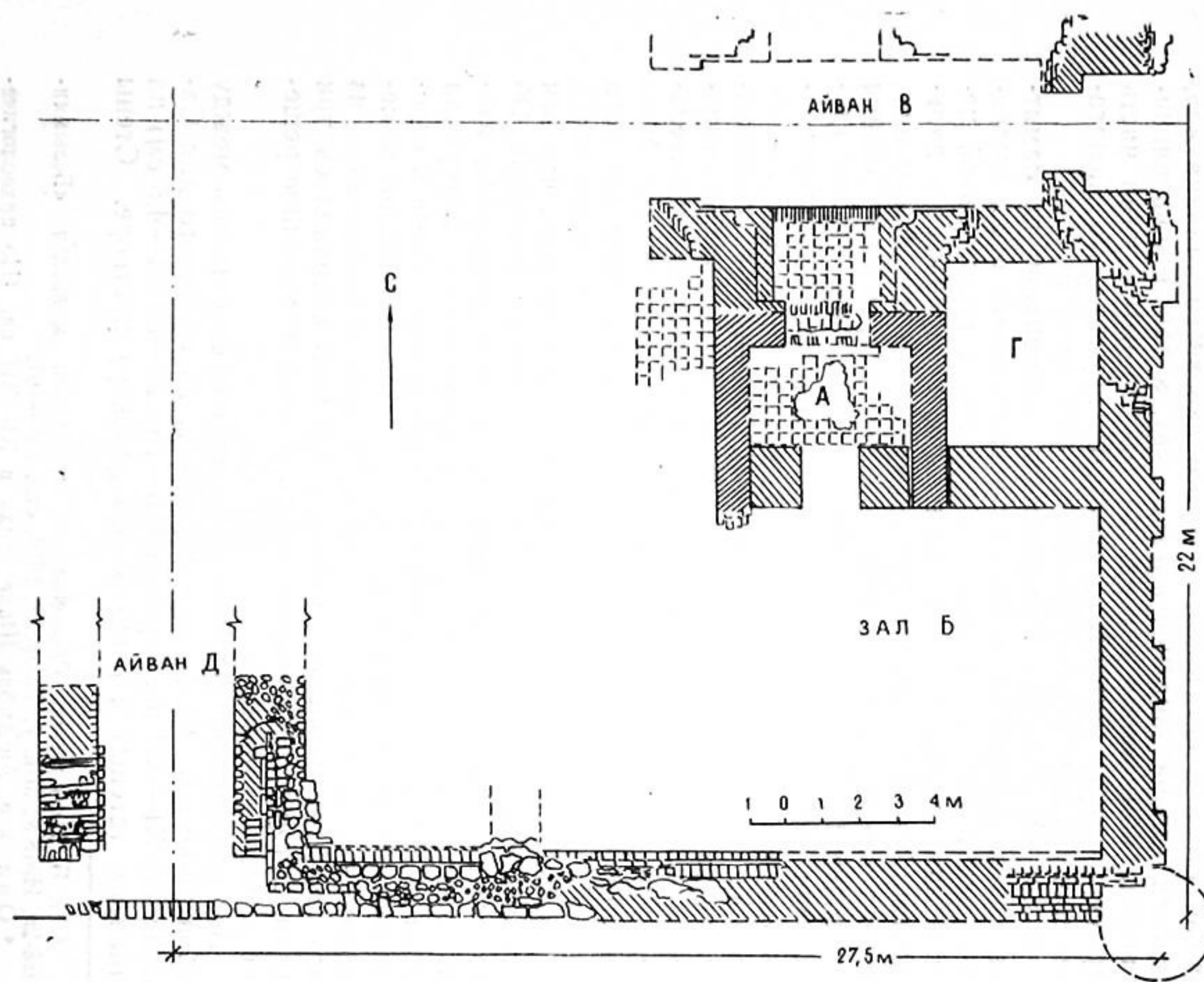

Рис. 2. Вскрытая часть здания дворово-айванного типа с элементами реставрации.

помещений имели одну ширину (1,5—1,7 м) и, что наиболее показатель­но, в местах стыков сложены кладкой в перевязь.

Остатки декора на восточной стене и портал на оси сквозного айвана «в» свидетельствуют о том, что сооружение было обращено главным фасадом на восток, к мавзолею Кусам ибн-Аббаса.

Композиционным центром сооружения, судя по всему, являлся сквозной айван «в», вытянутый с востока на запад и более всего напоминающий главные проходы на центральных осях в постройках дворово-айванного типа. Он фиксирует продольную ось здания. С восточной стороны айван был акцентирован монументальным порталом, судя по остаткам ниши (ширина 3,5 м, глубина около 2 м) и пилонов (ширина 3,1 м). Западный (дворовый) выход айвана был также подчеркнут порталом, о чем говорит сохранившийся южный устой (1,7×1,3—1,5 м).

Ширина айвана определяется примерно в 4,4 м, длина внутри — 9,4 м, по внешним измерениям около 14 м.

Слева от сквозного айвана «в» располагались помещения южного крыла. Северное крыло не сохранилось⁵.

Угловой зал «б» являлся наиболее крупным помещением вскрытой части. Он был квадратным в плане (9,7 м в стороне) и перекрыт куполом. Севернее зала «б», смежного с ним, располагались значительно меньшие помещения. Сюда входили прямоугольная комната «г» (5,2×4,4 м), в которой ни полов, ни проемов зафиксировать не удалось из-за плохой сохранности стен, и сложная в планировочном отношении система поперечных проходов, связавших угловой зал «б» с центральным айваном «в». Единственный выход в зал «б», расположенный в северо-западном углу, соединялся с небольшим проходным вестибюлем «а» (4,4×2,8 м), который в свою очередь, широким проемом (2,2 м) выходил в нишу (3,8×2,6 м), обращенную в айван «в». Вся система проходов располагалась анфиладно по оси север—юг и в соединении с айваном «в» создавала сложный планировочный узел, который можно правильно понять только при реставрации всего плана (на этом мы остановимся ниже).

⁵ Видимо, было уничтожено в самом конце XIV в. при строительстве мавзолея Эмира Бурундука.

Ключом, дешифрующим характер именно дворовой композиции плана всего сооружения, явилась его внешняя, южная стена. Эта стена, вскрытая, главным образом, в части фундамента (ширина 1,9 м) из чупанатинского сланца, кирпича, лессовых заливок и пахсы, на протяжении около 40 м значительно (примерно на 30 м) вышла на запад за пределы группы помещений, выявленных по линии коридора ансамбля (рис. 2).

Исследованиями 1969 и 1972 гг. на южной стороне выявлены (пока не до конца) остатки мелких помещений (худжр?) и главное — боковой, ведущий во двор южный айван «д» (ширина 3,5 м), фиксирующий поперечную ось здания. У восточного пилона айвана «д» сохранились остатки профилированной уступами кирпичной кладки, допускающей предположение, что южный айван «д», как и продольно-осевой «в», был снаружи оформлен порталом (рис. 3). Принцип симметрии, присущий планировке строений с внутренним двором, остатки айванов на продольной и поперечной осях дают право предполагать четырехайванную композицию в решении общего плана вскрываемого здания. Подобные решения хорошо известны по целому ряду гражданских и культовых строений средневекового Востока. Их истоки уходят вглубь веков. В ряде случаев айваны продольной и поперечной оси, как в данном, или только продольной, были сквозными, проходными и снаружи оформлялись порталами (комплекс Ходжа Машад в Саяте — XII в., медресе Улугбека в Самарканде — XV в., рабат Караул-Базар в Бухарской области — XVI в. и др.).

В промежутке между айваном «д» и выявленной восточной стороной сооружения зафиксированы остатки фундамента из чупанатинского сланца еще одной поперечной стенки⁶. Положение ее дает основание предполагать, что это смежная стена между небольшими помещениями (худжрами?), обычными для дворово-айваных зданий. На данном отрезке могло быть две или три худжры.

Полученные в результате археологических исследований данные достаточны, чтобы графически реконструировать

⁶ Сама стена и почти весь фундамент были уничтожены в начале XV в. при строительстве склепа у мавзолея «Безымянный-2».

принципиальную основу плана всего сооружения и получить представление о его размерах. Основанием для такой реконструкции служат многочисленные аналоги в средневековой дворowo-айванной архитектуре Средней Азии, решение сторон которых основано на осевой симметрии с общим повторением габаритов и планировки помещений. К числу типовых решений относятся северо-хорасанские караван-сарай XI—XII вв. Дая-хатын, Оде-Мергенъ, караван-сарай в

Рис. 3. Остатки восточного пилона айвана „д“.

Ал-Аскере и в Дахистане⁷. Особенно показательны сложившиеся к XV в. канонизированные в объемно-планировочном решении медресе Самарканда, Бухары, Ташкента. Исключения незначительны. Причем, они более закономерны для домонгольского зодчества Средней Азии, когда дворowo-айванные сооружения еще проходили сложную эволюцию формирования, отражая определенный творческий поиск (асимметричное решение главного фасада в комплексе Ходжа Машад)⁸, но встречаются и позже, где это уже вариан-

⁷ Г. А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана, М., 1967, стр. 108.

⁸ Н. Б. Немцева. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана, СА, 1969, № 3, стр. 179.

ты сложившихся решений (разная планировка крыльев Ташкентского медресе Ходжа Ахрара — XV в.)⁹.

Наиболее точно определяется поперечная сторона. Отложив от центральной оси проходного айвана «в» (продольная ось) величину южного крыла — 22 м, получим общее протяжение восточной стороны здания, равное 44 м. Строения такого рода прямоугольны или, что реже, квадратны в плане. В данном случае, судя по положению поперечной оси, был прямоугольник. Остатки сквозного айвана «д», обнаруженные в южной стороне, позволяют наметить поперечную ось здания в 27,5 м от восточного фасада. Это дает длину сооружения в пределах 55 м. Общие габариты вскрываемого здания, таким образом, определяются 44×55 м (рис. 4).

Эти данные сближают памятник по размерам с такими современными ему сооружениями, как караван-сарай на городище Ерез-тепе (45×45 м), Дая-хатын (50×50 м) в Северном Хорасане, Ходжа Машад в Саяте (48×68 м), более поздними медресе Кукельдаш в Ташкенте (44,9—62,7 м), медресе XV в. в Харгирде (42×56 м) и др.

Внутренняя структура плана, судя по многочисленным аналогам, подчинялась, видимо, тому же принципу симметрии. Каждая сторона двора имела айван или проход на оси и два крыла по сторонам, как правило, с зеркально-отраженными планами.

До полных вскрытий на основе раскопанной юго-восточной четверти можно судить обо всей восточной стороне сооружения. Графическая реставрация здесь тем более оправдана, что северное крыло восточной стороны (участок мавзолея эмира Бурундука и комплекса Туман-ака) при застройке ансамбля в XIV — начале XV в. было разрушено и археологически не может быть выявлено.

Проецируя план южного вскрытого крыла на север от айвана, получим представление о планировке и объемном решении всей восточной стороны. Северное крыло, вероятно, так же как и южное, заключало квадратный крупный

⁹ Г. А. Пугаченкова. Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои, Труды САГУ, Новая серия, вып. CVIII, кн. 22, Ташкент, 1957, табл. XXXVI.

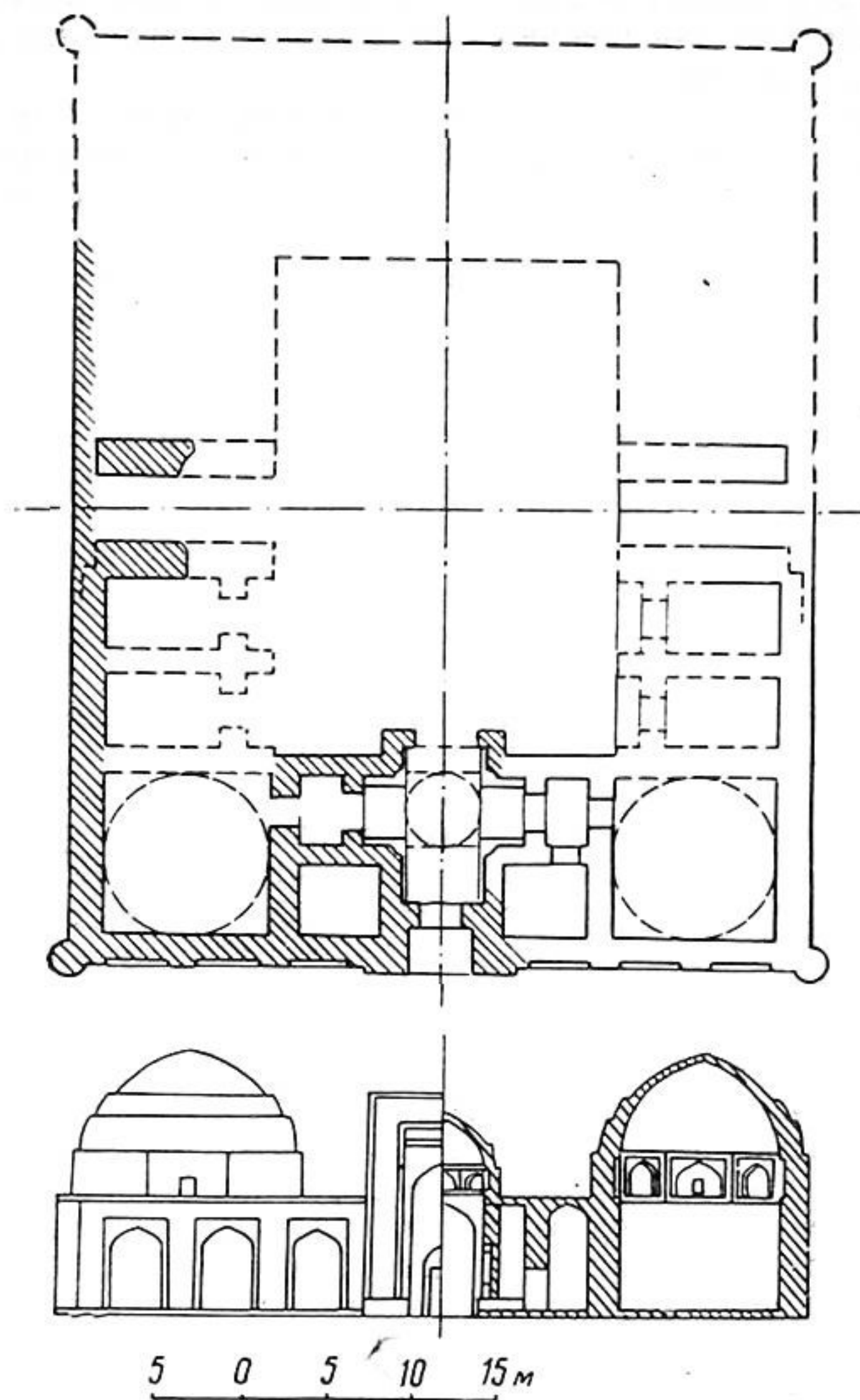

Рис. 4. План и разрез медресе Тамгач Богра-хана
(схема-реконструкция Н. Б. Немцевой,
Л. И. Ремпея).

зал в углу и группу мелких помещений, в том числе анфиладную систему поперечных проходов из углового зала в сквозной айван «в».

Наиболее интересной в реставрированном плане представляется система боковых проходов обоих крыльев, взаимосвязанных между собой и с центральным айваном «в» (см. рис. 4).

Проходы южного и северного крыла поперечного положения, перекрещиваясь с продольной осью центрального айвана «в», создавали в месте скрещивания своеобразный чартак или мион-сарай. На основе таких боковых проходов в последующем (XV—XVII вв.) развивается характерный для среднеазиатских медресе сложный коленчатый проход. Глубокая объемная ниша с юга ($3,80 \times 2,60$ м) — такая же ниша предполагается с севера — говорит о четко выраженной крестовидности плана чартака. В основе его был квадрат, величина которого определяется по вскрытым остаткам и реконструкции в $4,90 \times 4,90$ м. Его перекрывал, видимо, купол. По сторонам располагались ниши и отрезки айвана «в». Такое в принципе решение проходных чартаков (мион-сараяв) наблюдается почти в каждом медресе XV—XVII вв. (Ходжа Ахрара, Кукельдаша в Ташкенте, Мири Араба и других в Бухаре). Но они выполнены уже в новых, соответствующих эпохе архитектурных формах (коленчатый, разветвленный проход, сложные сетчатые конструкции перекрытий). Таким образом, сооружение из ансамбля Шахи-Зинда дает наиболее ранний пример перекрестного прохода в дворово-айванном здании Мавераннахра.

Несколько иной, но близкий вариант крестовидного проходного вестибюля имеет место в дворцовом комплексе Лашкаргах (XI в., Афганистан)¹⁰. Тот же принцип купольного вестибюля (чартака) с глубокими проходными нишами по сторонам наблюдается в жилой архитектуре Мерва XI—XII вв.¹¹ Идея эта восходит, видимо, к купольным киоскам античности (храмы огня) с четырьмя открытыми арками по сторонам.

¹⁰ Всеобщая история архитектуры, т. 8, М., 1969, стр. 354, рис. 2.

¹¹ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 207, 209.

Остатки конструкций и облицовки в южной части айвана «в» раскопанного сооружения показывают, что интерьер крестовидного вестибюля был разработан в архитектурных деталях и отделан декоративно.

По сторонам ниши располагались суфы (одна из них сохранилась у западной щеки) шириной 45 см, высотой 62 см, облицованные шлифованным кирпичом. Это не что иное, как сильно развитый, вынесенный в нишу здания цоколь, конструктивно связанный с массивом стен. Такие цоколи-суфы известны по многим памятникам средневековья.

Внешние углы ниши, как показывает кладка-выкружка (гнездо колонки), уцелевшая на восточной стороне, обрамляли трехчетвертные колонки — деталь глубоко традиционная, имеющая местный старосогдийский генезис и почти обязательная для большинства порталных и михрабных ниш, декоративной аркатуры как внешних фасадов, так и интерьеров.

Со стороны айвана «в» к полуколонке на одном уровне с ней примыкал декоративный пояс шириной 78 см (сохранился *in situ* на высоту 90 см) с геометрическим орнаментом из тесаных кирпичей и резного ганча. Обрамление ниши было, видимо, двусторонним и ограничивалось шириной найденного декоративного пояса. Об этом говорит величина западного отрезка айвана (от края ниши до пилон дворового айвана), равная 1,3 м. Примерно той же ширины (1,2 м) была вскрытая декоративная лента и полуколонка на восточном отрезке айвана «в». Разницу в 10 см можно отнести за счет утрат каких-то элементов декора.

Прием внутреннего убранства ниши весьма оригинален. Общая композиция архитектурно-декоративного членения более всего ассоциируется с порталами средневековых памятников Мавераннахра: та же ниша, те же колонки по углам и суфы у щековых стен. Обрамлявший нишу декоративный пояс в принципе не отличается от П-образных декоративных лент пилонов, но здесь он не обводил раму портала (в интерьере ее не могло быть), а заканчивался, видимо, у пяты арки айвана «в».

Конструкции, инженерные приемы. Строительство крупных сооружений в районах с высокой сейсмичностью требо-

вало от средневековых зодчих подчас сложных и остроумных решений, тем более, когда подстилающие грунты представляли собой культурный слой неравномерной плотности, как это имело место в данном случае.

Мощность культурных наслоений Афрасиаба к XI в. на территории ансамбля Шахи-Зинда составляла, как нами установлено, 5—6 м. Вскрываемое здание занимало большую площадь (44×55 м); сложное планировочное и, соответственно, объемное решение говорит о том, что отдельные его части (стены) несли разную нагрузку. Все это определило характер фундамента — разный по строительному материалу, глубине заложения, форме и ширине выноса в отдельных частях. Различный строительный материал в фундаментах (пахса, сланцевый камень, кирпич, галька) мог быть также следствием поэтапности строительства, недостатка или несвоевременного подвоза стройматериалов. В частности, фундамент внешней южной стены строения из ансамбля примерно до середины южного айвана «д» был сложен преимущественно из каменного сланца. По внешним краям уложены крупные блоки, а средняя часть забутована мелким сланцем, галькой и кирпичным боем на глиняном растворе — камуфлетный способ кладки стен (см. рис. 3). Такая кладка в различных вариантах (из кирпича, камня, пахсы) была известна в Средней Азии, главным образом, по поздне-средневековым сооружениям Бухары, но в последнее время она обнаружена и в ряде значительно более ранних памятников (мавзолеи Безымянный—2, Эмира Бурундука из ансамбля Шахи-Зинда конца XIV в., цокольные части пахсовых, забутованных внутри гуваляками стен комплекса Ходжа Машад в Саяте XII в.). Тот же по существу принцип кладки и в платформе доарабского замка Джумалак-тепе¹², что говорит о глубоких местных традициях этого приема.

Горизонтальные ряды крупных блоков фундамента южной стены перестилались мелкими отщепами сланца, закрывая швы, что создавало перевязку рядов по горизонтали. Следует отметить, что фундамент южной стены на указанном участке, выведенный снаружи на глубину 2,25 м, со

¹² В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VII вв., Ташкент, 1966, стр. 217, рис. 73.

стороны двора углублен лишь на 50 см. Ниже идет очень плотная глинобитная основа — пахса слоями в 10—15 см (рис. 5, в). Западная часть того же фундамента (от середины южного айвана на запад) была совершенно иной. К каменно-бутовой кладке восточной половины примыкал плотный глинобитный фундамент мощностью 1,05 м. Его основание подстилало 3—4 ряда кирпичной кладки и один ряд кладки из камня. Общая глубина фундамента в этой части равна 1,45 м (рис. 5, д).

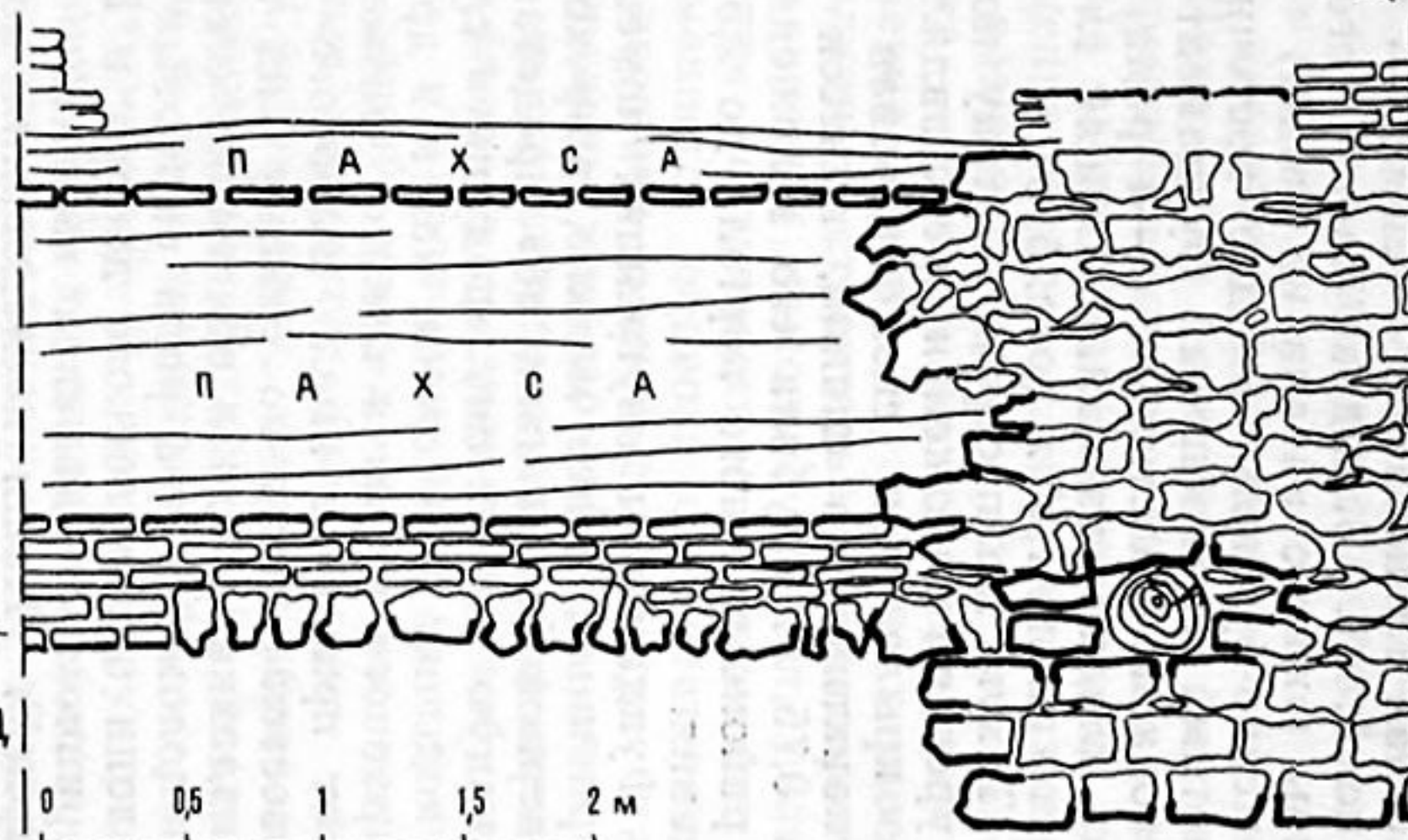
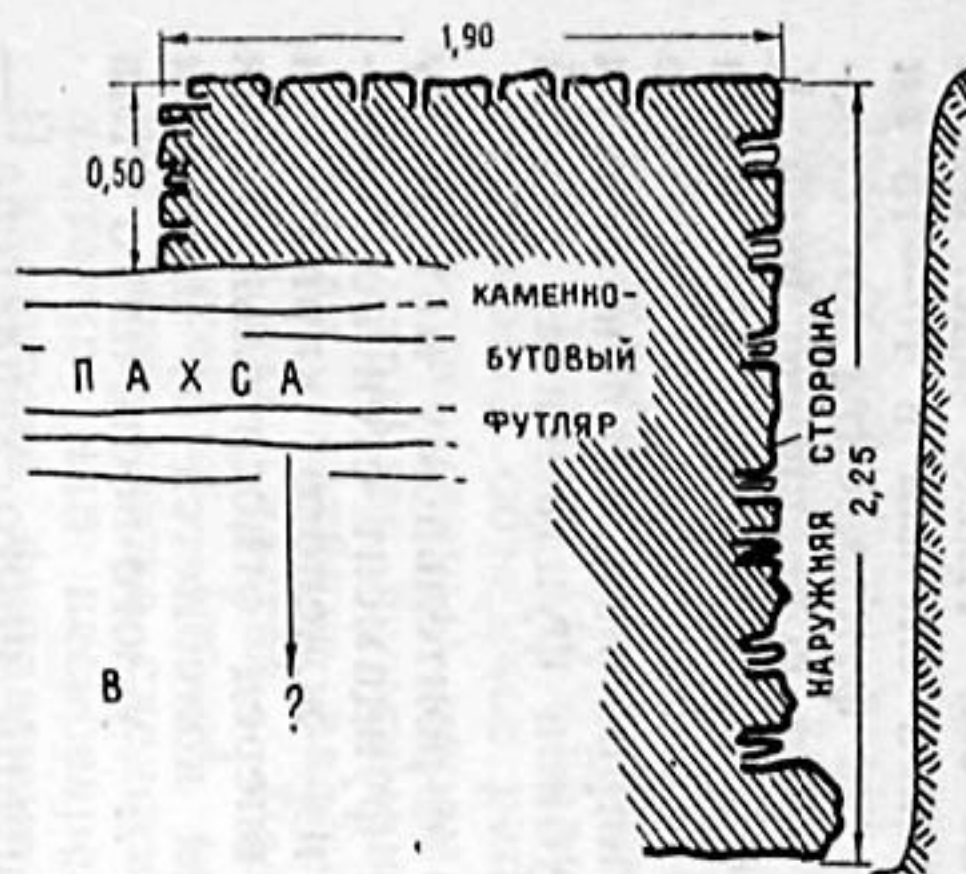
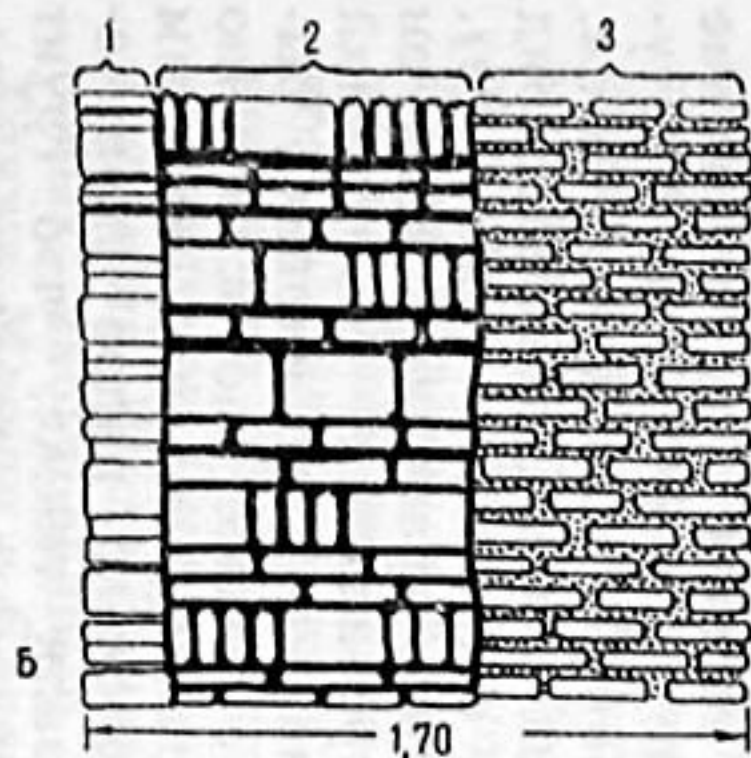
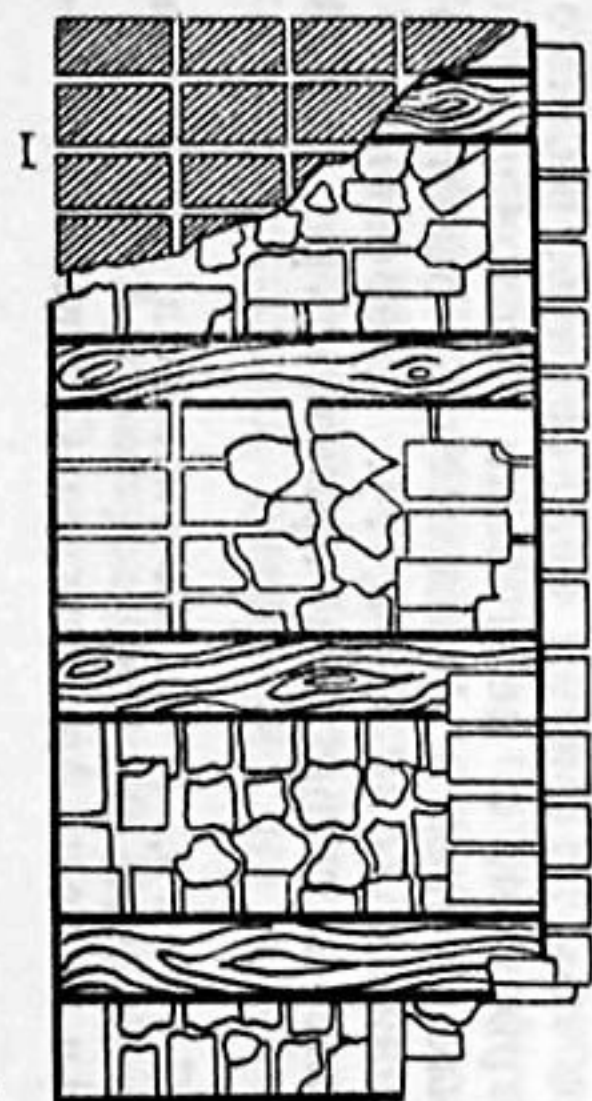
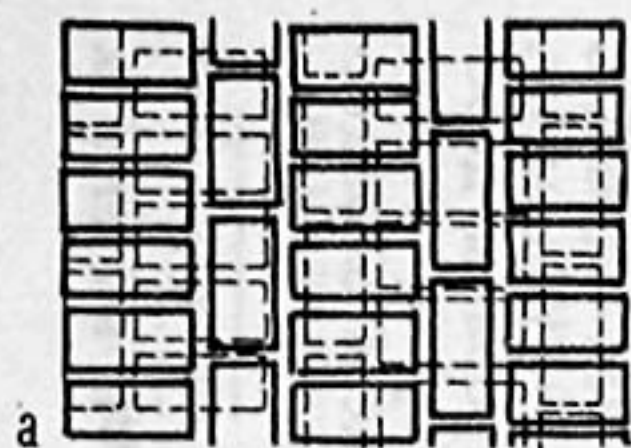
Такую же пеструю картину по строительному материалу и уровням заложения представлял фундамент стен восточного крыла. Он скомбинирован из жженого кирпича и чупанатинского сланца, вынесен вперед относительно стен на 0,75 м. Глубина его заложения колеблется от 0,6—1 м в районе главного портала до 2,5 м у юго-восточного угла здания.

Фундаменты внутренних помещений иного характера — кирпичные, более мелкие, широкого выноса. Так, основание северной стены зала «б» представляет собой сильно выступающую (на 82 см) «подушку» глубиной заложения 75 см. В подошве этой стены, как и в других местах, проложен ряд сырцового кирпича одного размера с жженым (рис. 5, г). Этот прием не имел широкого распространения. Нам он известен лишь по одному из погребальных сооружений Миздахкана, где в основании стен из жженого кирпича было положено два ряда сырцовых¹³, а также по основанию колонн предарабского дворца в Варахше, где под жженым кирпичом фундамента выявлено несколько рядов кирпича-сырца¹⁴. Наши исследования показали также, что грунт под внутренними помещениями здания был уплотнен лессовыми заливками (плотная слоистость отмечена в айване «в» и в зале «б»). Причем заливалась, видимо, вся площадь будущего строения, а не только котлованы под фундамент.

Кирпичные стены и фундаменты были армированы деревянными связями (рис. 5, г, 1). Деревянное армирование, известное уже в сырцовой архитектуре парфянского зодче-

¹³ В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970, стр. 129.

¹⁴ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VII вв., стр. 76.

ства, широко применялось в среднеазиатских памятниках домонгольского и более позднего времени. В фундаменте северной стены зала «б» обнаружены балки (диаметр 15—20 см) поперечного заложения. Пилоны портала восточного фасада армированы связями диагонального положения.

Кирпич в стенах тщательно перевязан, в плане ложковые ряды чередовались с тычковыми. Это сочетание менялось в последующих горизонтальных рядах, обеспечивая прочную связь, исключая совпадение швов в стене по вертикали (рис. 5, а). Этот способ перевязки прямоугольного кирпича традиционен в Средней Азии. Он известен с глубокой древности и прослеживается на протяжении всего средневековья в Хорасане, Тохаристане и в Бухарском *қазисе*¹⁵.

Большой интерес представляет конструкция стены главного фасада здания, облицованная снаружи спаренным шлифованным кирпичом в сочетании с изразцами-«бантиками». Стена толщиной 1,7 м по своей структуре как бы трехслойная: внешняя облицовка (20—25 см) примыкала к сложной комбинированной кладке (толщина 80—85 см), выложенной методом чередования одного ряда кирпича на ребро с двумя-четырьмя горизонтальными (плашмя). Эта часть стены, как и облицовочный слой, сложена на ганчхаковом растворе (ганчевый с естественной примесью лесса). Третий слой — обычная горизонтальная кладка на глине — примыкал со стороны внутренних помещений¹⁶ (рис. 5, б). При этом стена представляла собой единый монолит, в котором среднее конструктивное звено комбинированной кладки являлось как бы связующим, создавая прочное сцепление с наружными частями, в особенности, с декора-

Рис. 5. Строительные приемы, конструкции вскрытого здания:

а — характер перевязки кирпича в стенах здания; б — конструкция кладки восточной стены; 1 — облицовочно-декоративная рубашка на ганчхаке; 2 — комбинированная кладка (кирпич плашмя и на ребро) на ганчхаке; 3 — обычная цепная кладка на лессе; в — конструкция фундамента южной стены здания; г — конструкция западного пилона айвана «д»: 1 — план; 2 — разрез; д — характер фундамента южной стены (фрагмент на участке айвана «д»), разрез.

¹⁵ Там же, стр. 225.

¹⁶ Н. Б. Немцева. Раскопки на территории мавзолея «Безымянный-2», стр. 158, рис. 6.

тивной «рубашкой». Связь с декоративной стороной была обеспечена не только общим раствором (ганчхак), на котором были выложены облицовочный и средний слой, но также и своеобразной перевязью этих двух частей. Перевязка не имела той регулярности, которая присуща более ранним памятникам, где декор конструктивно не отделен от чернового тела (мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре), но отдельные выпуски кирпича среднего слоя в целом препятствовали скольжению облицовочного.

Уже много раз отмечалось, что в среднеазиатской строительной практике XI—XII вв. постепенно исчезают технически трудоемкие процессы выкладывания облицовочного слоя в перевязку с основным массивом стены. Видимо, в шахизиндинском комплексе представлена одна из форм последующей трансформации такой конструкции.

Декоративные приемы. Остатки облицовочного слоя на стенах, а также большое число фрагментов декора, найденных в завалах, позволяют до некоторой степени воспроизвести декоративное решение вскрытого здания. Именно архитектурно-облицовочный материал дает возможность довольно точно (до половины столетия, а иной раз в пределах десятка лет) по стиливым и технологическим признакам определить дату строительства, историко-культурную значимость памятника, его место в средневековом зодчестве Востока.

Композиция главного фасада определена планом всей восточной стороны здания и соответствовала, очевидно, принципу симметрии, характерному для дворцовых сооружений Востока. В центре фасада был монументальный портал на оси сквозного айвана «в». По сторонам портала—плоскость стен боковых крыльев протяженностью 17,2 м. Углы сооружения, надо полагать, фланкировали башни—гульдаста, обычные в дворцово-айванной архитектуре. Единственный вскрытый юго-восточный угол фасада оказался разрушенным, но о наличии гульдаста косвенно говорят крупные лекальные кирпичи из завала и овальные шлифованные бруски от облицовки окружности большого диаметра.

Стены боковых крыльев, по примеру других памятников этого времени, членила глухая декоративная аркатура. Об этом говорит зафиксированная в основании южного крыла

пилястра или «лопатка»¹⁷. Плоскости ниш, а возможно и «лопатки», декорированы спаренным шлифованным кирпичом в шахматном сочетании с «бантиками» — прием, типичный для фасадных кладок XI—XII вв. центральных и северных районов Средней Азии (рис. 6, а).

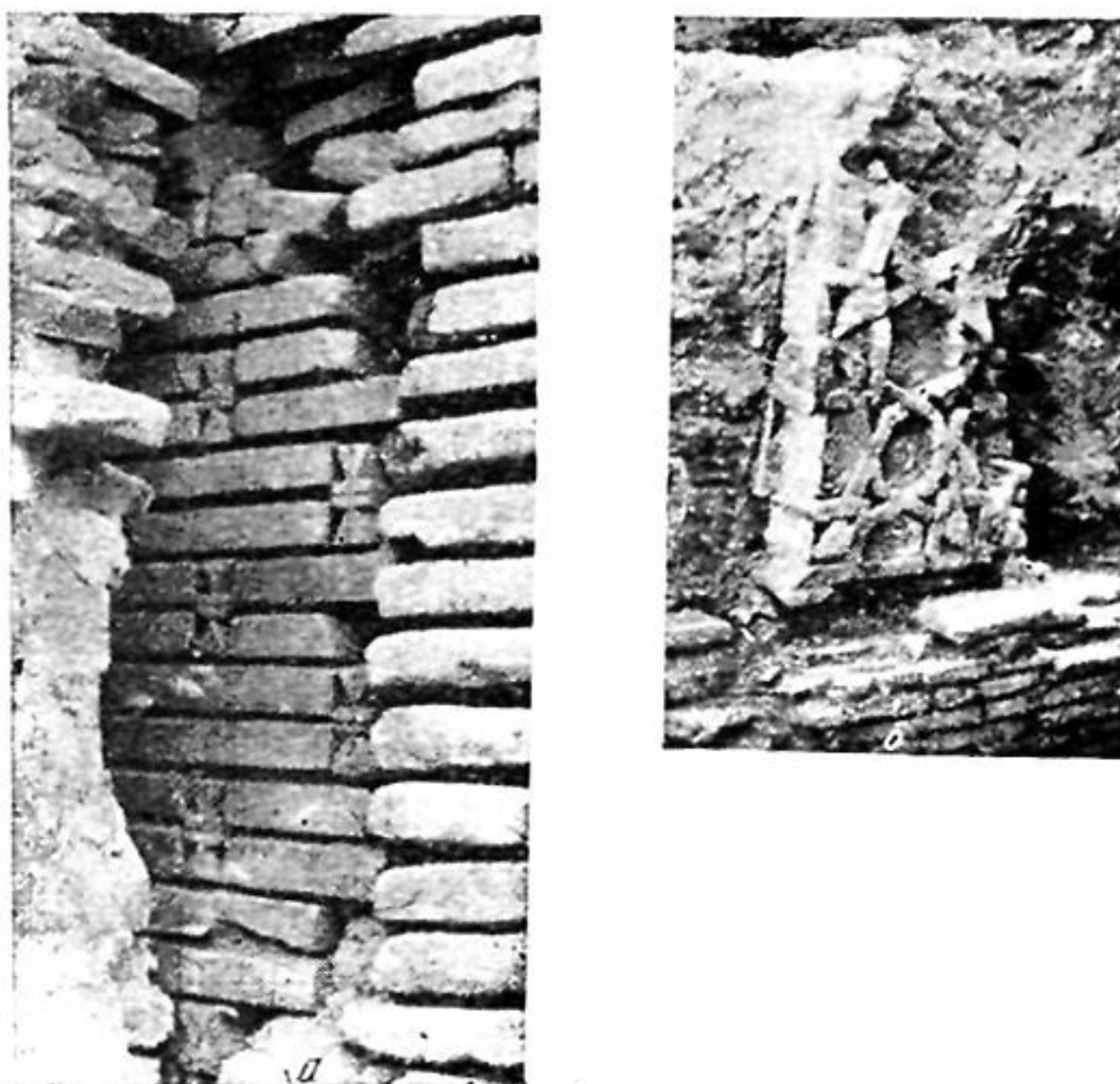

Рис. 6. Облицовка стен здания:

а — декор восточного фасада; б — фрагмент декоративного пояса в айване „в“.

Глубина ниш 35 см, число их определяется приблизительно на основании общего протяжения крыла, положения единственной обнаруженной «лопатки» и аналогов с другими

¹⁷ Угол пилястры и часть ниши были выявлены при разборке цоколя мавзолея XIV в. «Безыманный-2», портал которого был выстроен на остатках восточной стены здания.

памятниками XI—XII вв. (Намазгох в Бухаре, Ходжа Машад в Саяте, мечеть Талхатан-баба, мавзолей Аламбердара, Се-рахс-баба, Ярты-Гумбез, Мухамеда ибн Зейда и др.). Средняя величина ниш и лопаток в последних варьирует в пределах 2—2,5 м (ниша) и 1—1,5 м («лопатка»). Это позволяет по длине вскрытого крыла условно наметить три арки.

Декоративный акцент фасада сосредоточен на портале. Входная ниша в основании (шипец, щеки), судя по остаткам, как и крылья стен, была облицована спаренным кирпичом в сочетании с «бантиками».

Несомненно, к облицовке портала относились крупные (ширина 25 см), овальные в сечении блоки — выкружки резной терракоты с эпиграфическим орнаментом. Терракота светло-кремовая, резьба одноплановая, глубокая, покрыта желтым ангобом. Арабская надпись на одной плите, содержащая стереотипную формулу لـمـلـكـلـلـه [1] «ал-мулк-ли-ллахи» — вся власть Аллаху, на другой — эпитеты Аллаха لـواحد القهار [2] — «ал-вахид, ал-кахар» (единственный, могущественный)¹⁸, выполнена распространенным в XI—XII вв., наряду с куфическим, почерком насх (рис. 7, а). Буквы выписаны как бы с нажимом, присущим этому почерку; вертикальные стволы длинных букв (алиф, лям) утолщены сверху и максимально утончены снизу, плавные округлые соединения вытянуты по горизонтали, отдельные буквы (даль, мим, вав) даны в виде стилизованных лепестков, свободное поле сверху заполнено растительными элементами.

Наиболее ранние примеры эпиграфической орнаментики в архитектурных памятниках Средней Азии известны по мавзолеям X в. — Исмаила Саманида в Бухаре и Араб-ата в Тиме. В обоих случаях употреблен монументальный куфи, но в тимовском мавзолее строгое классическое куфи уже смягчено округлостью очертания, в надпись введен растительный побег «ислими»¹⁹.

¹⁸ Чтение надписей выполнено Д. Г. Вороновским, за что автор выражает свою признательность.

¹⁹ Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата. Искусство зодчих Узбекистана, вып. II, Ташкент, 1963, стр. 88.

Монументальный насх — явление более позднее. Он известен, главным образом, по памятникам зодчества XII в., хотя существование куфи и насх отмечается еще в XI в.²⁰

Датированная по стилистическим данным XI в. надпись насхом на штурке в мавзолее Хаким-и-Тармизи²¹, а также сложный двуплановый насх в данданаканской мечети (1096—

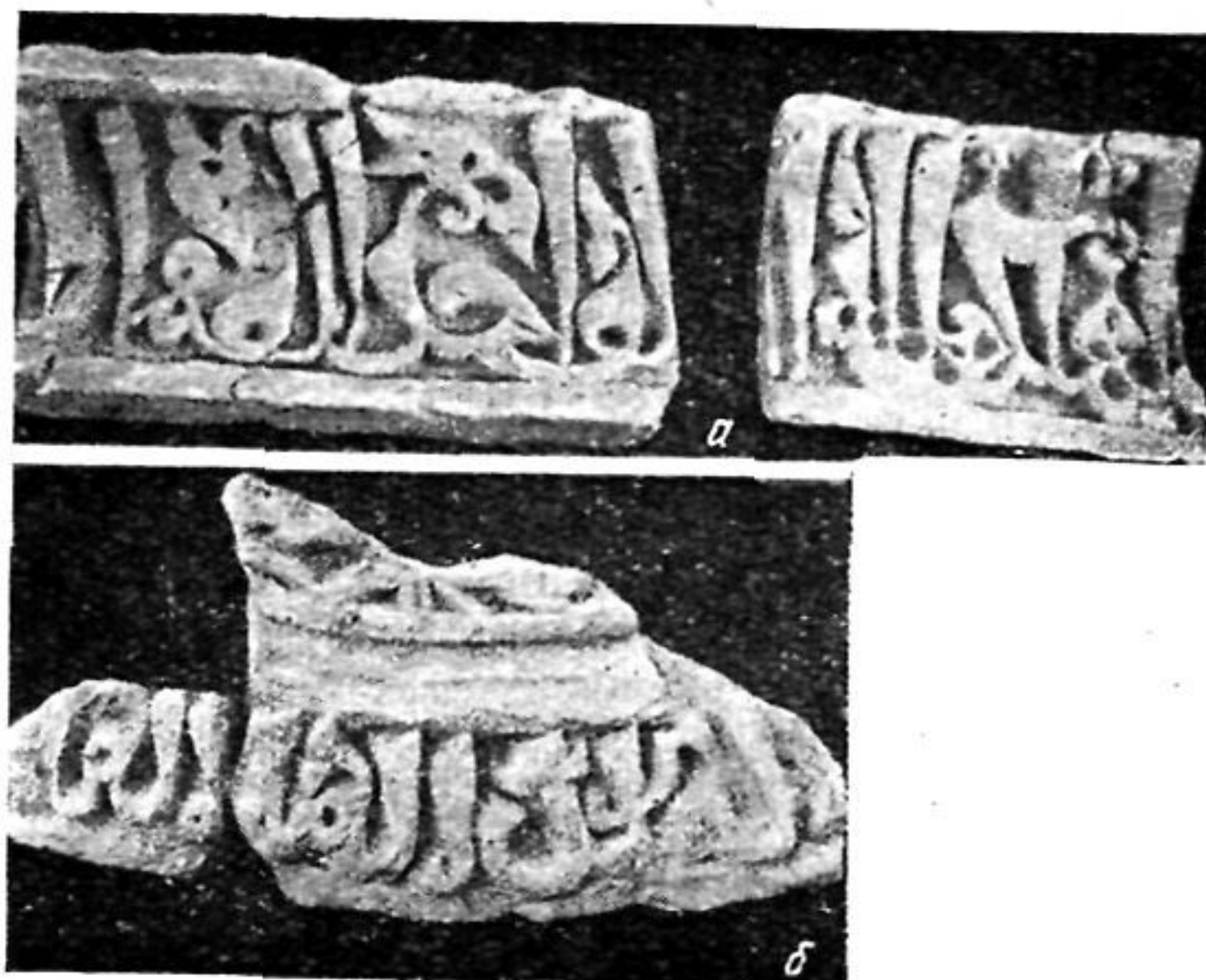

Рис. 7. Резная изполивная терракота от облицовки портала:

а — фрагмент выкружки от обрамления портала; *б* — фрагменты декоративного диска, заполнявшего угол тимпана портала.

1106 гг.)²² имеют мало общего с найденной надписью из Шахи-Зинда. Возможно, сказалась разница материала

²⁰ V. Kratshkovskaia. Notices sur les inscriptions de la mosquee Djuuma a Veramine, «Revue des Etudes Islamiques», Paris, 1931, p. 25.

²¹ М. Е. Массон. Надписи на штурке из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и-Тармизи, Труды ТашГУ, вып. V, Новая серия, Ташкент, 1960, стр. 56.

²² А. М. Прибыткова. О «красивой» мечети Данданакана, «Архитектурное наследие», вып. 17, М., 1964.

(штук, терракота), или проявили себя региональные особенности стиля. Отмечается, что хронологически одновременные надписи, выполненные в разном материале, очень разнятся между собой²³. Пример раннего употребления насха в резной терракоте — минарет 1108—1109 гг. в Давлетабаде (Афганистан, Балхская провинция), ствол которого опоясывает лента развитого двупланового рисунка²⁴, сочетающего надпись и ковровый фон растительных мотивов, также стилистически далек от надписей из Шахи-Зинда.

Некоторая общность может быть усмотрена с декоративной надписью архивольта арки портала северного узгентского мавзолея (1152—1153 гг.). Буквенный орнамент последней, однако, значительно сложнее насыщен элементами скорописи и очень стилизован под растительный орнамент²⁵. Характер арабской вязи найденных плит еще более уступает совершенной эпиграфике южного узгентского мавзолея 1187 г. (вертикальные ленты пилонов, щеки портала).

Круг памятников XI—XII вв. с надписями насхом довольно ограничен, но и приведенные сравнения показывают, что надписи на плитах из Шахи-Зинда по начертанию значительно проще эпиграфического орнамента названных сооружений конца XI—XII вв. Это дает основание считать, что они более ранние по времени и относятся не позже, чем к середине XI в.

Местоположение подобной формы архитектурных деталей не вызывает сомнений — это весьма характерные плиты четвертной выкружки, обрамляющей внутренний край portalной рамы.

Этот традиционный прием известен уже по первым порталным постройкам в Мавераннахре (мавзолей Араб-ата, южный — в Узгенте) и продолжает встречаться в сооружениях XIV в. с резной терракотой в облицовках (мавзолей Ходжа Ахмада — 1360—1361 гг., Шади-Мульк-ака и другие из ансамбля Шахи-Зинда). В большинстве случаев выкружка на пилонах украшена эпиграфическим орнаментом.

²³ М. Е. Массон. Указ. соч. стр. 53.

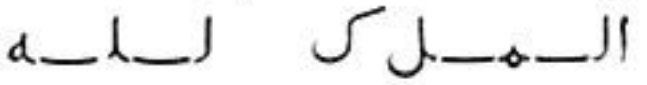
²⁴ D. Hill, O. Grabar. Islamic architecture and its decoration, A. D. 800—1500, London, 1964, fig. 168.

²⁵ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии, «Эпиграфика Востока», вып. III, М.—Л., 1949, стр. 19.

Такой характерный элемент, как выкружка, определяет в какой-то мере и другие взаимосвязанные с ней архитектурно-декоративные членения.

Углы арки портала в сооружениях такого типа, как правило, фланкированы колонками. Декоративные плитки с округлой (диаметр 15 см) лицевой гранью, возможно, от таких колонок с нарезкой, имитирующей «фальшивые» вертикальные швы, были найдены в завалах у портала.

Плоскости порталных рам обычно обводились по периметру орнаментальными поясами. Целая серия таких поясов или лент найдена при раскопках. К их числу относится резной терракотовый бордюр с побегом «ислими», неизвестный в данном варианте (тюльпан и раздвоенные на концах листья) по другим памятникам Мавераннахра, а также два вида лент с геометрическим рисунком (рис. 8, б, в). Гирьх одной построен на основе четырехконечной звезды (аналогичная дает Термез²⁶, минарет XI в. в Узгенте²⁷, нижнее панно портала мечети Магоки-Аттари и др.). Гирьх другой более сложен: в основе рисунка восьмиконечная звезда, замкнутая в восьмигранник. Центр композиции фиксирует пятилепестковая розетка. Варианты такого рисунка известны по терракоте XII в. Самарканда, Бухары²⁸, резному ганчу из Термеза²⁹ и т. д. Его можно видеть в звездчатых гирях купола мавзолея Султана Санджара, в михрабе данданаканской мечети, на порталах южного узгентского мавзолея, мечети Магоки-Аттари и в др.

Следует отметить фрагмент резной терракоты в форме крупной розетки с эпиграфическим орнаментом по кругу. Арабская надпись как будто содержит известное восклицание (ал-мулк-ли-ллахи). Она выполнена насхом с отдельными примитивными украшениями (знак «ха» венчает раздвоенный на конце лист) и также, видимо, не выходит за пределы XI в. (рис. 7, б). Диаметр

²⁶ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 203, рис. 89, 3.

²⁷ А. Н. Бернштам. Археологические памятники Киргизии, М.—Л., 1950, стр. 84, рис. 47.

²⁸ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 224.

²⁹ Он же. Архитектурный орнамент Южного Туркменистана X — начала XII в. и проблема «сельджукского» стиля, ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 298, рис. 26—27.

розетки 80—85 см. Наиболее вероятное ее местонахождение — тимпан портала. Известно, что заполнение верхних углов тимпанов порталов, михрабов, парусных арок дворовой архитектуры орнаментальным диском — излюбленный прием в домонгольский период на всем мусульманском Востоке (Средняя Азия, Иран, Афганистан, Азербайджан, Тур-

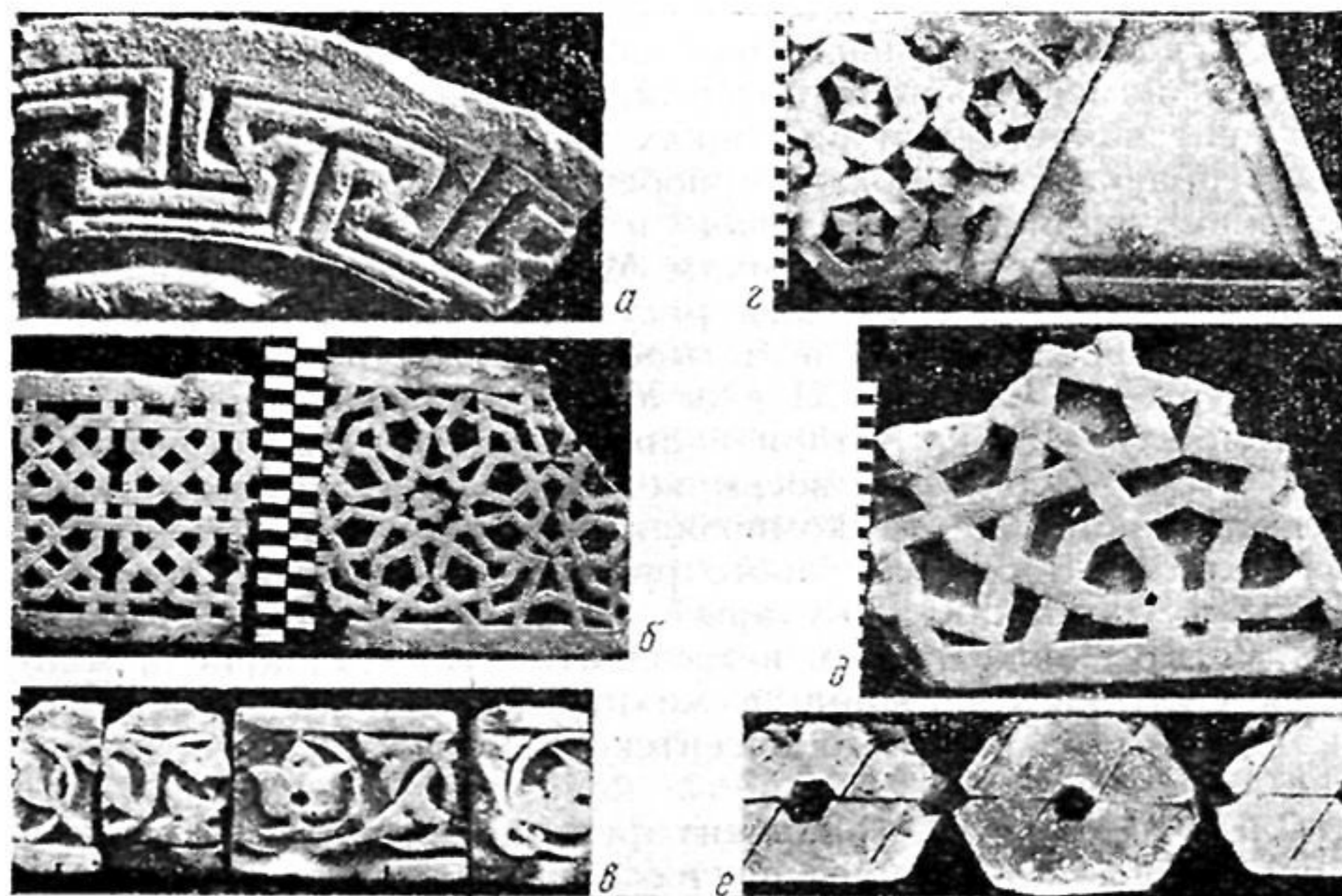

Рис. 8. Резная неполированная терракота от облицовки портала:

а — фрагмент бордюра от обрамления щита ниши портала; б, в — бордюра от облицовки рамы портала; г, д — фрагменты плит с крупным гиряхом; е — неполированные изразцы от облицовки ниши в айване «в».

ция). Большая часть таких дисков, как и фрагмент из Шахи-Зинда, содержит эпиграфический орнамент (мавзолей в Тиме³⁰, михрабы мечети в Мешхеде-Мисриан, в караван-сараях Рабати-Шерафа и др.).

³⁰ Не сохранившаяся орнаментация дисков с портала, по сведениям местных жителей, состояла из арабской надписи (Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-ата, стр. 25).

К облицовке порталной ниши можно отнести и криволинейный терракотовый бордюр (ширина 15 см) с меандром в заполнении, место которому могло быть в обводе щипца (рис. 8, а). Рисунок типа меандра — мотив, издревле распространенный в Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Он выполнялся в резьбе по ганчу, терракоте (Средняя Азия) или в резьбе по камню (Азербайджан, Турция). Данный вариант меандра из Шахи-Зинда не имеет полного подобия в декоративном наследии Средней Азии.

К облицовке больших плоскостей, например щек или щипца ниши, относятся тяжелые массивные плиты резной терракоты с крупным гирихом.

Гирих зрительно напоминает облицовку купола фонаря минарета Калян (1127 г.), полукупола в портале мечети Магоки-Аттари, а также терракоту из Ахсикета³¹ (рис. 8, г, д).

Этим исчерпывается коллекция облицовок с наибольшей долей вероятности, относящихся к оформлению главного портала. Неясной остается декоративная разработка софитов и некоторых других частей. В целом же приведенные материалы в общих чертах рисуют облик портала, знакомый по ряду домонгольских строений Средней Азии.

Стилевые признаки декора говорят о второй половине XI в. Глубокая стрельчатая арка, фланкированная полуколонками, плоские, небольшого выноса пилоны с продольным членением, прямоугольник обрамляющей рамы, подчеркнутые декором вертикали — такой представляется общая архитектура портала. В общей композиции фасада портал, видимо, как и в других подобных строениях Средней Азии, доминировал в объемном и высотном отношении над гладью стен смежных крыльев.

Наиболее крупным помещением вскрытой группы являлся угловой зал «б». Квадрат его стен (9,7×9,7 м), видимо, был перекрыт куполом. Фрагменты стеклянных дисков из завала с конусовидным утолщением в центре говорят об остеклении световых проемов зала. Подобная форма стекла хорошо известна и связывается обычно с остеклением окон монументальной архитектуры или богатых жилых до-

³¹ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, стр. 214 рис. 100, 4.

мов³². Проемы, забранные в решетки-панджара со стеклянными вставками, могли располагаться в основании купола или в восьмигранном ярусе.

Зал был вымощен ошлифованным квадратным кирпичом (30×31 см), оштукатурен ганчем и, видимо, по верху (фрагменты из завала на полу) покрыт полихромной росписью. Судя по остаткам, это был стилизованно-растительный орнамент с довольно крупными элементами. Его цветовая гамма: синий, оранжево-красный, желтый. Контур орнаментальных линий — черный. Это наиболее распространенная, основанная на местном природном сырье (лазурит или ляпис-лазурь бадахшанская, железистая охра), палитра красок в настенной росписи интерьеров, известная по ряду синхронных памятников Хорасана (мавзолей Мухамеда ибн-Зейда, Султана Санджара), Мавераннахра (Термезский аудиенц-зал дворцового комплекса, росписи мечети Мах X в., раскопанной в Бухаре) и других районов Средней Азии.

Как уже упоминалось, чартак, образованный на скрещении боковых проходов и главного айвана «в», ведущих в комнаты по сторонам, представлял собой небольшое крестовидное купольное (4,90×4,90 м) помещение с глубокими нишами.

Со стороны центрального айвана «в» ниши подчеркивались упомянутыми декоративными лентами шириной 78 см. Создавалась композиция, напоминающая обрамление портала, но без П-образного завершения сверху, поскольку в данном случае оформлялся внутренний объем.

Ленты обрамления составлены набором шлифованных брусьев, образующих гирих в сочетании с резным ганчем, отдельные гнезда в углах рисунка заполняли плоские шлифованные плитки. Основной геометрический рисунок в виде перекрещенных по диагонали ромбов, построенный на квадратной сетке повторяющимся раппортом, развивался вверх (рис. 6, б). Резьба по ганчу почти не сохранилась. Лишь в отдельных гнездах можно уловить элементы рисунка, стилистически схожего с резьбой по ганчу в порталных панно ме-

³² Е. А. Давидович. Стекло из Нисы, ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 391.

чети Магоки-Аттари, на парусах интерьера среднего узгентского мавзолея, на пилонах портала Рабати-Малик.

Прием сочетания кирпича и резного ганча был распространен, главным образом, в XI—XII вв., хотя имел место и в X в. (мавзолей в Тиме). Являясь одним из этапов в развитии монументальной декорации Востока, этот вид декора был как бы переходной стадией от облицовки резным ганчем к более прочному материалу — резной неполивной терракоте³³, вытеснившей к концу XII в. в Мавераннахре (в частности в Самарканде) почти все другие типы облицовочного материала.

Ближайшие аналоги облицовке из Шахи-Зинда дают, однако, территориально более близкие памятники: мечеть Магоки-Аттари и в особенности средний Узгентский мавзолей. Если в мечети рисунок пилонов портала составляют профилированные бруски (уже не просто кирпичики) с прорезью в середине и гирих со сложным геометрическим построением, то в данном случае налицо более упрощенный вариант этого типа облицовки: плоская поверхность кирпичиков, составляющих орнамент, почти не обработана, лишь подвергнута незначительной шлифовке, как в раннем караханидском мавзолее Узгента. Это сближает памятники и по времени строительства, позволяя декор из Шахи-Зинда отнести скорее к XI в.

Коллекция облицовок вскрытого здания не ограничивается перечисленными деталями. Сюда же относятся блоки строенных «бантиков», мелкие изразцы прямоугольного, пятиугольного и квадратного сечения с длинной румпой. Подобные детали составляли орнаментальный набор среднего мавзолея в Узгенте. Они известны и по ряду бухарских памятников (мечеть Магоки-Аттари, Намазга, минарет Калян). Весьма своеобразны не имеющие прямых аналогов спаренные резные изразцы, образующие шестигранник с лункой в центре (рис. 8, e).

Совершенно оригинален прием облицовки одного из помещений южной стороны двора сооружения, представляющий собой мелкую резьбу (скорее, гравировку-прорезь) по серовато-белому ганчу в сочетании с дисковидными элемен-

³³ Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, стр. 91.

тами, окрашенными в ярко-синюю минеральную краску. Этот вид декора найден в сильно фрагментированном состоянии в завале на полу помещений западнее айвана «д».

Перечисленные виды архитектурной керамики, куда входят кирпичный набор в сочетании с резным ганчем, шлифованный кирпич и «бантики», резная терракота с изящным растительным орнаментом и крупным геометрическим рисунком, блоки с гравированным гирихом, профилированные плинтусы, детали с эпиграфическим орнаментом, наконец, настенная полихромная роспись по ганчу (зал «б»), резьба по ганчу в комбинации с монохромной (синей) окраской деталей рисунка, составляли, судя по их форме, характеру и месту находок (главный фасад, портал, зал «б», входной айван «в», помещения южной стороны двора), декоративное оформление интерьера и внешних фасадов вскрытого сооружения.

Комплекс декоративно-облицовочного материала раскопанного здания при всей оригинальности, порой уникальности отдельных изразцов, орнаментальных мотивов, технических и художественных приемов декора, находит, как мы видим, много общего в домонгольском зодчестве Средней Азии вообще, и в особенности с памятниками центральных и северо-восточных районов Мавераннахра (Бухара, Узгент), составляя общую с ними школу.

Приведенные сравнения говорят о датировке найденного декора XI в. или самым началом XII в. Вторая половина XII в., как известно, на территории Мавераннахра характеризуется высокоразвитой резной терракотой со сложным растительным и геометрическим рисунком, появлением в архитектурном декоре голубых глазурей.

При всей фрагментарности найденного архитектурного декора (XI в., судя по вскрытому зданию), можно говорить об оригинальности и разнообразии видов облицовок, высоком уровне мастерства их исполнения.

Отсутствие в Самарканде архитектурных памятников домонгольской поры до сих пор как бы выводило этот древнейший в Средней Азии город и один из крупных средневековых центров из поля зрения при оценке зодчества Мавераннахра XI—XII вв. Археологические работы последних лет на Афрасиабе, и в особенности исследования в ансамбле Шахи-Зинда,

дали большой материал, позволяющий утверждать, что монументальная архитектура Самарканда XI—XII вв., не сохранившаяся в силу сложной исторической судьбы города, не уступала известным домонгольским памятникам Бухары, Бухарского оазиса, Узгента и других городов Мавераннахра. Более того, можно полагать, что самаркандская школа зодчих была ведущей в общем русле развития зодчества на данной территории.

Типология и принадлежность здания. Итак, визави комплексу Кусам ибн Аббаса с западной стороны в домонгольское время располагалось крупное сложное в плане сооружение, характер планировочного решения которого позволяет интерпретировать его как часть (юго-восточная четверть) здания с внутренним замкнутым двором. Подобные строения были распространены на Ближнем и Среднем Востоке задолго до ислама. Истоки их уходят в жилую и дворцовую архитектуру античности. Четырехайванная композиция плана в сложившемся виде известна по буддийской культовой архитектуре³⁴. В мусульманское время дворово-айванная планировка получает развитие в гражданской (караван-сарай, госпитали, дворцы) и, главным образом, в культовой архитектуре (мечети, медресе, ханака).

Специфику плана в каждом отдельном случае определяло функциональное назначение здания. В данном случае исключена мечеть, поскольку последняя по периметру двора была бы обведена колоннадой а, не застраивалась помещениями, как в Шахи-Зинда. Маловероятен в пределах некрополя и караван-сарай, хотя формально планировочные данные, в принципе близкие медресе, допускают такое отождествление. Но именно функциональная его сущность (перевалочный пункт на торговых караванных путях, «место торга» в городах) совершенно не приемлема для мемориального комплекса.

В некрополе Шахи-Зинда возможны два вида строения с аналогичным планировочным решением — медресе или ханака. Это тем более вероятно, что именно медресе и ханака упоминаются в источниках, касающихся ансамбля Шахи-Зинда.

³⁴ Б. А. Литвинская, Т. Зеймаль. Аджина-тепе, М., 1972, стр. 50.

Абу Тахир Ходжа, ссылаясь на «Историю Нишапура», приводит сведения о медресе Кусамие, построенном во времена Султана Санджара: «Мадраса эта находилась на возвышенности рядом с крепостным рвом Самарканда, близ арыка Аби-Машад, к западу от него. В настоящее время и следов от этой мадрасы не осталось»³⁵. Вероятно, это же медресе имеет в виду и хорезмский ученый XII в., сообщая о медресе Кусам в квартале, где похоронен Кусам ибн Аббас³⁶.

Довольно определенные указания, приведенные в Самарии для отыскания остатков медресе XII в., ориентируют как будто на юг от мавзолея Кусам к оплывам крепостной стены средневекового Самарканда, если не за ее пределы, в район и сейчас действующего арыка Оби-Машад. Кроме того, весь комплекс декоративно-облицовочного материала вскрытого сооружения никак не может быть датирован временем Султана Санджара (30-е годы XII в. — время наибольшего политического влияния Сельджукидов на области Мавераннахра). Зато он прекрасно хронологически вяжется с другим более ранним медресе, упомянутым в письменных источниках.

Это медресе было сооружено первым караханидским правителем Самарканда Тамгач Богра-ханом Ибрагимом в середине XI в. В краткой вставке из «Шурут ал-Мухит» (Всеобъемлющие юридические условия) сообщается: «Построил хакан Тамгач-Богра-хан Абу-Исхак-Ибрагим, сын Насра, медресе, прилегающее к мавзолею (букв. «к месту мученичества» — бимашад) Кусам (ибн Аббаса) — да будет им доволен Аллах! — в составе города Самарканда, в месте, известном под именем «Баб ал-Хадид» (Железные Ворота), и завещал ему в вакф имущества такие-то и такие-то, в середине месяца раджаба 458 года» (т. е. в июне 1066 г. н. э.)³⁷.

³⁵ Абу-Тахир-Ходжа. Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (пер. В. Л. Вяткина), Справочная книжка Самаркандской области на 1899 г., вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 176; В. В. Бартольд. О погребении Тимура, Соч., т. II, ч. II, М., 1964, стр. 432, пр. 57.

³⁶ С. Л. Волин. Старейшие письменные известия о Шахи-Зинда, «Известия УзФАН», вып. II, Ташкент, 1940, стр. 69.

³⁷ А. А. Семенов. К вопросу о датировке Рабат-и-Малик в Бухаре, Труды САГУ, Новая серия, вып. XXII, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 26.

Недавно М. Хадр опубликовал вакуфный документ на медресе³⁸, извлеченный из сборников образцов деловой документации.

Как и в «Шурут ал-Мухит», в этом вакуфном документе говорится, что медресе Тамгач Богра-хана прилегало к «машаду» (несомненно, имеется в виду гробница Кусам ибн Аббаса как общеизвестный для средневекового Самарканда «машад»)³⁹ и находилось в медине Самарканда (на Афрасиабе), в месте, названном «Баб аль Джадид» (Новые ворота)⁴⁰. Совершенно очевидно, что в названии ворот в данном случае допущена ошибка. Следует читать не «Баб аль Джадид», а «Баб аль Хадид» (Железные ворота), так как Новых ворот в Самарканде не было. А. А. Семенов название ворот читает как باب الحديد (хадид — железные) и связывает их с воротами «Аханийн». М. Хадр, не ориентируясь в исторической топографии Самарканда, это слово читает как باب جديد (джадид — новые). Разница лишь в расстановке диакритических точек.

Документ на медресе публикуется М. Хадром вместе с актом на больницу, датированным раджабом 458 г. х. (июнь 1066 г.), т. е. той же датой, что указана на медресе Тамгач Богра-хана в «Шурут ал-Мухит».

Совпадение сведений из Шурут ал-Мухит, приведенных А. А. Семеновым, и данных вакуфного акта не оставляет

³⁸ M. Khadr. Deux actes de waqf d'un Qarahaniide d'Asie Centrale avec une introduction par Claude Cahen, Journal Asiatique, t. CCLV, Paris, 1967, p. 325—334.

³⁹ Кроме рукописи вакфа, переведенной М. Хадром, О. Д. Чехович обнаружила и другие копии того же текста (переписи XVI, XVIII вв.). Кроме того, из Александрии ею был выписан и заново переведен (после М. Хадра) опубликованный вакуфный акт 1066 г. Выяснилось, что в переводе М. Хадра пропущены отдельные слова, даже целые строки, а некоторые слова из-за отсутствия огласовок переведены неверно. Так, установлено, что медресе Тамгач-хана было построено у «машада Кусам», т. е. у мазара Кусам ибн Аббаса, как это и следует из фрагмента, видимо, той же рукописи, переведенной А. А. Семеновым. Таким образом, сопоставление документов позволило уточнить местоположение медресе Тамгач-хана, неправильно локализованное О. Г. Большаковым на западе Афрасиаба в районе Наубехарских ворот (О. Г. Большаков. Два вакфа Ибрагима Тамгач-хана в Самарканде, «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, стр. 172).

⁴⁰ M. Khadr. Deux actes de waqf..., p. 330.

сомнений, что в том и другом источнике речь идет об одном и том же медресе, построенном Тамгач Богра-ханом к 1066 г. в Самарканде у мавзолея Кусам ибн Аббаса в мест-

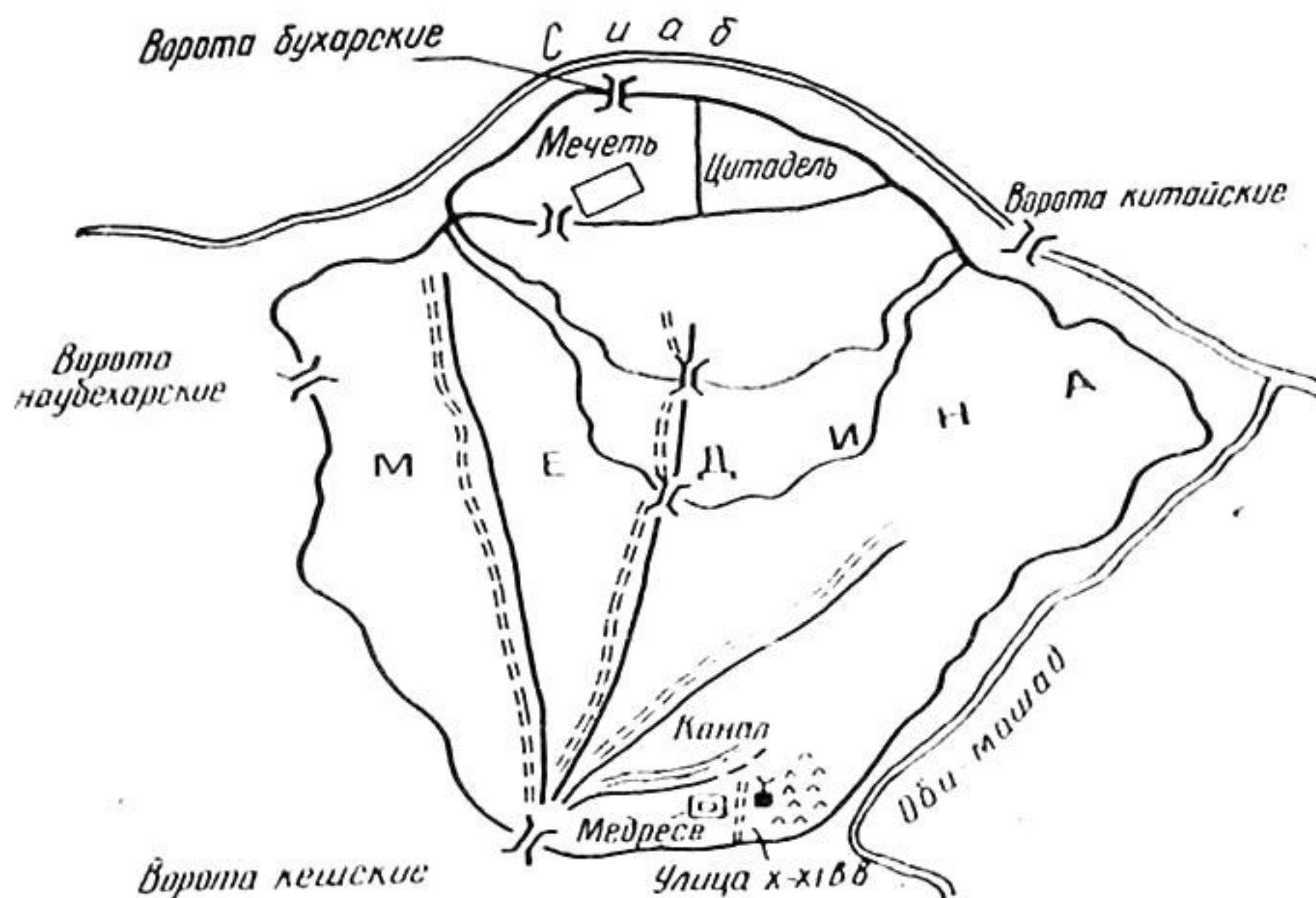

Рис. 9. План-схема шахристана Самарканда X–XII вв.

ности, известной под названием Железные ворота — Кешские ворота⁴¹ (рис. 9).

⁴¹ Относительно локализации Железных ворот в литературе нет полной ясности. В. В. Бартольд, ссылаясь на географов X в. (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 136), а вслед за ним В. Л. Вяткин (В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 11) Железными воротами называли Наубехарские. Однако географы X в. при описании ворот Самарканда, перечисляя Китайские (восточные), Наубехарские (на западе), Бухарские (на севере) и Кешские (на юге), Железных ворот не упоминают (См. Истахри, BGA, I, 316; Хаукаль, BGA, II, 493; Мукаддаси, BGA III, 278). Железные ворота (хадид) вместо Наубехарских в медине Самарканда упоминает только Ибн Факих — автор начала X в. — в своем компилятивном труде «Книга городов» (BGA, 322). Но Ибн Факих в Самарканде никогда не был и сведения, собранные им из многообразных источ-

В краткой публикации О. Г. Большакова медресе Тамгач-хана неверно локализуется на западе Афрасиаба у Наубехарских ворот⁴². Вне внимания автора осталось указание вакуфного документа о том, что медресе примыкало к «машаду» (гробнице Кусамы), хотя «машад» здесь упомянут много раз при распределении средств. Автор не обратил внимания и на точное указание местоположения медресе Тамгач Богра-хана у гробницы Кусам ибн Аббаса в «Шурут ал-Мухит» — небольшом фрагменте из вакуфного акта, переведенного А. А. Семеновым.

Вакуфный акт на медресе содержит сведения о составе его помещений, об окружающих постройках, площадях и улицах, о завещанных Тамгач-ханом в вакф этого медресе (и «машада» фактически) домах, землях, имуществе с распределением средств и целый ряд других подробностей, из

ников, относительно названия ворот в средневековом Самарканде, доверия не вызывают. Тем более, что последующие авторы X в. о таких воротах не пишут.

О южных Кешских воротах, в районе которых расположена гробница Кусамы, известно следующее: в X в. на них, по сведениям Истахри и Хаукаля, была железная плита с непонятными письменами. Во время народного мятежа эти ворота сгорели и на их месте построили ворота из железа (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 136; Е. К. Бетгер. Извлечения из книги «Пути и страны» Абуль-Касыма ибн Хаукаля, Труды САГУ, IV, Новая серия, вып. CXI, Ташкент, стр. 15). Видимо, они и назывались Железными. Именно южные ворота, в районе которых расположена гробница (машад) Кусамы, названы «железными» в «Кандии» (Кандия Малая, перевод В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области в. VIII, Самарканд, 1906), а также в приведенных выше документах XI в., связанных с медресе Тамгач-хана. В XII—XIII вв. эти ворота имели также название ворот «Мешхед» — выходящие к гробнице Кусамы (В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 191).

В XIV в. в том же районе, но уже вне Афрасиаба, Тимур возводит «Дарвоза-ий Охонин» — Железные ворота (В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 191), название которых, видимо, унаследовано от средневековых ворот X в., построенных из железа на месте Кешских.

Перевод с арабского из ВГА сделан О. Д. Чехович, за что автор выражает ей глубокую благодарность.

⁴² О. Г. Большаков. Два вакфа Ибрагим Тамгач-хана в Самарканде, «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, стр. 172; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, стр. 229.

которых можно заключить, что медресе и гробница «машад» находились рядом.

Именно с этим медресе, как нам кажется, следует отождествить вскрытое в ансамбле Шахи-Зинда сооружение. Этому отождествлению соответствует весь комплекс полученных данных: план здания, типичный для медресе (из всех, раскопанных в ансамбле Шахи-Зинда строений домонгольского времени, только это имеет все признаки дворовой-айванной композиции), предложенная выше датировка его второй половиной XI—началом XII в., основанная на сравнительном анализе декора и, наконец, местоположение памятника в непосредственной близости от мавзолея Кусамы ибн Аббаса.

Историко-топографическая ситуация у ансамбля Шахи-Зинда в X—XII вв., частично выявленная нами археологически (положение основных магистралей — мощеной улицы, ирригационного канала, городской стены, площади), также говорит о том, что медресе Тамгач Богра-хана располагалось именно здесь.

Имеются сведения и о ханаке в некрополе Шахи-Зинда. Ибн Баттута, посетивший Самарканд в 30-х годах XIV в., наряду с описанием мавзолея Кусамы ибн Аббаса сообщает о ханаке («завийа»), которая «находилась рядом с высоким куполом над гробницей Кусамы». Постройка считалась домонгольского происхождения⁴³, «...вне здания (мавзолея Касамы. — Н. Н.) течет большой арык прорезающий находящуюся там гостиницу (ханака. — Н. Н.); по обоим берегам его растут деревья, виноградные лозы и жасмин;... в гостинице устроены жилища для посетителей»⁴⁴.

Мы мало что знаем об архитектурном облике домонгольских ханака, которые не дошли до нашего времени. Сложившийся в конце XIV—XV вв. классический тип восточной ханака — закрытое здание с купольным залом в центре и помещениями по сторонам (ханака конца XIV в. в комплексе Гур-Эмир, ханака Файзабад, Мухаммад Яр-Атталыка, Багаутдина, Надир-Диван-боги и др.) — не имеет ничего общего со вскрытым сооружением.

⁴³ В. В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 432.

⁴⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 143—144.

Одновременно (во все времена) бытовал и другой вид ханака, заключающий в основе простую открытую дворовую постройку, обведенную по периметру кельями-жилищами для дервишей, известный, главным образом, по поздним памятникам (ханака XX в. в комплексе Исмамут-ата⁴⁵ в Хорезме, бухарские ханака Халифа Хусейна, Суфиян, Ишан-Имла, Халифа Худайдод, Джуйбари Калян⁴⁶ и др.). Это, видно, наиболее древний тип ханака, связанный своим происхождением с раннемусульманскими рабатами (крепости для газиев — борцов за веру)⁴⁷, сооружениями «крепостного» типа с открытым внутренним двором, которые во времена окончательного утверждения ислама на Востоке утратили свое значение и превратились в суфийские обители (ханака)⁴⁸. Домонгольским памятником такого рода является своеобразный мавзолейный комплекс-ханака Ходжа Машад в Саяте, где кроме усыпальниц, имеется двор с худжрами по периметру для паломников⁴⁹.

Ибн Буттута, описывая некрополь в Самарканде спустя много лет после возвращения и упоминая единственное, кроме мавзолея Кусамы, здание ханака, видимо, имел в виду какое-то значительное и потому запомнившееся ему сооружение. В то же время он ничего не говорит о медресе.

В. В. Бартольд приводит большое число примеров, когда одно и то же здание в период развитого средневековья называлось то медресе, то ханака. Наблюдалось это вплоть до XV в.⁵⁰ Такое смешение терминов явилось, видимо, следствием тесной взаимосвязи этих двух учреждений в период их формирования (X—XII вв.), хотя уже в XI в. проводилось различие между назначением ханака и медресе⁵¹.

⁴⁵ И. И. Ноткин. Малоизвестные памятники хорезмийского зодчества, Искусство зодчих Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1962 стр. 172.

⁴⁶ Л. И. Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары), Искусство зодчих Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1962, стр. 229, рис. 3, 40, 52, 68—69, 71—72.

⁴⁷ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 203.

⁴⁸ В. В. Бартольд. Ислам, Соч., т. I, IV, М., 1966, стр. 116.

⁴⁹ Н. Б. Немцева. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана, стр. 18—185.

⁵⁰ В. В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 429—430.

⁵¹ В. В. Бартольд. Ислам, стр. 112; Он же. О погребении Тимура, стр. 423.

Это позволяет думать, что в данном случае произошло обычное для средневековья смешение терминов «ханака» и «медресе». Сведения Буттуты о ханака, а других источников — о медресе Тамгач Богра-хана около гробницы Кусам ибн Аббаса касаются, вероятно, одного и того же сооружения, вскрытого нами по западной стороне ансамбля Шахи-Зинда.

В XIV в. с перемещением городского центра с территории Афрасиаба после монгольского нашествия в бывший пригород (рабад) здание медресе Тамгач Богра-хана (или какая-то сохранившаяся часть его) использовалась, видимо, как ханака. Функции медресе к тому времени были уже утрачены, а название забыто, и Баттута, возможно, не искажает действительного положения, сообщая о ханака около гробницы Кусам ибн Аббаса.

Итак, в ансамбле Шахи-Зинда в ходе раскопок впервые на территории Средней Азии обнаружено медресе домонгольского периода. Медресе как высшая духовная мусульманская школа появляются на арабском Востоке уже в X в., причем, раньше всего в его восточных областях, где они возникали под влиянием буддийских монастырей⁵².

Известно, что в 957 г. в саманидской Бухаре сгорело медресе Фарджека, в Самарканде при Саманидах было 17 медресе, организованных сектами мутазилитов и керраимийцев. В том же вакуфном акте Тамгач-хана в Самарканде XI в. называется медресе Кадия аль Хасана⁵³. В начале XI в. медресе с большими библиотеками были построены в Газне, Нишапуре, более 20 медресе имелось в Хутталяне⁵⁴. Медресе сооружались и в других городах, но ни одно из них не уцелело.

Сохранившиеся в западных регионах мусульманского мира, относительно близкие по времени медресе Багдада (медресе Мустансирия—XIII в.), Дамаска (медресе ан-Нурия ал-Кубра и медресе Адилия — XIII в.), Феса (медресе Саффарин — XIII в.), Каира (медресе в мемориальном комп-

⁵² В. В. Бартольд. Ислам, стр. 112.

⁵³ М. Khadg. Deux actes de waqf..., p. 322.

⁵⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 226.

лексе Калауна — XIII в.)⁵⁵ и другие несут черты ярко выраженной местной архитектурной специфики, хотя и имеют в основе плана открытый внутренний двор. Конструкция, архитектура и разработка внутренних объемов этих медресе, однако, настолько далеки от среднеазиатской и северо-хорасанской практики, что делают их неприемлемыми для сравнений.

Из синхронных памятников такого рода нам известны остатки небольшого (38×49 м) медресе XI в. в Рее (рис. 10, б)⁵⁶. Здание это имеет внутренний четырехайванный двор, но в основном его планировка также ничем не напоминает известные в Средней Азии и Иране медресе XV—XVII вв. В нем отсутствует разработанный центральный вход, купольные помещения по углам. Здание это скорее отвечало требованиям мусульманских школ Аравии, Сирии, Египта, где студенты только жили, преподавание же велось в отдельных мечетях⁵⁷. Сведения о синхронных и территориально наиболее близких медресе Низамийе XI в. в Харгирде⁵⁸ и разобранном на кирпич медресе XI—XII вв. в Мадау (Мисрианская равнина, северный Хорасан)⁵⁹ слишком ограничены. Известно лишь, что эти сооружения дворово-айванного типа. План вскрытых остатков медресе Низамийе с элементами реконструкции, опубликованный А. Годаром⁶⁰, где айваны по осям занимают основную часть периметра двора, показывает, что оно было довольно простым и скорее приближалось к медресе XI в. в Рее (рис. 10, а).

О несравненно более зрелой и развитой структуре плана свидетельствуют вакуфные данные и вскрытые пока еще не до конца остатки медресе в Самарканде. Наиболее близким аналогом медресе из Шахи-Зинда является недавно открытое медресе второй половины XII в. — Шахи-Машад в Северо-

⁵⁵ Всеобщая история архитектуры, т. 8, стр. 37, 42—43, рис. 25, 27; стр. 62, 95, рис. 12.

⁵⁶ Там же, стр. 156.

⁵⁷ В. В. Бартольд. Ислам, стр. 112.

⁵⁸ A. Godard. L'origine de la madrasah de la mosquée et du caravanserai a quatre iwans, *Ars Islamica*, XV—XVI, 1951, f. 2.

⁵⁹ Г. А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана, М., 1967, стр. 118.

⁶⁰ A. Godard. *Art de L'Iran*, Paris, 1962, f. 223.

Западном Афганистане, сохранившееся на поверхности менее чем на четверть, но почти на полную высоту⁶¹. Это медресе близких размеров (41,2×44,2 м), имеет дворово-айванную композицию плана (видимо, четырехайванную), развитый порталый вход, угловой зал и небольшое проходное помещение (рис. 11).

В дошедшем до нас вакуфном акте довольно четко фиксируется число помещений в медресе Тамгач-хана и их назначение. Перечисляются: мечеть, дарс-хана (дарс ал-илм) — место для занятий наукой, помещение для изучения корана (мактаба), крупное помещение для чтения корана (маджлис мукра), помещение для изучения «адаба» (маджлис), небольшое помещение вокруг двора (дувейрат) — худжры, двор (сахат), сад (бустан)⁶².

Уже сам состав помещений рисует знакомую по сохранившимся медресе XV в. в Самарканде, Бухаре, Гиждуване сложную архитектурную организацию, где имеется не только двор, окруженный худжрами, как в раннем западно-иранском медресе в Рее (XI в.) и, возможно, в Харгирде, но и несколько крупных общих комнат специального назначения (мечеть, дарс-хана, маджлис, мактаба), какие мы знаем по более поздним, сложившимся медресе Средней Азии, Ирана и Афганистана и которые можно предполагать в афганском медресе Шахи-Машад (XII в.).

Обязательные для среднеазиатских медресе XV в. мечеть и дарс-хана, как мы видим, имели место в самаркандском медресе еще в XI в. Обычно это были угловые купольные помещения боковых крыльев. Вскрытое южное крыло восточной стороны медресе из Шахи-Зинда содержит одно из таких помещений (зал «б»), второе (мечеть или дарсхану) можно предполагать в северном неукрепленном крыле.

Сохранившиеся средневековые медресе показывают, что крупных угловых помещений могло быть четыре (медресе Улугбека в Гиждуване и др.), а в ряде случаев шесть или

⁶¹ M. J. Casimir, B. Glatzer. Sah-i Mashad, a Recently discovered Madrasah of the Ghurid Period in Gargistan (Afghanistan), East and West, 1971, 1—2, p. 53—66.

⁶² M. Khadr. Deux actes de waqf... p. 330.

Перевод вакуфного акта здесь и далее сделан О. Д. Чехович.

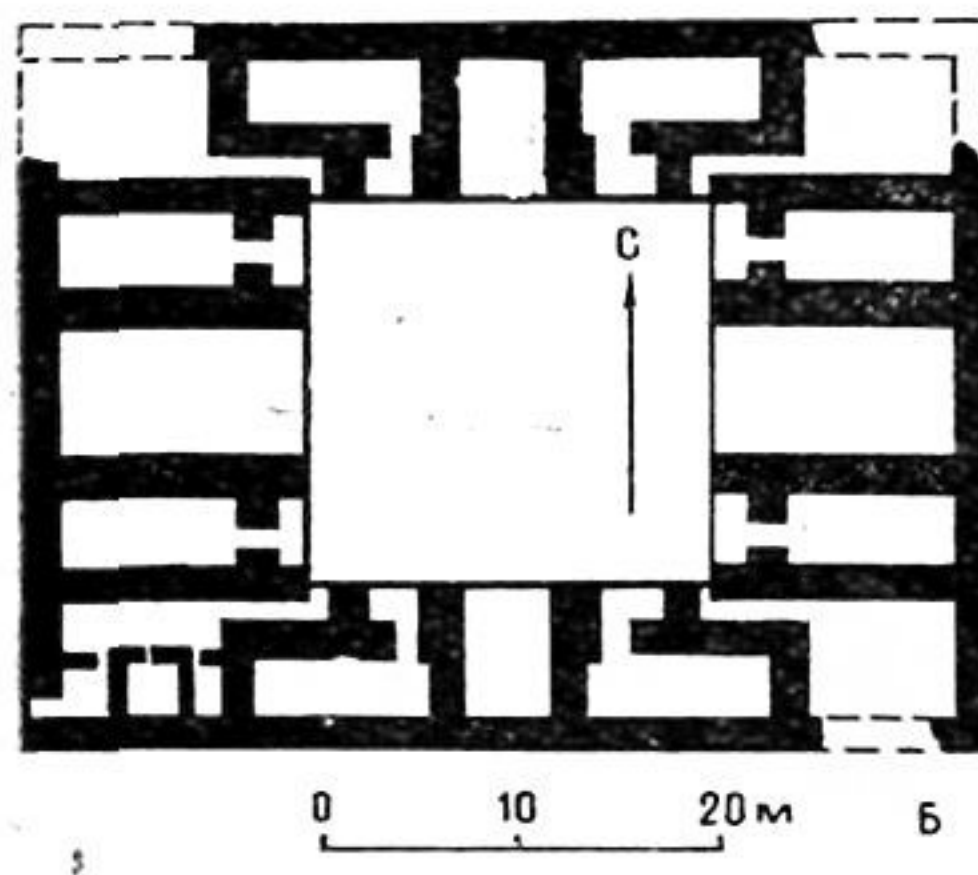
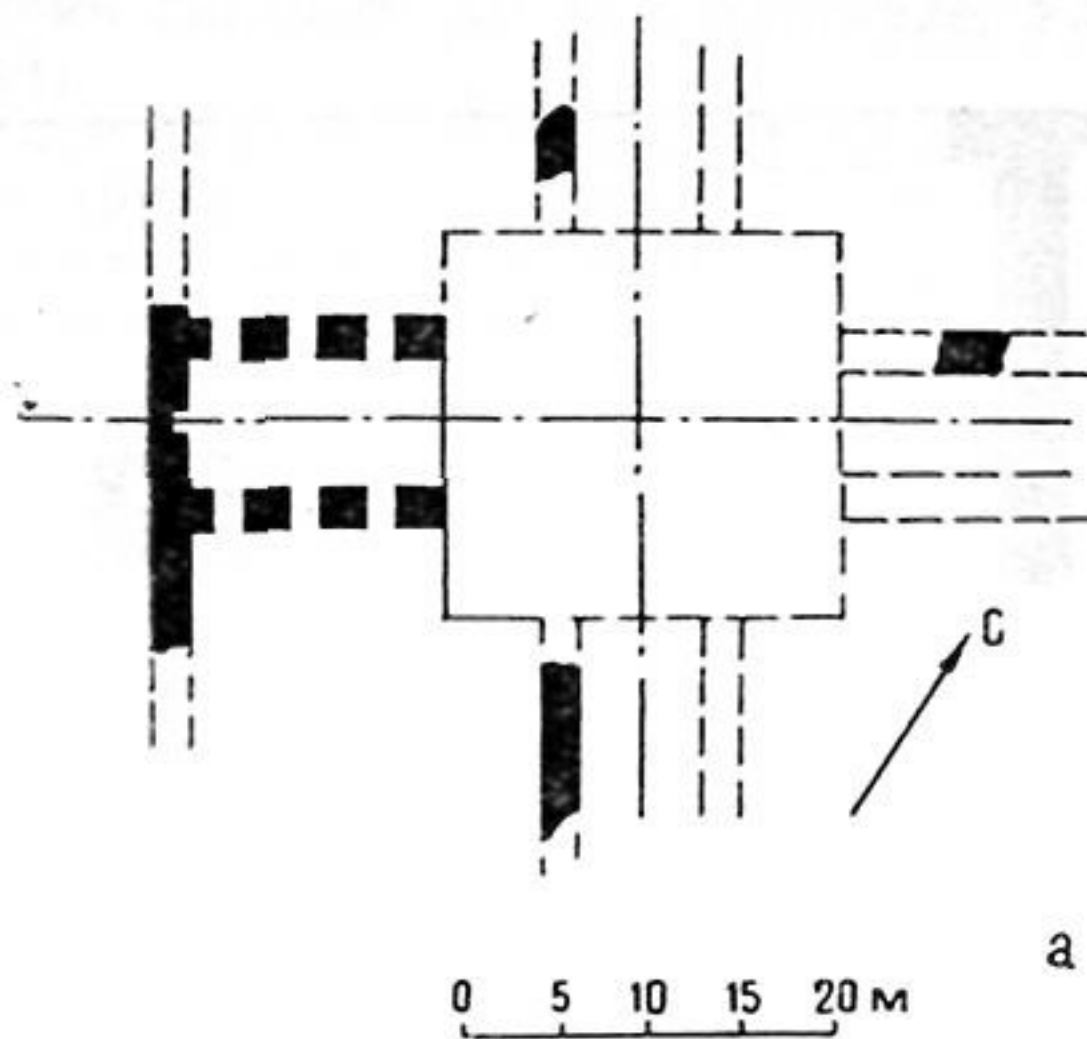

Рис. 10. Планы медресе XI в.:
 а—медресе в Харгирде; б—медресе в Рсе.

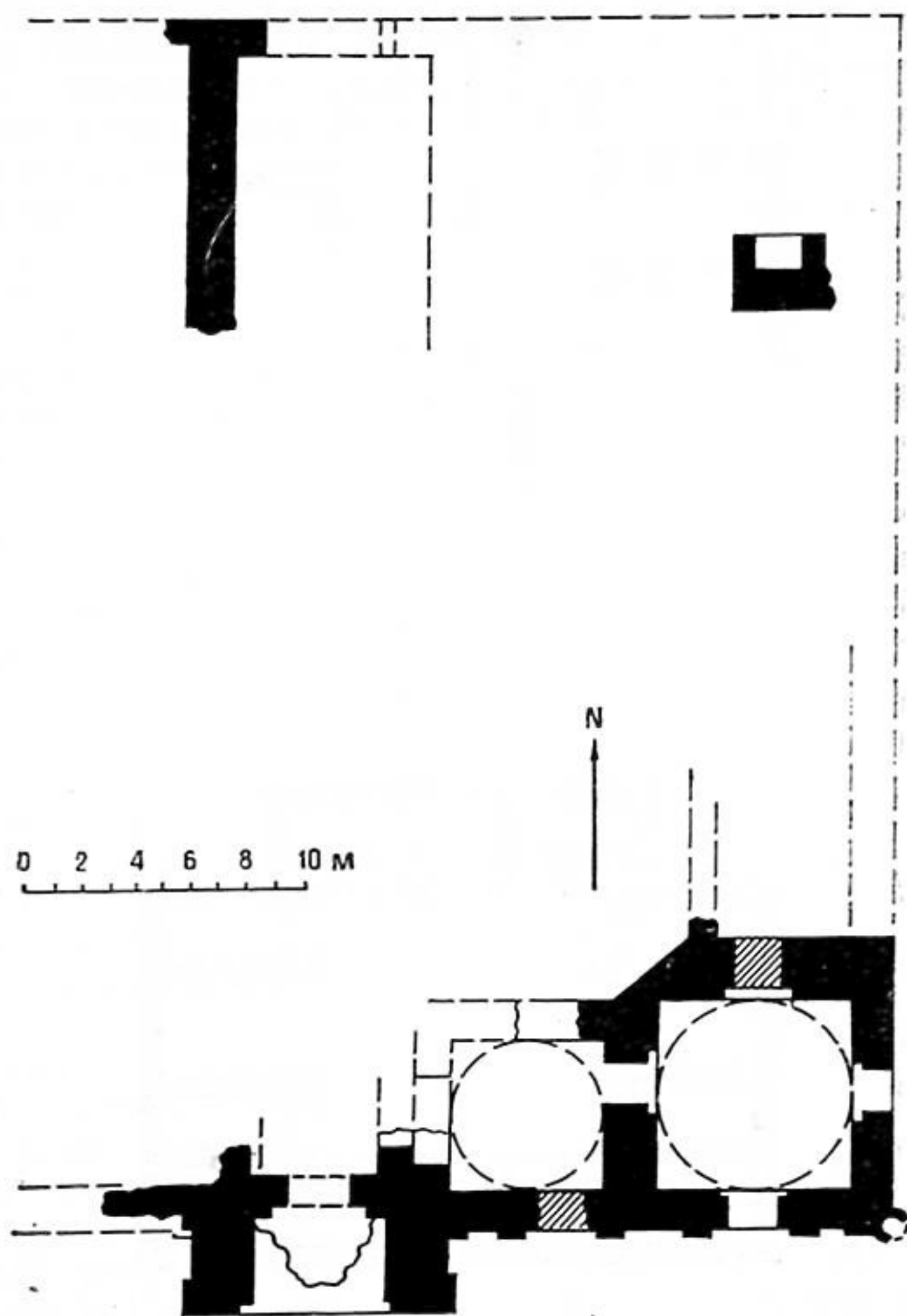

Рис. 11. План медресе Шахи-Машад в Северо-Западном Афганистане (вторая половина XII в.).

даже восемь (медресе XV в. в Харгирде, Улугбека — в Самарканде).

В данном медресе, как следует из вакуфного акта, было несколько крупных залов, мечеть, дарс-хана, два помещения для чтения корана, названные в документе «меджлис», предполагающие собрание большого числа людей, а также мактаба для преподавания «адаба».

Данные раскопок и сведения вакуфного документа показывают, что в самаркандском медресе XI в. уже были предусмотрены все те основные функционально необходимые элементы, которые известны в развитом, усложненном виде по поздним памятникам такого рода. Здесь имеют место знакомый по среднеазиатским медресе центральный входной айван, ведущий во двор, подчеркнутый с фасада порталом, боковые крылья по его сторонам, заключающие угловые залы и группу мелких помещений, в том числе систему боковых проходов, на основе которых в последующем развивается характерный для медресе коленчатый проход, типичный для медресе XV—XVII вв. (чартак), организованный на скрещении осей главного и поперечного входа (рис. 4).

Структура плана вскрытой части напоминает планировочное решение правого крыла главного фасада медресе Ходжа Ахрара (XV в.) в Ташкенте, где почти в тех же соотношениях присутствуют все перечисленные помещения, лишь иначе ориентированы дверные проемы. Общее композиционное решение главного фасада вскрытого медресе, включающее центральный портал в прямоугольной выступающей раме, плоские боковые крылья с аркатурным членением — прием, характерный для зодчества XI—XII вв., — также получило дальнейшее развитие в разработке фасадов дворовой архитектуры XIV—XVIII вв. В ряде случаев эта композиция усложнилась двумя этажами, глубокими нишами, обращенных наружу худжр (медресе Тилля-Кори в Самарканде, Улугбека, Кукельдаша и Диван-беги в Бухаре) и другими вариантами решений.

Весь комплекс данных: размеры порталной ниши, определяющей в какой-то мере высоту портала (арка примерно 7,5—8 м, рама портала 12—13 м), планировочное решение помещений позволяют думать, что медресе было одноэтажным. Архитектурные, декоративно-облицовочные

приемы, имеющие сходство с домонгольскими сооружениями XI—XII вв. Бухары и Узгента, вводят его в круг памятников той же школы.

Таким образом, вскрытые остатки здания дворово-айванного типа, круг аналогов, сведения письменных источников, в том числе вакуфный документ, позволяющий отождествить строение из Шахи-Зинда с медресе первого караханидского правителя в Самарканде Тамгач Богра-хана, дали некоторое представление о плане и в какой-то мере о пространственной композиции, конструкциях и декоре наиболее древнего из известных на территории Средней Азии медресе.

Этот, пока единственный для домонгольской поры памятник такого рода, свидетельствует о том, что уже в середине XI в. на территории Мавераннахра существовал в принципе сложившийся тип здания медресе, в плане которого были заложены основные функционально необходимые элементы, получившие затем развитие в среднеазиатских и иранских медресе XV—XVII вв. Вместе с тем вскрытая часть показывает, как существенна была в XI в., в пору формирования архитектурного типа медресе, разница в планировке и объемном решении медресе Мавераннахра (развитое медресе Тамгач-хана) и синхронных, но простых в плане медресе северного Хорасана (судя по сохранившимся остаткам медресе в Рее и Харгирде). Уже в XII (афганское медресе Шахи-Машад) и особенно в XV в. не без влияния государственной централизации всей этой территории во времена Тимура (вывоз мастеров) эта разница нивелируется. Медресе приобретают типологически единые черты (например, медресе XV в. в Харгирде, медресе Самарканда и Бухары того же времени).

Историческая топография некрополя к 1066 г. Вакуфные данные об окружающих медресе Тамгач-хана постройках, улицах в совокупности с археологическими материалами и существующей общей планировочной композицией ансамбля Шахи-Зинда, оставшейся, как показали исследования, почти неизменной с XI в., позволяют, до некоторой степени, разобраться в историко-топографической ситуации этой части города к середине XI в., когда некрополь еще только складывался. В последующем кладбище уничтожило все следы былой планировки, сохранив лишь основную ось мемориального комплекса.

В акте сказано, что медресе находилось рядом, около или прилегалo к «машаду»⁶³, т. е. было расположено в непосредственной близости от комплекса Кусама. Действительно, восточный фасад раскопанного в ансамбле Шахи-Зинда медресе находится в 6—8 м от западной стороны комплекса Кусам ибн Аббаса. Это следует и из последующего текста: завещанные доходы от вакфа делятся везде с учетом нужд медресе и «машада» (деньги на светильники, шандалы, масло, на двух людей для обслуживания медресе и «машада»), причем, в ряде случаев, «машаду» выделяется бо́льшая сумма, чем медресе (например, оплата чтецов корана)⁶⁴.

Подтверждением существовавшей тесной функциональной и территориальной взаимосвязи между медресе и гробницей Кусама являются сведения документа, где говорится о назначении человека (знающего фикх) для охраны медресе и «машада», который должен жить в медресе, надзирать и давать сигналы о всех нуждах медресе и «машада»⁶⁵. В то же время в акте перечисляются окружающие медресе постройки, улицы, площади⁶⁶, среди которых «машад» не упомянут.

Видимо, медресе Тамгач-хана было введено в функционально единый религиозно-культовый комплекс построек «машада», но не пристроено к стенам гробницы Кусама. Действительно, между комплексом Кусама и медресе, как это зафиксировано и археологически, проходила улица, мощенная чупанатинским сланцем⁶⁷.

Согласно донaции к медресе примыкали: с одной стороны — большая улица; с другой — площадь, которая приписывается Хатун-Малике — дочери Тархан-бека, и канал (фаркын); с третьей стороны — вакуфный дом для студентов, дом Ахмада ал-Мукассаса и дом Абу-л-Касима, караван-сарай, принадлежавший Хатун-Малике; с четвертой

⁶³ M. Khadr. Deux actes de waqf..., p. 333.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 330.

⁶⁷ Н. Б. Немецва. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 193, пр. 82.

стороны — гробница Лячин-бека⁶⁸, дом (жилище) хавли ал-Хайлташи и ханака эмира Низам ад-Дауле, дом Хатун-

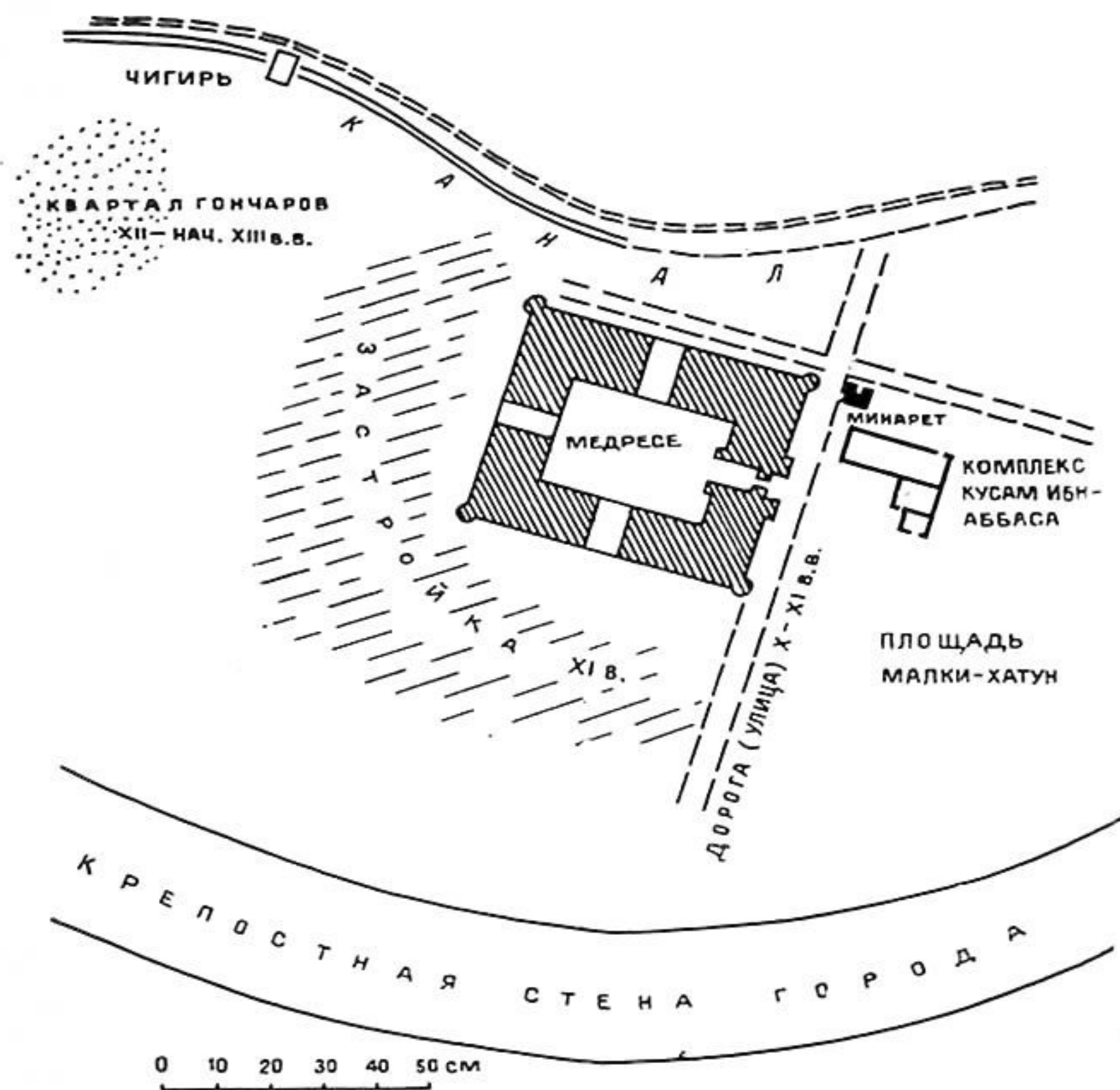

Рис. 12. Топография южной части шахристана Самарканда в XI—XII вв. (план-схема).

Малики Туркан-хатун и дорога (или небольшая улица), где находился вход в медресе⁶⁹.

⁶⁸ В рукописи Мухит ал-Бурхани, переписанной в XVI в., в аналогичном месте вакуфного акта XI в. упоминается (с четвертой стороны медресе) и гробница Лячин-бека, о чем нам сообщила О. Д. Чехович. В рукописи, переведенной М. Хадром, эти данные отсутствуют.

⁶⁹ М. K h a d r. Deux actes de waqf... p. 331.

Отсутствие указаний на стороны света не дает точных представлений о том, где и как располагались постройки. Наши наблюдения лишь позволяют высказать более или менее вероятные гипотезы.

Указание документа на то, что одна из сторон медресе выходит на главную (большую) улицу, нам кажется, касается его восточного фасада. Ориентиром местонахождения здания обычно служит главный вход, в данном случае — порталный вход восточного фасада. Именно со стороны восточного фасада медресе по линии коридора ансамбля Шахи-Зинда обнаружены следы старой, периода обживания городища, дороги (улицы), выстланной, как и прочие улицы средневекового Самарканда, чупанатинским сланцем. Существующая ось ансамбля соответствует направлению этой старой улицы. В правильности догадки нас убеждает и то, что восточная сторона медресе — единственная, к которой (по сведениям акта) не примыкали другие строения (рис. 12). В условиях стесненной застройки средневекового среднеазиатского города, в частности, юга Самарканда в районе медресе, судя по акту, только главный фасад здания (да и то не всегда) мог быть свободным от примыкающих построек.

Со второй стороны, согласно акту, к медресе примыкала площадь Хатун-Малики и канал. Вероятно, это северная сторона медресе, так как именно с северной стороны по дороге к мечети Хозрети-Хызра нами зафиксировано русло канала, функционировавшего с первых веков до н. э. вплоть до монгольского нашествия⁷⁰.

Относительно площади, упомянутой в акте, исходя из рельефа местности и традиционной планировки ансамбля Шахи-Зинда, можно сказать, что она располагалась, вероятно, там, где сохранилась и во все последующие столетия — южнее и частично (до XIV в.) севернее комплекса Кусам ибн Аббаса, пока не превратилась в кладбище. Как известно, между комплексом Кусама и мавзолеями XIV—

⁷⁰ Н. Б. Немецва. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, стр. 204.

XV вв. в районе крепостного вала городища по восточной стороне ансамбля строений не было (не обнаружены они и археологически). Следы построек XI—XII вв. по восточной стороне обрываются на участке, прилежащем к крепостному валу. По всем признакам в домонгольское время между комплексом Кусама и крепостным валом была открытая площадь. С нее был южный вход в комплекс Кусама ибн Аббаса.

Открытую площадь можно также предполагать и севернее комплекса Кусама. Об этом свидетельствует северная ориентация минарета XI в., одного из входов в комплекс Кусама, а также отсутствие здесь следов построек XI—XII вв. (по археологическим данным). Если это предположение верно, то северная часть площади (мы не знаем ее границ) могла частично примыкать к северному фасу медресе. В этом случае, с западной (третьей по вакуфному акту) стороны к медресе примыкали дома (для студентов, Ахмеда ал-Мукассас и Абу-л-Касыма) и караван-сарай, а с южной (четвертой по акту) — гробница Лячин-бека, дом ал Хайлташи, ханака, дом Хатун-Малики и дорога (или улица), где был второй вход в медресе. Вскрытое медресе, кроме главного восточного входа, как уже говорилось, имело и боковой — южный вход через айван «д».

Интерес представляет и сам факт появления медресе у мавзолея «святого» в XI в., причем, как следует из того же вакуфного документа, медресе ханифитского направления⁷¹ (один из толков «мазхабов» правоверного ортодоксального ислама).

«Культы святых» (сюда относятся и могилы погибших за веру — «машады») появились уже в первые века ислама, как явление последующей трансформации древних языческих верований⁷². Наиболее широкое распространение они получили в X—XII вв., благодаря развитию суфизма на Востоке — этого сложного и далеко еще не изученного явления в мусульманской религии. На ранней стадии своего развития суфизм (своего рода монашество, мистическое движение еретического направления в религии) был противен ортодоксальному исламу. Вплоть до XI в. суфизм сущест-

⁷¹ M. Khadr. Deux actes de waqf..., p. 333.

⁷² И. Гольдциер. Культ святых в исламе, М., 1938.

вовал вне «мазхабов», как обособленное религиозное течение, не признаваемое или игнорируемое ортодоксальной теологией⁷³.

Первоначально также не признавались официальным вероучением и «культы святых»⁷⁴. При таких противоречиях на первом этапе функциональное совмещение в одном комплексе ханифитского медресе и мавзолея Кусам ибн Аббаса («машада») вряд ли было возможным.

Но с XI в., как указывают исламоведы, официальное суннитское богословие (а затем и шиитское) примиряется с умеренным суфизмом. Происходит постепенное признание и «культы святых»⁷⁵. Складываются дервишские ордена, быть суфием стало признаком хорошего тона. В некоторых странах, в частности в Средней Азии, такое «примирение» в отдельные периоды приводило к тому, что суфизм занимал положение господствующего мусульманского течения⁷⁶.

Весьма сложной была обстановка в Мавераннахре при Караханидах. Мусульманское духовенство достигло здесь большого влияния. Сам Тамгач-хан Ибрагим был известен как «ревнитель мусульманского благочестия, боровшийся с ересями»⁷⁷. Строительство ханифитского медресе у мазара «святого» — свидетельство того, что процесс взаимопроникновения суфизма и правоверного ислама в Мавераннахре к этому времени (середина XI в.) достиг определенного завершения, хотя взаимоотношения эти и в дальнейшем не были последовательными. Это также показатель того, что «культы святых», в особенности «машады» (могилы борцов за веру), были сложным явлением с большой дифференцированностью в своем значении.

«Култ святого» в Самарканде (мазар проповедника ислама Кусам ибн Аббаса) не только уживался с ханифитским медресе, но, судя по данным вакфа, здесь наблюдалась тесная взаимосвязь всех служб.

⁷³ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV веках, Л., 1966, стр. 236.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ А. Массэ. Ислам, 1961, стр. 163, Л. И. Климович. Ислам, М., 1962, стр. 158; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране..., стр. 330; Р. Р. Мавлюгов. Ислам, М., 1966, стр. 76.

⁷⁶ Л. И. Климович. Ислам, М., 1962, стр. 158.

⁷⁷ История таджикского народа, т. II, кн. I, М., 1964, стр. 238.

Для Самарканда XI в. это был крупный городской религиозно-культовый и в какой-то мере культурный центр, организованный на юге шахристана. Ядром его стал «культ Кусама», где одновременно с паломничеством и зиаратом у мазара шло и обучение студентов. Вакф предусматривал средства на пожертвования, гостеприимство, организацию религиозных праздников, связанных с функциями как медресе, так и «машада»⁷⁸. Такое функциональное значение комплекса сохранялось и позже. Не случайно, столетие спустя здесь было выстроено медресе Султана Санджара.

Для Самарканда это один из ранних примеров соединения медресе и мемориального комплекса. В дальнейшем подобные функционально сложные комплексы получили широкое распространение в Средней Азии и вообще на мусульманском Востоке (комплекс Султана Калауна—XIII в. в Каире, Имам Ризы—XV в. в Мешхеде, Гур-Эмир—рубежа XIV—XV вв. в Самарканде и др.).

«Культовые святых» постепенно переносится и на государственных правителей, в лице которых совмещалась политическая и фактически духовная власть. Мавзолеи ставятся уже не столько на могилах «газиев», сколько светским правителям. Паломничество на их могилы — по существу то же поклонение святым, которое имело место на более ранней исторической стадии.

⁷⁸ М. K h a d r. Deux actes de waqf... стр. 333—334.

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

I. УНИКАЛЬНАЯ ТЮРКО-СОГДИЙСКАЯ МОНЕТА С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В июне 1968 г. при археологических раскопках на юго-восточном холме городища Афрасиаб в помещении 3 на глубине пятого яруса была найдена медная монета довольно хорошей сохранности.

Л. ст.: в круге из крупных точек, чередующихся с более мелкими, дано погрудное изображение правителя. Его лицо несколько повернуто влево, с монголоидными чертами. Правитель изображен с высокими скулами, полными щеками, уголки его глаз приподняты (зрачки переданы точками). Нос короткий и тупой, рот закрыт усами, опущенными концами вниз. Голову украшает башлыкообразный убор, спускающийся на уши, в левом ухе — серьга с одним камнем. На груди ожерелье из бус, переданных точками. В правой руке (?), поднятой на уровень плеча, большой крест со сферой (?). Его вертикальная перекладина длиннее горизонтальной, концы расширены. Над крестом находится S-образный значок.

Справа от головы, в поле, на уровне уха — еще один небольшой равноконечный крест со слегка расширяющимися концами. Над ним — неясный значок.

Об. ст.: в центре монеты — тамга, она окружена с трех сторон полустертой согдийской надписью.

¹ Первый этюд написан Э. В. Ртвеладзе и Ш. С. Ташходжаевым; второй — Ш. С. Ташходжаевым и М. Н. Федоровым.

Следует отметить, что почти аналогичная монета, относимая О. И. Смирновой к чекану тюркских правителей Ча-ча, найдена в Пенджикенте. Однако на ней отсутствуют кресты в силу ее плохой сохранности².

На афрасиабской же монете, при наличии сходного во многих отношениях изображения правителя, его головного убора, а также подписей и тамги на оборотной стороне имеются очень отчетливые изображения крестов.

Поскольку изображения крестов на монетах, чеканенных в Средней Азии и в сопредельных странах, не являются характерным явлением и не имеют традиций, их появление на монете тюркского правителя можно объяснить влиянием христианской Византии, где кресты изображались на монетах императоров. Так, среди многочисленной и разнообразной серии монет, чеканенных от имени императора Юстиниана I (527—565), имеются медные монеты, на которых кресты и их местоположения совершенно аналогичны крестам на афрасиабской монете.

Так же как и на афрасиабской монете, на медных монетах Юстиниана I слева от его головы помещен крест со сферой, вертикальная перекладина которого длиннее горизонтальной. Справа от головы правителя в поле — еще один небольшой равноконечный крест³.

На основании этого можно предположить, что оригиналом, с которого были взяты изображения крестов для монет тюркского правителя, явились медные монеты Юстиниана I. М. Е. Массон зафиксировал большое количество находок золотых и медных монет этого императора на территории Средней Азии⁴. Не исключено, что тюркский правитель, на монетах которого помещены кресты, придерживался христианского вероисповедания.

Еще в начале пятидесятых годов нынешнего столетия М. Е. Массон установил, что чеканившиеся при тюрках многочисленные медные монеты с изображением спаренных бюстов

² О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 135, № 786.

³ И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. IV, СПб., 1913, стр. 374, табл. 25, № 431, 433, 435, 445, 502.

⁴ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ, Новая серия, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 97.

мужчины и женщины, копируют современный им чекан медных монет византийского императора Юстиниана II (565—578), где последний изображался вместе с царицей Софьей⁵.

Теперь мы имеем второй случай перенесения мотивов византийской монетной иконографии на тюрко-согдийские монеты. Это является еще одним подтверждением наличия достаточно прочных культурных связей между Византией и Средней Азией в период раннего средневековья.

II. МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ В КВАРТАЛЕ ГОНЧАРОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО САМАРКАНДА (РАСКОПКИ 1961—1962 и 1966 гг.)

Осенью 1961 г. были начаты археологические работы в юго-западном углу квартала гончаров, расположенного в центральной части Афрасиаба, между II и III крепостными стенами. В процессе раскопочных работ 1961—1962 гг. Ш. С. Ташходжаев обнаружил четыре обжигательных печи и остатки гончарной мастерской. За стенами мастерской, к востоку от нее, была открыта городская улица, вымощенная чупанатинским сланцем. Мостовая прослеживается на протяжении 15 м.

Раскопки 1961—1962 гг. позволили установить, что обжигательные печи сооружены на руинах здания VI—VII вв. н. э. В северной части шурфа, опущенной ниже уровня гончарных печей, обнаружена стена древнего помещения, сохранившая остатки росписей. Неподалеку от мастерской расположились керамические отвалы.

Ш. Ташходжаеву удалось выявить конструктивные особенности самаркандских гончарных печей начала XI в., размеры керамического производства в данной мастерской, а также установить факт существования разделения труда между мастерскими — каждая из них специализировалась на выделке особого рода керамики.

Мастерская, вскрытая Ш. С. Ташходжаевым, производила исключительно поливную, богато орнаментированную посуду. Помимо этого были получены данные, позволяющие

⁵ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 99.

восстановить весь процесс гончарного производства. Сырье и полуфабрикаты, обнаруженные в мастерской, позволили путем химических анализов установить состав красителей и глазури, употреблявшихся древними гончарами. Немалый интерес представляют и монеты, найденные возле печей и в мастерской.

Весной 1966 г. раскопки на этом участке возобновились. М. Н. Федоров обнаружил жилой комплекс, расположенный всего в нескольких метрах к западу от гончарных печей, вскрытых в 1961—1962 гг. К осени 1966 г. Ш. С. Ташходжаев вскрыл и частично расчистил 12 помещений.

К северу от комплекса открывалось незастроенное пространство, по-видимому, двор. В какой-то период жизни здания он использовался под керамические отвалы. Здесь встречается много бракованной, спекшейся, попорченной или сломавшейся посуды.

Возле северо-восточного угла жилого комплекса обнаружены остатки вымостки из плит чупанатинского сланца. По всей вероятности, это были тропинки, соединявшие дом с гончарными печами. При расчистке помещений создалось впечатление весьма длительного существования этого жилого комплекса. Почти все его помещения имеют следы неоднократных ремонтов и переделок. На стенах комнат 6, 7, 8, например, насчитывается до пяти слоев алебастровой и глино-саманной штукатурки, некоторые из проходов были заложены, а вместо них пробиты новые и т. д. При расчистке жилого комплекса установлено, что стены большинства комнат в определенный период своего существования пришли в ветхое состояние и укреплялись облицовкой. Этот своеобразный панцирь состоял из кладки сырцового кирпича размером $37-38 \times 18-20 \times 7-9$ см. Кирпич был поставлен на торец плашмя к поверхности стены, так что два ряда такой кладки поднимались в высоту до 80 см. Особенно отчетливо прослеживается такая облицовка в помещениях 1, 2, 3, 4 и на одной (восточной) из стен помещения 7. В помещениях 6 и 8 ремонтных облицовок не было — они не подвергались ремонту, видимо, потому что были заброшены. На эту мысль наводит тот факт, что в названных комнатах не найдено следов гончарного производства.

Особенно пострадали от времени внешние стены комплекса. Например, восточная стена, выходящая во двор с гончарными печами. Она воспроизвела интересную картину. Как известно, глинобитные стены и дувалы сохраняют следы разрушения: под действием солей, выступающих из почвы, ветра и влаги они оказываются как бы выгрызенными у основания. Так выглядела и восточная внешняя стена жилого комплекса, оказавшаяся в нижней части разрушенной. Изъян был заменен кладкой плотно утрамбованной пахсы и лишь после этого стену покрыли панцирем из сырцового кирпича. Все эти признаки говорят о том, что здание существовало длительный период и, возможно, ко времени ремонта было уже заброшено. Весьма вероятно, что ремонт относится уже ко вторичному использованию дома. При этом, как уже указывалось, были отремонтированы и использовались не все комнаты дома.

Вторичное использование здания связано с гончарным производством. Так, на полу помещений 1, 2, 3 и 12 найдены куски краски, красной и желтой охры и пепельно-серой массы, близкой по структуре к мелкому песку. Наличие этой массы, нанесенной ровным тонким слоем на посуду, подготовленную к обжигу, позволило высказать предположение, что перед нами—ангоб, приобретающий белизну после обжига.

В помещениях 1 и 2 на полу обнаружены также мелкие фрагменты необожженной, но уже раскрашенной и подготовленной к обжигу глиняной посуды. Но особенно много таких фрагментов найдено в помещении 7.

Были встречены и фрагменты сосудов, подвергшихся первичному обжигу, но еще нерасписанных, в основном, ляганов и больших пиал. В помещении 11 обнаружены необожженные глиняные биконические цилиндры — заготовки для так называемых «керамических штырей». Они вставлялись в отверстия в стенах гончарных печей и служили подставкой для обжигаемых сосудов. Заготовки для штырей лежали в северо-западном углу помещения 11, большинство из них было уложено аккуратным штабелем, а двенадцать штырей (очевидно, недостаточно просохших) были вертикально прислонены к стене и подперты камнями.

Таким образом, из двенадцати помещений в общей сложности шесть несут следы вторичного использования (обли-

цовка из сырцового кирпича и остатки гончарного производства). Остальные помещения пока этого свидетельства не дают.

Мы имеем достаточно оснований высказать предположение о том, что перед нами какой-то богатый дом, который был заброшен и лишь затем частично использован гончарами в качестве мастерских и подсобных помещений. Решающее слово в разрешении этой проблемы принадлежит монетам.

В 1965—1966 гг. к востоку от гончарных мастерских на территории улицы, обнаруженной еще в 1961 г., были продолжены раскопочные работы. Археолог Л. Г. Брусенко⁶ произвела вскрытие значительного отрезка (более 50 м) улицы, вымощенной чупанатинским сланцем, и домов, непосредственно выходящих на эту улицу. Судя по всему, эти дома в той или иной степени имеют отношение к гончарному производству. Среди прочих интересных находок в этом квартале Л. Г. Брусенко в 1966 г. обнаружила 14 монет, которые она любезно предоставила нам для ознакомления.

Перечень всех монет, обнаруженных в квартале керамистов в 1961—1962 гг. и 1965—1966 гг., дается по раскопам: **Раскоп 12** (работы 1961—1962 гг.)⁷.

1. Омейядский фельс с изображением коня, идущего вправо. Место чеканки не сохранилось. Дата II в. х. Монета выбита в правление халифа Хишама ибн Абдуальмелика (105—125/724—743 гг.). Место находки — шурф I.

2. «Черный дирхем», выбитый по типу монет бухархудатов. На аверсе — схематизированное изображение человека в зубчатой короне, смотрящего вправо; на реверсе — жертвенник и два стража по бокам. Монеты этого типа ходили, начиная с VIII в., вплоть до начала XI в. Они не имели на себе даты выпуска, поэтому определение хронологических рамок данной монеты весьма затруднительно. Место находки — шурф I.

⁶ Л. Г. Брусенко. Раскопки квартала гончаров на городище Афрасиаб, ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 209.

⁷ Монеты из раскопок 1961—1962 гг. определены проф. М. Е. Массоном.

3. Фельс Саманида Насра I ибн Ахмада (250—279/864—893 гг.). Выпущен в Самарканде в 271/884—885 гг. Место находки — шурф I.

4. Фельс Саманида Насра II ибн Ахмада (301—331/913—943 гг.). Выпущен в Бухаре в 331/942—943 гг.

5. Фельс Саманида Мансура ибн Нуха (350—366/961—977 гг.). Наименование монетного двора не сохранилось. Место находки — шурф I.

6. Фельс Караханида Насра ибн Али (389—403/999—1013). Выпущен в Фергане в 400/1009—1010 гг. Место находки — пол первого периода в помещении 2.

7. Караханидский фельс. Он плохой сохранности, относится к началу XI в. Место находки — шурф II.

8. Караханидский фельс плохой сохранности (начало XI в.). Место находки — пол первого периода в помещении 3.

9. Караханидский фельс плохой сохранности (начало XI в.). Место находки — печь 2.

10. Караханидский фельс плохой сохранности (начало XI в.). Место находки — комната 4.

11. Караханидский фельс плохой сохранности (начало XI в.). Место находки — комната 5.

12. Караханидский фельс плохой сохранности (начало XI в.). Место находки — комната 4.

Раскоп 23 (1966 г.).

13. Саманидский фельс относится ко времени Ахмада ибн Асада (204—250/819—864 гг.). Дата и наименование города не сохранились. На реверсе под легендой помещено имя Насра — наследника и преемника Ахмада. Судя по всему, монета была чеканена ближе к концу правления Ахмада ибн Асада. Место находки — помещение 7.

14. Саманидский фельс плохой сохранности относится ко времени Насра II ибн Ахмада, Самарканд 3... г. х. Место находки — керамические отвалы к северу от помещения 1.

15. Саманидский (?) фельс очень плохой сохранности (раскрошился на три части). Место находки — закладка прохода в северной стене помещения 1.

16. Саманидский фельс Насра II ибн Ахмада. Бинкет — так иногда называли столицу области Шаш — 306/918—919 гг. Монета представляет интерес тем, что на аверсе под

калимой здесь выбито имя наместника Мухамада. Возможно, что это тот самый саманидский царевич Мухамад, который в 310/915—916 гг. владел Ахсикетом на правах васалла верховного саманидского правителя Насра II ибн Ахмада⁸. Место находки — помещение 8 (в завале несколько выше уровня пола).

17. Саманидский фельс плохой сохранности, относится к X в. Место находки — помещение 9, слева от прохода в помещение 7 возле стены.

18. Саманидский фельс, сильно окисленный (крошится). Время определить не удалось. Место находки — помещение 7, завал.

19. Саманидский фельс плохой сохранности — (X в.). Место находки — помещение 7 (в завале возле западной стены).

20. Саманидский фельс. Сильно окислен, крошится. Время определить не удалось. Место находки — помещение 10, завал возле стены северо-западного угла.

21. Саманидский фельс плохой сохранности — (X в.). Место находки — помещение 11 (завал).

Раскоп 23 Б. (1965—1966 гг.)

22. Раннесогдийская мелкая монета с квадратным отверстием. Место находки — над ямой, к востоку от дороги.

23. Монета согдийского правителя Шишпира (642—655 гг.).

24. Саманидский фельс Насра I ибн Ахмада. Самарканд 256/869—870 гг. Место находки — хозяйственное помещение в завале.

25. Саманидский фельс Насра I ибн Ахмада. Дата и место чеканки не сохранились. Место находки — мощеная дорога.

26. Саманидский фельс Нуха ибн Насра (331—343/942—955 гг.). Фергана 336/947—948 гг. Место находки мощеная улица.

27. Саманидский фельс Нуха ибн Насра. Фергана 342/953—954 гг. Место находки — двор в первом ярусе.

⁸ В. В. Бартольд. Неизданный саманидский фельс, Соч., т. 4, М., 1966, стр. 348.

28. Саманидский фельс Мансура I ибн Нуха (350—366/961—977 гг.). Наименование города не сохранилось (352/963 гг.). Место находки — мощеная дорога.

29. Саманидский фельс Мансура I ибн Нуха, Бухара, 352/963 г. На аверсе монеты выбито имя наместника аль Мелика Ахмада. Место находки — отвал.

30. Саманидский фельс плохой сохранности (X в.). Место находки — бадраб.

31. Саманидский (?) фельс плохой сохранности. Найден у стены помещения 2.

32. Раннесаманидский или тахиридский фельс плохой сохранности. Место находки — помещение 11.

33. Саманидский фельс плохой сохранности. Место находки — отвалы.

34. Саманидский (?) фельс плохой сохранности. Место находки — отвалы.

35. Монета не определена. Место находки — отвалы.

36. Караханидский (?) фельс. Довольно редкий и интересный, плохой сохранности. Топологически монету можно датировать началом XI в. На реверсе монеты в третьей строке, в поле приведен титул и почетный эпитет правителя ал-мелик ал-муваффах (удачливый правитель). На аверсе монеты — какое-то стертое слово. Возможно, титул тегин (князь). Найден за двором на первом ярусе.

Какую же картину рисуют нам монеты, найденные в квартале керамистов в 1961—1962 гг. и 1965—1966 гг.? Из 36 монет — 23 саманидских и 8 караханидских, 7 караханидских монет найдено в гончарной мастерской, в печи и возле них. Вместе с керамическим материалом они позволяют датировать мастерскую и печи первой половиной XI в.

В районе мощеной камнем улицы найдена всего лишь одна монета, которую мы предположительно отнесли к караханидским (начало XI в.), 11 монет (т. е. большинство) из найденных в районе улицы — саманидские. Здесь представлен чекан трех городов (Самарканда, Бухары, Ферганы) и четырех царей (Насра I ибн Ахмада, Насра II ибн Ахмада, Нуха I ибн Насра и Мансура ибн Нуха).

В жилом комплексе, расположенном к западу от печей, караханидских монет найдено не было. Две саманидские монеты дают нам точные даты — это фельс Ахмада ибн Асада,

чеканенный между 204 и 205 гг. х., и фельс Насра II ибн Ахмада, битый в Бинкете в 306 г. Остальные монеты датированы типологически.

Стало быть, в XI в. наиболее интенсивно использовались мастерские и печи. Поэтому здесь и была найдена большая часть караханидских монет. Монеты, обнаруженные на мостовой с домами по бокам, относятся к саманидскому времени. Этот факт говорит о том, что улица и большая часть домов возникли и функционировали в IX—X вв., задолго до появления здесь печей. Подобную же картину воспроизводит жилой комплекс, расположенный к западу от печей.

Нумизматический материал подтверждает мнение о том, что этот комплекс возник задолго до того, как был вторично использован в целях гончарного производства. Следует отметить, что гончарное производство в помещении при вторичном его использовании — явление не единичное для Афрасиаба. Ту же картину воспроизводят и другие участки Афрасиаба.

Осенью 1960 г. авторы этой статьи участвовали в раскопках большого жилого массива, расположенного к западу от шоссе Самарканд — аэропорт (на расстоянии примерно 1 км от города). Было установлено, что данный комплекс, возникший в X в., существовал еще в первой половине XI в., но во второй половине был уже заброшен. Рядом с ним возникли гончарные мастерские и помещения, используемые как подсобные⁹.

Возможно, что здесь мы столкнулись с весьма своеобразной тенденцией, характерной для шахристана домонгольского периода: центр городской жизни перемещается в рабады, шахристан пустеет, устаревшие здания на территории шахристана продаются по дешевой цене гончарам, которые используют их под мастерские.

⁹ Я. Крикис, М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афрасиаба, Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР, Ташкент, 1963, стр 236.

**ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
САМАРКАНДА
ПО АРХЕОЛОГО-
НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ
(ДО НАЧАЛА IX в.)**

В основу настоящего исследования положен монетный комплекс из городища Афрасиаб, который представляет значительную часть монет, обращавшихся в Мавераннахре.

Со времени открытия городища накоплен огромный нумизматический материал разных времен, требующий специального изучения. Однако нумизматические находки Афрасиаба служили лишь вспомогательным материалом датировок археологического материала. Между тем, монеты — первоклассный источник для исследования денежного обращения, экономических, политических и культурных связей не только города Самарканда, но и Согда в целом.

Цель настоящей работы — изучение и систематизация монетных находок на городище (составление каталога монет), исследование по археолого-нумизматическим данным истории денежного обращения Самарканда до начала IX в.

В работе учтены монетные находки на городище Афрасиаб до 1969 г. включительно. Вместе с монетами, найденными непосредственно на городище, нами учитывались монетные находки, зарегистрированные в Самаркандском районе. Контрольными были монеты с Афрасиаба.

Параллельно с афрасиабским монетным комплексом привлекались дополнительные материалы из других собраний, а также сведения о монетных находках и поступлениях в разные хранилища с конца XIX в.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА АФРАСИАБЕ И В ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Местное население издавна находило и находит на территории Афрасиаба медные, серебряные и даже золотые монеты. Особенно много их найдено в 70-х годах XIX в., когда в связи с возросшим спросом на древние предметы и монеты необычайно развилось кладоискательство, появился антикварный рынок и население стало проявлять усиленный интерес к городищу Афрасиаб.

Немало монет было раскопано при прокладке новой дороги на Ташкент, пересекающей Афрасиаб в восточной части. Возможно, что именно там нашли клад из 11 медных саманидских монет, чеканенных в 300—386 гг. х., и одной караханидской монеты из неизвестного металла, битой в 398 г. х. в Фергане, определенной В. Тизенгаузен¹.

Имеются сведения о неоднократных находках монет вне городища, на территории современного Самарканда и в его окрестностях². Часть этих монет в 1882 г. была отправлена в Императорскую Археологическую Комиссию³.

В отчете об археологических работах на Афрасиабе в 1883 г. В. В. Крестовский писал, что в траншее, заложенной близ мечети Хазрати Хизр, на глубине трех аршин (около 2,2 м) раскопаны гончарные трубы, монеты с квадратными отверстиями и осколки стекла⁴. Возможно, что монеты были согдийскими.

Большие поступления монет из Средней Азии, в частности из Самарканда, в хранилища Петербурга связаны с именем Н. И. Веселовского. Поступления отражены в архивных документах Императорской Археологической Комиссии, Государственного Эрмитажа, архива Азиатского музея и ЦГА УзССР. Монеты из Средней Азии через Императорскую Археологическую Комиссию поступали в Монетный двор,

¹ В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 10.

² М. Ростиславов. Об археологических изысканиях в Зеравшанском округе, «Туркестанские ведомости», 1875, № 27.

³ Б. В. Лунин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по архивным данным), ИМКУ, вып. 8, Ташкент, 1969, стр. 187.

⁴ «Санкт-Петербургские ведомости», 1884, № 32, 34.

Азиатский музей и Эрмитаж⁵. Собрания Монетного двора и Азиатского музея были переданы в Эрмитаж. Сюда же поступили монеты, привезенные в Петербург из Самарканда самим Н. И. Веселовским. Часть монет он купил или приобрел с рук, часть нашел во время собственных раскопок на Афрасиабе. Монеты хранятся в Отделе Средней Азии (коллекция Н. И. Веселовского?). Но из-за отсутствия данных пока не удастся установить, какие именно монеты обнаружены им на Афрасиабе.

Значительную часть поступлений монет из Самарканда в Петербургское хранилище за 80—90-е гг. XIX в. составляли монеты из собраний местных коллекционеров-антикваров.

Одним из известнейших нумизматов-любителей был Акрам Аскаров, собрание которого достигало 15 050 монет⁶. О ценности его коллекции можно судить по составленным А. К. Марковым описям монет, отобранных для Эрмитажа⁷.

Известным коллекционером был житель Самарканда Мирза Бухари⁸. В архиве ЛОИА хранится дело с описью и списком монет, полученных от него в Самарканде Н. И. Веселовским⁹. Ввиду ценности его коллекции, в 1888 г. Археологическая Комиссия просила Туркестанское генерал-губернаторство переслать на рассмотрение Комиссии коллекцию монет Мирзы Бухари¹⁰.

Кроме коллекции Акрама Аскарова и Мирзы Бухари, немалое значение имеют собрания монет Юнусова, Хаджи Заргара и др.¹¹.

Приводим собранные нами архивные данные о монетных поступлениях из Самарканда в хранилища Петербурга с

⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 1—4, 1888 г.; д. 20, л. 76—81, 1883 г.; д. 18, л. 4, фонд Веселовского.

⁶ Б. В. Луни^н. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарова (по архивным данным), ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 233.

⁷ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 722, л. 41—46; Архив Эрмитажа, оп. 5, д. 8, 1893 г.

⁸ Б. В. Луни^н. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари, ОНУ, 1963, № 6, стр. 32.

⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 20, 1883 г., 76—81; Там же, фонд Веселовского, д. 18, л. 1—4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 147—153.

Таблица 1

Монетные поступления из Самарканда в хранилища Петербурга

Тип монет	Определение	Металл	Количество	Место находки
Монеты с точным определением	Антиох	Серебро	1	г. Самарканд ¹²
Монеты с общей характеристикой	Греко-бактрийские	"	7	Городище Афрасиаб ¹³
	Индо-скифские	"	8	В местности Наузарин (окрестности Самарканда) ¹⁴
	Сасанидская	"	1	Афрасиаб ¹⁵
	"	"	1	г. Самарканд ¹⁶
	Среднеазиатская, на лицевой стороне изображение двух голов	Медь	1	Чупаната ¹⁷
Монетные находки из раскопок Н. И. Веселовского в 1885 г. ¹⁸	Бухархудатская	Серебро	1	Афрасиаб
	Китайские ¹⁹ и мусульманские	Медь	Не указано	"
Монеты с точным определением (покупки и подарки) ²⁰	Селевк	Серебро	1	"
	Антиох II	Золото	2	"
	Антиох II	Серебро	1	"
	Диотод	"	1	"
	Евтидем	"	6	"
	Евтидем	Золото	2	"
	Антимах	"	1	"
	Евкратид	"	1	"
	Евкратид	Серебро	3	"
	Дметрий	Золото	—	"
	Гиркод	Серебро	13	"
	Гелиокл	Золото	1	"
	Гелиокл	Серебро	1	"
	Согдийские подражания монетам Евтидема	"	Не указано	"
	Шапур	Золото	1	"
	Пероз	Серебро	1	Афрасиаб
Монеты с общей характеристикой (покупки и подарки) ²¹	Персидский дарик	Золото	2	"
	Бактрийские монеты	Медь	Не указано	"

Продолжение табл. 1

Тип монет	Определение	Металл	Количество	Место находки
	Бактрийские монеты	Серебро	111	"
	Индо-бактрийские	"	4	"
	Индо-бактрийские	Медь	9	"
	Сасанидские	Серебро	2	"
	Византийские	Золото	3	"
	Бухархудатские	Серебро	18	"
	Бухархудатские	Медь	19	"
	Туранские (среднеазиатские)	"	24	"
	Домусульманские	"	21	"
	Аббасидские фельсы	"	4	"
	Подражание греческой монете	Золото	1	Афрасиаб
	Подражание византийской монете	"	1	"

¹² Архив Гос. Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, д. 3, 1889 г., л. 1—4.

¹³ Там же.

¹⁴ Б. В. Лунин. К топографии и описанию древних монетных кладов..., стр. 187.

¹⁵ Архив Гос. Эрмитажа, ф. 1, оп. 5, д. 3, 1889 г., л. 4.

¹⁶ Б. В. Лунин. К топографии и описанию древних монетных кладов..., стр. 188.

¹⁷ Архив Гос. Эрмитажа, д. 3, 1889 г., л. 4.

¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 76—81, 1885 г.

¹⁹ Вероятнее всего, монеты согдийские, но, возможно и тюркские, совпадающие по форме с китайскими.

²⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 76—81, 1883 г.; Из книг записи поступлений монет в Эрмитаж, 1879—1892 гг., стр. 54.

²¹ Там же.

определениями В. Г. Тизенгаузена и А. К. Маркова, принимавших эти монеты (табл. 1).

К сожалению, отсутствие точных определений монет в архивных документах не дает возможности идентифицировать их в настоящее время с определенными монетами Эрмитажного собрания.

О находках монет домусульманского времени сообщал В. Л. Вяткин, проводивший раскопки на Афрасиабе с 1905 г. «Сравнительно мало (по сравнению с монетами Саманидов, Караханидов, сельджуков и хорезмшахов — Т. Е.) находится монет ранних халифатов и бухархудатов. Самыми ранними монетами являются здесь монеты последних Сасанидов и бухархудатов — битых по типу Варахрана V. Любопытны нередко находимые на Афрасиабе монеты с буквой «У», или с рисунком в виде этой буквы, с двумя строками письма в виде веточек по ободку, иногда с изображением двух голов. Монеты эти пока не прочитаны и не определены²². Совершенно очевидно, что загадочные экземпляры с буквой «У» и монеты «с двумя строками письма в виде веточек», теперь определяются как согдийские монеты V—VI в. и как монеты царей Самарканда VII—VIII вв., многочисленные находки которых регистрируют в последнее время ежегодно.

В настоящее время монеты из коллекции В. Л. Вяткина хранятся в Самаркандском музее. Здесь же хранятся коллекции М. В. Столярова и Б. Н. Кастальского.

Приводим список монет из коллекций В. Л. Вяткина, М. В. Столярова и Б. Н. Кастальского:

<i>Определение</i>	<i>Металл</i>	<i>Количество</i>
Коллекция В. Л. Вяткина		
Аббасидские подражания бухарским драхмам	Серебро	20
Монеты царей Согда:		
Тархун	Медь	2
Гурак	"	2
Неизвестный ихшид	"	1
Согдийская с арабской надписью	"	1
Монеты Чача	"	1
Аббасидские фельсы	"	7
Коллекция М. В. Столярова		
Аббасидские подражания бухарским драхмам	Серебро	2
Согдийская монета V—VI вв. (Гурак)	"	1

²² В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 19.

Монеты царей Согда:

Тархун	Медь	1
Тукаспадак	"	1
Неизвестный ихшид	"	1
Монеты Тюркешей	"	1
Аббасидские фельсы	"	1

Коллекция Б. Н. Кастальского

Согдийские монеты

V—VI вв.	Медь	4
Монеты царей Согда:		
Гурак	"	1
Вузург (?)	"	1
Неизвестный ихшид	"	1
Усрушанские монеты	"	2
Монеты Чача	"	2

Кроме того, в коллекции Самаркандского музея хранятся монеты из городищ Талибарзу, Кулдортепа, Кафиркала, Чилек. Часть монет из этих городищ поступила в Государственный Эрмитаж. Сведения и сообщения о монетных находках на Афрасиабе и его окрестностях имеются в научной литературе, в отчетах Императорской Археологической Комиссии и в разных журнальных статьях. К сожалению, из статей нельзя узнать о местах находок большинства монет, остаются пока неизвестными хранилища, в которые они поступали.

В 1873 г. «Всемирная иллюстрация» сообщила о находке около Самарканда двух медных монет Александра Македонского и нескольких серебряных и медных монет его преемников²³.

В отчетах Императорской Археологической Комиссии за 1897 г. имеются сведения о сасанидской серебряной монете V в., которая была найдена в г. Самарканде²⁴.

Золотой брактеат византийских царей обнаружен в 1899 г. в Самарканде при рытье бадрафа²⁵.

²³ Всемирная иллюстрация, 1873, № 260, СПб., стр. 477.

²⁴ Отчет Имп. Археологической Комиссии за 1897 г., СПб., 1900, стр. 72.

²⁵ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ, вып. XXIII, Гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 97.

В 1902 г. на территории современного Самарканда, на Решетниковой улице при строительстве моста через магистральный арык была найдена кушанская монета, определенная позже М. Е. Массоном как монета безымянного царя²⁶. Другая такая же монета найдена жителем Самарканда Кравцовым²⁷.

В 1911 г. на городище Афрасиаб любитель-нумизмат Г. М. Пономаренко нашел два обола Евкратида (171—155 гг. до н. э.)²⁸.

В 1917 г. Б. Н. Кастальский приобрел в Самарканде у местных жителей ахеменидский дарик²⁹.

В 1920 г. на Самаркандском антикварном рынке М. Е. Массон зарегистрировал золотую монету сасанидского царя Варахрана IV (383—399 гг.)³⁰. По сообщению М. Е. Массона, золотая монета Йездигерда I (399—420 гг.) была приобретена в Самарканде Б. Н. Кастальским³¹. Происхождение ее неизвестно. На местном нумизматическом рынке М. Е. Массону случалось встречать золотые монеты последнего сасанидского царя Йездигерда III (632—651 гг.)³². По его словам, в 1920 г. один из жителей Самарканда показал В. Л. Вяткину 20 сасанидских золотых монет³³. К сожалению, дальнейшая судьба их неизвестна.

В 1926 г. при раскопках могилы на Афрасиабе найден

²⁶ М. Е. Массон. Происхождение безымянного «царя-царей» — великого спасителя, Труды САГУ, новая серия, вып. XI, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 33.

²⁷ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, Труды ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 163.

²⁸ Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба, сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 245.

²⁹ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг., Материалы Узкомстариса, вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 6.

³⁰ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, стр. 96.

³¹ Там же, стр. 96.

³² Археологический и нумизматический рынок в Самарканде по данным отчета М. Е. Массона от 20 февраля 1924 г., Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 272.

³³ М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии с 1917 по 1927 гг., Известия Средазкомстариса, вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 235.

клад из 21 серебряной саманидской монеты Мансура ибн Нуха, чеканенной в Самарканде³⁴.

В 1928 г. при сооружении больницы на территории средневековой мечети Намазгох в Самарканде обнаружено 300 целых и ломаных саманидских дирхемов (2,5 кг)³⁵.

В 1938 г. близ мавзолея Хаджа Данияра на Афрасиабе найдена золотая монета (каталог, 1), выпущенная в подражание солиду византийского царя Юстиниана I (527—565 гг.)³⁶.

М. Е. Массону приходилось встречать на нумизматическом рынке Самарканда золотые и медные монеты византийских царей Юстиниана I и Юстина I³⁷. По его же сообщению, на юге Афрасиаба были найдены «греко-бактрийские медные монеты Евтидема I (около 230—200 гг. до н. э.)»³⁸. В Самаркандском районе на городище Талибарзу в 1938 г. местный колхозник нашел клад согдийских оболлов с изображением лучника на оборотной стороне³⁹. В настоящее время этот клад хранится в Отделе Средней Азии Государственного Эрмитажа. О единичных находках монет самаркандских ихшидов на Талибарзу сообщал Г. В. Григорьев⁴⁰.

Этим ограничиваются сведения о монетных находках на Афрасиабе и в его окрестностях (до 1945 г.), которые нам удалось собрать.

В 1945 г. была организована Самаркандская археологическая база под руководством А. И. Тереножкина, возобновились исследования на городище Афрасиаб. Все монеты, найденные А. И. Тереножкиным на Афрасиабе за 1947—1948 гг., имеют паспорта.

³⁴ Там же, стр. 287.

³⁵ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби, Труды ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 189.

³⁶ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии..., стр. 97.

³⁷ М. Е. Массон. Археологический и нумизматический рынок в Самарканде по данным отчета М. Е. Массона от 20 февраля 1924 г., Известия Средазкомстариса, вып. I, Ташкент, 1926, стр. 272.

³⁸ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, вып. IV, 1950, стр. 158; В. М. Массон. К локализации Согда, Труды САГУ, новая серия, вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 174.

³⁹ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 96.

⁴⁰ Там же, стр. 98.

Монеты из раскопок А. И. Тереножкина хранятся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. Среди них — клад из 20 серебряных монет Сасанида Пероза (459—484 гг.), найденный в хуме в 1948 г. при раскопках жилого здания на левом берегу оврага Хаджа Данияр⁴¹ (каталог, 249—252). В том же здании над зольником обнаружена еще одна сасанидская монета плохой сохранности (каталог, 4). Судя по остаткам изображения на ее лицевой стороне, это дирхем Варахрана V (420—438 гг.).

Среди единичных находок А. И. Тереножкина на Афрасиабе имеются монеты согдийских ихшидов, раннехалифатские и саманидские монеты⁴².

После организации Самаркандского археологического отряда в 1958—1966 гг. монетные находки на Афрасиабе и его окрестностях стали вноситься в общую Инвентарную книгу Института истории и археологии АН УзССР, которую вел В. А. Шишкин. Указывался год, место находки и раскопочный шифр. После смерти В. А. Шишкина общая инвентаризация временно не велась. Большая часть находок монет специально не изучалась.

Первое исследование, специально посвященное монетным находкам на Афрасиабе, появилось в 1961 г.⁴³, второе — в 1964 г.⁴⁴ В них опубликованы монеты хорезмшахов (XIII в.) и Караханидов (XI в.), т. е. монеты, относящиеся к более позднему периоду, чем изучаемый нами.

В 1965 г. Г. В. Шишкина опубликовала сводную таблицу монет, обнаруженных ею при раскопках жилого квартала в

⁴¹ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб, КСИИМК, вып. XXVI, 1951, стр. 136; Т. С. Ерназарова. Монетные находки на городище Афрасиаб в 1947—1948 гг. (из раскопок А. И. Тереножкина), «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», Краткие сообщения и автоаннотации, VI годичная сессия ЛОИВ АН СССР, 1970, стр. 80.

⁴² Т. С. Ерназарова. Монетные находки на городище Афрасиаб в 1947—1948 гг., стр. 81.

⁴³ М. Н. Федоров. Клад медных монет хорезмских дирхемов, обнаруженных на Афрасиабе в 1959 г., Научные работы и сообщения АН УзССР, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 291.

⁴⁴ Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба, ИМКУ, вып. 5, 1964, стр. 112.

западной части Афрасиаба в 1959—1963 гг.⁴⁵ Среди них 10 монет согдийских ихшидов и 14 фельсов аббасидских чиновников. Остальные (большинство) — саманидские и карahanидские фельсы. Некоторого уточнения, на наш взгляд, требует предложенная

Таблица 2

Монеты периода с III в. до н. э. по начало IX в., обнаруженные на Афрасиабе с 1945 по 1969 гг., экз.

Определение монет	Золото	Серебро	Медь
Селевкидские	—	—	1
Кушанские	—	—	1
Сасанидские	—	23	—
Византийские	1	—	—
Согдийские V—VI вв.	—	—	2
Согдо-китайские	—	—	3
Самаркандских ихшидов VII—VIII вв.	—	—	137
Чачского выпуска	—	—	2
Неопределенные согдийские	—	—	1
Омейядские	—	2	—
Аббасидские подражания бухарским драхмам	—	15	—
Аббасидские фельсы	—	—	79
Неопределенные	—	1	—
Итого.	1	41	226

Г. В. Шишкиной датировка слоев по монетным данным⁴⁶. Согдийские монеты первой половины VIII в. обнаружены в кладке стены, датируемой IX в., и в слое X в., тогда как раннехалифатские монеты третьей четверти VIII в. найдены непосредственно в помещениях исследуемого Г. В. Шишкиной жилого комплекса между первым и вторым полом и в завалах помещений. Последнее указывает на то, что помещение, в завале которого были раскопаны аббасидские фельсы, следует датировать не концом IX—началом X в., а второй половиной VIII—началом IX в., в то время как возведение самого здания или его ремонт относятся вероятнее к первой половине того же VIII в.

Последние сообщения о монетных находках на Афрасиабе

⁴⁵ Г. В. Шишкина. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда. Из истории культуры народов Узбекистана, Ташкент, 1965, стр. 32.

⁴⁶ Там же, стр. 34.

Т а б л и ц а 3

**Периодизация монет, найденных на городище Афрасиаб
и в Самаркандском районе**

Время	Монеты, найденные на Афрасиабе	Кол-во	Монеты, найденные или купленные в г. Самарканде и в его окрестностях	Кол-во
Согд в середине первого тысячелетия до н. э.	Не найдено	—	Ахеменидские	3
Согд при Селевки- дах	Селевкидские	1	Селевкидские	5
Согд в составе гре- ко-бактрийского царства	Греко-бакт- рийские	9	Греко-бактрийс- кие	29
Согд после падения греко-бактрийского царства	Согдийские подражания чекану Евти- дема	Не из- вестно	Согдийские под- ражания чекану Евтидема	Не из- вестно
	Кушанские	2	Оболы местного стандарта	29
Согд при эфталитах	Сасанидские	23	Сасанидские	29
	По образцу драхм Варах- рана V (бухар- худатские)	Не из- вестно	Согдийские (V—VI вв.)	5
Согд в составе тюркского каганата	Подражания византийским	1	Византийские	3
			Подражания ви- зантийским	2
	Самаркандских ихшидов	64	Монеты самар- кандских ихшидов	98
Согд в составе арабского халифата	Самаркандских ихшидов	73	Самаркандских ихшидов	13
	Омейядские	2		
	Аббасидские	47	Аббасидские	32

в 1965 г. принадлежат Т. С. Ерназаровой, М. Н. Федорову и Ю. Ф. Бурякову⁴⁷.

Т а б л и ц а 4

Археологическая периодизация Афрасиаба по последним данным

Наслоения	Последние материалы и данные
Середина I тысячелетия до н. э.	Наслоения отмечены в южной части городища возле ансамбля Шахи-Зинда и на западе. Особенно густо были обжиты северные районы Афрасиаба
Согдо-эллинистический период (III—I вв. до н. э.)	Установлено почти сплошное заселение городища
Кушанские (I—III вв. н. э.)	Представлены слабо, замечено ухудшение качества керамики. К концу периода предполагается упадок жизни города
IV—начало V вв.	Город, по-видимому, не выходит за пределы второй стены
Эфталитский период и последующее время до VII в. включительно	Широкое распространение материалов этого времени по всей территории свидетельствует о сплошном заселении города. Монументальные постройки (дворец с росписью)
VIII—начало IX вв.	Представлены слабо. Время наибольших изменений в социальной и этнической жизни (переход феодализма в зрелую стадию и переход тюркских племен к оседлости)

Приводим таблицу монет, обнаруженных на Афрасиабе с 1945—1969 гг. (весенний сезон), для периода с III в. до н. э. по начало IX в. (табл. 2).

⁴⁷ Т. С. Ерназарова. О монетных находках в Афрасиабе в 1965 г., сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 317—319; М. Н. Федоров, Ю. Ф. Буряков. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г., ЭВ, вып. XIX, 1967, стр. 106.

Кроме перечисленных в таблице монет в юго-восточной части Афрасиаба найдено 10 согдийских монет⁴⁸ (монеты утеряны) и клад из 12 монет самаркандского ихшида Шишпира⁴⁹, что составляет вместе с монетами таблицы 290 монет.

Афрасиабский монетный комплекс охватывает длительный период с III в. до н. э. по XIII в. н. э. Рассматриваемая нами его часть — по начало IX в. (810 г.), позволяет, в свою очередь, дать периодизацию монет с Афрасиаба этого периода. Дополнительные материалы — монеты, происходящие из Самарканда и его районов, дают возможность проверить ее.

Предлагаемая периодизация монет с Афрасиаба не имеет существенных расхождений с археологической периодизацией. Она является одной из первых попыток такого рода и, несомненно, в будущем будет уточняться (табл. 3, 4).

Таблицы дают представление об основных этапах денежного обращения древнего Самарканда с поправкой на монеты, выпадающие из монетного комплекса как нехарактерные для городского денежного обращения.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ САМАРКАНДА ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Среди монетных находок древнего Самарканда наиболее ранней является селевкидская медная монета с надписью ANTIOXOY. Ряд ахеменидских дариков, приобретенных у местных жителей, косвенно свидетельствует о том, что ахеменидское золото и серебро проникали на территорию древней Согдианы и, возможно, за Сырдарью, хотя их находки, кроме одного дарика, найденного в Термезе, не отмечены. Один ахеменидский дарик Б. Н. Кастальский приобрел в 1917 г. у жителей Самарканда. Два других дарика были переданы самаркандскими коллекционерами в Государственный Эрмитаж. Один дарик ныне хранится в ташкентском Музее истории народов Узбекистана (инв. № 157/110). Здесь

⁴⁸ И. А х р а р о в. Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба, СА, № 4, 1967, стр. 293.

⁴⁹ М. Н. Ф е д о р о в, Ю. Ф. Б у р я к о в. Эпиграфические и нумизматические находки в Узбекистане, стр. 106.

же хранилась серебряная ахеменидская монета (сикль), которую видел М. Е. Массон в 1921 г.⁵⁰, монета утеряна, местонахождение ее неизвестно.

Трудно определить, каким образом ахеменидские монеты попали в Среднюю Азию. При археологических работах на территории Бактрии, Гандхары и в соседних странах дарик и сикли (персидские) встречаются сравнительно редко. Но эти редкие находки и, главное, наличие местных подражаний и развитие оригинального индийского чекана привели В. М. Массона к выводу, что ахеменидские монеты попадали на эту территорию в качестве денежных единиц⁵¹. Аналогичных данных о роли ахеменидских дариков и сиклей в денежном обращении Согдианы у нас нет. Геродот, правда, сообщает, что согдийцы, как и хорезмийцы, парфяне и арии уплачивали в V в. до н. э. Ахеменидам дань, которая высчитывалась в денежных единицах — талантах⁵². Из этого свидетельства Геродота следует лишь то, что дань взималась в деньгах, но весьма вероятно, что выплачивалась она не деньгами, а различными товарами из расчета стоимости товаров и суммы дани. На Афрасиабе ахеменидских монет не найдено. Из греческих монет встречена лишь медная монета с надписью ANTIOXOY. Но около Самарканда найдены монеты Александра Македонского и его преемников. К сожалению, монеты потеряны, так же утеряна одна монета Александра Македонского, хранившаяся в Самаркандском музее. Вероятнее всего, что монеты Александра Македонского завезены в Согдиану вместе с войсками завоевателя. В дальнейшем Согдиана, как и Бактрия, попав под власть греков, вошла в состав селевкидской империи, а затем греко-бактрийского царства. Памятником этого времени является найденная на Афрасиабе гемма с изображением головы молодого эллина в шлеме. По заключению академиков Б. А. Тураева и

⁵⁰ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., стр. 6.

⁵¹ В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 75.

⁵² Геродот. Соч., т. III, Л., 1972, стр. 92—93.

С. Ф. Ольденбурга, на гемме изображен Александр Македонский⁵³.

До сих пор не установлено, когда начали чеканить собственные монеты Бактрия и Согдиана. Имеется гипотеза, что в первой половине III в. до н. э. в Бактрии, как и в Согдиане, выпускались селевкидские монеты⁵⁴. По мнению В. М. Массона, тип монеты селевкидского царя Антиоха с изображением головы лошади на лицевой стороне, чеканенной им на Востоке, получив в первой половине III в. до н. э. широкое распространение в Согдиане, стал одним из ее первичных монетных типов⁵⁵. Возможно, что вышеупомянутая медная монета с именем Антиоха, найденная к востоку от р. Сиаб у Афрасиаба, представляет один из таких неизвестных типов монет, чеканенных Селевкидами в восточных сатрапиях.

Среди монет, зарегистрированных с 1947 по 1969 гг. на городище Афрасиаб, монет греко-бактрийских правителей не обнаружено. Однако, по словам М. Е. Массона, в южной части Афрасиаба были найдены медные греко-бактрийские монеты, начиная с (первого известного их типа.— Т. Е.) чекана Евтидема (III в. до н. э.)⁵⁶.

Большой клад (100 экз.) серебряных греко-бактрийских монет найден в 1906 г. близ Китаба (Кашкадарьинский оазис). Основную его часть, по сообщению М. Е. Массона, составляли оболы, драхмы и тетрадрахмы Евкратида (II в. до н. э.)⁵⁷. Тетрадрахма Евтидема найдена на городище Варахша. Предел распространения греко-бактрийских монет на севере остается неясным. За Сырдарьей находки греко-бактрийских монет не отмечены.

В. М. Массон установил, что основную массу согдийских монет III—I вв. до н. э. составляли серебряные монеты, причем с середины I в. до н. э. — исключительно мелких номина-

⁵³ А. А. Семенов. Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях, Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 14, Сталинабад, 1957, стр. 143.

⁵⁴ В. М. Массон. Денежное хозяйство в древней Средней Азии, ВДИ, 1955, № 2, стр. 39.

⁵⁵ Там же, стр. 42.

⁵⁶ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 158.

⁵⁷ М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии с 1917 по 1927 гг., стр. 284.

лов. Монеты представлены разными группами, чеканенными по типу тетрадрахм Евтидема, монетами с изображением лучника на оборотной стороне и, так называемой, «группой Гиркода» с изображением на лицевой стороне стоящего божества или протомы скачущего коня, к которой относятся и монеты с лучником⁵⁸. Монеты по образцу тетрадрахм Евтидема выпускались вначале с искаженными греческими надписями (ср. вес. 11,55 г), затем со смешанными надписями: греческими и местными (ср. вес 9,69 г) и, наконец, с местными надписями и портретом местного правителя в тиаре, (вес 9,02—8,7 г)⁵⁹. Постепенное вытеснение искаженной греческой надписи, местной, по заключению В. М. Массона, вероятнее всего происходило на протяжении II в. до н. э. и сопровождалось изменением номинала (аттического стандарта на новый местный)⁶⁰. Известный согдолог В. Б. Хенинг, специально изучавший надписи на этих монетах, установил, что в надписях зафиксированы ярко выраженные элементы согдийского письма (’ и у), позволяющие датировать их второй половиной II в. до н. э. Предложенные чтения трех основных надписей:

- 1) kbst[kβçt] MLK’ — царь Кадфиз (?);
- 2) MR’Y SW — господин SW(?);
- 3) ?MLK’N MLK’,

вероятно, должны выражать имя+титул «царь царей». Чтения нельзя считать окончательными, но все же они фиксируют изменения в местной титулатуре, имевшие место во второй половине II в. до н. э.⁶¹ Еще Э. Друэн относил такие монеты к чекану правителей Согдианы⁶². В. М. Массон связывает их с районами Бухары и датирует «ориентировочно со второй по-

⁵⁸ В. М. Массон. Древнесогдийская монета из собрания Музея истории Академии Наук УзССР, Труды Музея истории УзССР, вып. II, Ташкент, 1964, стр. 88; Он же. Денежное хозяйство древней Средней Азии, стр. 42.

⁵⁹ В. М. Массон. Денежное хозяйство в древней Средней Азии, стр. 46.

⁶⁰ Там же, стр. 41.

⁶¹ W. B. Henning. *Mitteliranisch*, — Abt. I, Bd. IV, Iranistik, Abschnitt I. Linguistik, Leiden—Köln, 1958, S. 26; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, ВДИ, 1964, № 3, стр. 169.

⁶² В. М. Массон. Древнесогдийская монета из собрания Музея истории Академии Наук УзССР, стр. 86.

ловины II в. до н. э. с возможным распространением в начале I в. до н. э.»⁶³

Большой клад этих монет (86 экз.) обнаружен в 1937 г. на тепе Мурда Партоб в 3 км к востоку от Бухары⁶⁴. Единичные находки монет чекана правителей Согдианы зарегистрированы в районе Самарканда⁶⁵ и на городище Афрасиаб⁶⁶. В коллекции Самаркандского музея хранится одна такая монета (инв. № 7716), найденная в местности Шарабудин⁶⁷. Характерные для самаркандского письма буквы ω и Υ в надписях на таких тетрадрахмах связывают их с местными позднейшими монетными выпусками районов Самарканда и, возможно, что выпускались они именно там.

На смену крупным номиналам пришли более мелкие монеты (около 0,3 г) из группы, объединяемой изображением лучника на оборотной стороне. Эта смена произошла в I в. до н. э.⁶⁸ Надписи на монетах с изображением лучника выполнены согдийским раздельным письмом, характерным для самаркандского Согда. Содержание надписей не установлено. К этой новой многочисленной группе монет относятся оболы местного стандарта с изображением на лицевой стороне головы правителя и на оборотной — стоящего лучника, находки которых неоднократно отмечены в долине Зарафшана. Так, клад этих монет найден на городище Талибарзу⁶⁹, единичные находки зарегистрированы в Джизаке⁷⁰, Пенджикенте⁷¹ и в Сазаганском кургане (в 27 км от Самарканда)⁷².

⁶³ Там же, стр. 88.

⁶⁴ Там же, стр. 87.

⁶⁵ Б. Н. Кастальский. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I, ВДИ, № 3, 4, 1940, стр. 347.

⁶⁶ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 159.

⁶⁷ Местность Шарабудин, указанную в инвентарной книге Самаркандского музея, определить не удалось.

⁶⁸ В. М. Массон. Древнесогдийская монета..., стр. 88.

⁶⁹ Г. В. Григорьев. Городище Талибарзу, стр. 96.

⁷⁰ В. М. Массон. Денежное хозяйство в древней Средней Азии, стр. 42.

⁷¹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, ч. I, М., 1963, стр. 56.

⁷² О. И. Обельченко. Сазаганские курганы, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 80. В 1973 г. на Афрасиабе найден большой клад монет из 1500 экземпляров с изображением лучника.

Среди 29 монет талибарзинского клада имеется ряд вариантов, отличающихся деталями оформления под влиянием местных традиций (опущенные носки ног лучника и т. д.) и разной степенью схематизации изображения, которые могут свидетельствовать о длительности обращения монет (см. каталог, 287—315).

Первоначальное изображение стоящего лучника с правой рукой, лежащей на колчане (?), прикрепленном к поясу у правого бока, и с луком в левой руке, постепенно искажается и все более схематизируется, передается разными штрихами, что свидетельствует о разновременности монет. Из этого видно, что монеты клада копились его владельцем в течение длительного времени. Время зарытия клада определяется по позднейшим вариантам монет. Монеты с изображением лучника датируются по-разному, но без учета вариантов типа. В. М. Массон датирует их I в. до н. э.⁷³ О. И. Смирнова, отмечая сходство лучника на монетах с изображением лучника на серебряной чаше из собрания сасанидского серебра Государственного Эрмитажа (Климовская чаша), относит их к более позднему времени⁷⁴.

Первые по времени монетные находки на Афрасиабе после монеты с надписью ANTIOXOY представлены одной монетой поздних кушан и одной кушанской неопределенной. Еще М. Е. Массон отметил находки монет «безымянного царя», т. е. Кадфиза I (I в. н. э.)⁷⁵. Кроме этого, две кушанские медные монеты зарегистрированы на территории Самарканда. Пока остается неясным, можно ли считать эти монеты памятником городского денежного обращения древнего Самарканда. Для городища они имеют значение только датирующего материала, однако, не лишено вероятности, что эти находки позволяют наметить границы распространения кушанских денежных единиц. В долине Зарафшана, кроме Са-

⁷³ В. М. Массон. Древнесогдийская монета..., стр. 88.

⁷⁴ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963, стр. 36.

⁷⁵ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 153.

марканда, кушанские бронзовые монеты обнаружены в Пенджикенте⁷⁶, Пайкенде⁷⁷ и Варахше⁷⁸.

Предполагается, что в V—VI вв. н. э., а может быть и несколько раньше, владения по Зарафшану начинали чеканить свою серебряную монету по образцу сасанидских и приняли новый монетный сасанидский стандарт. Монеты нового стандарта получили в науке название «монет бухархудатов» по титулу правителей Бухары, чеканивших их по образцу серебряных драхм Варахрана V (420—438 гг.) мервского выпуска. Монеты по образцу Варахрана V выпускались с перерывами до VIII в. включительно и позже при арабах, но уже с арабской надписью. На монетах бухархудатов среднеперсидские надписи на лицевой стороне заменяются западно-согдийскими: *rwγ'g γwβ k'w'* (*k'w*)⁷⁹.

На Афрасиабе бухархудатских монет, по-видимому, не найдено. Правда, по архивным данным одна монета бухархудатов была найдена Н. И. Веселовским. В. Л. Вяткин также упоминал о находках таких монет, однако эти монеты могли быть драхмами, чеканенными аббасидскими наместниками по образцу бухархудатских, часто встречающихся на городище. Остается пока неизвестным, чеканились ли в Средней Азии сасанидские монеты где-либо, кроме Мерва.

Многочисленные находки кладов и единичных монет сасанидских царей, начиная от монет Ардашера I (227—241 гг.) до Йездигерда III (632—651 гг.), показывают, что эти монеты длительное время играли определенную роль в денежном обращении Средней Азии. По наблюдениям М. Е. Массона, среди зарегистрированных сасанидских монет в Средней Азии преобладали драхмы Варахрана V (420—438 гг.) и Пероза (459—484 гг.). Судя по монетным находкам Афрасиаба, та-

⁷⁶ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента (по материалам раскопок 1953 г.), КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 97.

⁷⁷ А. Ю. Якубовский. Зеравшанская археологическая экспедиция в 1939 г., КСИИМК, вып. 4, 1940, стр. 51. Одна кушанская монета, найденная в Пайкенде в 1956 г., находится в собрании монет Института истории и археологии АН УзССР, инв. № 5232.

⁷⁸ Е. А. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана, стр. 169.

⁷⁹ W. B. Henning. *Mitteliranisch, Handbuch der Orientalistik*, I Abt., 4 Bd; *Iranistik*, I. Abschnitt 2, «Linguistik», Leiden — Köln, 1958, S. 153. В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов. О древней согдийской письменности Бухары, ВДИ, 1954, № 1, стр. 153—154.

кая же картина была и в денежном обращении Самарканда. В. Л. Вяткин также отмечал находки на Афрасиабе монет последних сасанидских царей⁸⁰. В 1947 г. на Афрасиабе найден клад серебряных монет Пероза разных мест чекана⁸¹. К сожалению, монеты сохранились плохо и только на четырех из них читаются монограммы (каталог, 249—252). Кроме клада в разных местах Афрасиаба найдены две монеты Пероза и одна Варахрана V.

В Самаркандском республиканском государственном музее истории, культуры и искусства УзССР, основная масса монет которого состоит из местных поступлений, серебряные монеты Сасанидов представлены драхмами следующих царей:

<i>Царь</i>	<i>Годы правления</i>	<i>Инвентарный номер</i>
Ардашер I	227—241	83
Шапур I	241—272	184
Хормузд II	303—310	185
Шапур II	310—379	186, 188, 189
Йездигерд I	399—420	190
Варахран V	420—438	191—197
Йездигерд II	438—457	198
Пероз	459—484	199—206
Кавад I	488—531	206—207
Хосров I	531—579	208
Хосров II	590—628	209, 218

Уже из этого списка видно количественное преобладание монет Варахрана V (7 экз.) и Пероза (8 экз.) над другими монетами Сасанидов, найденными в Средней Азии. Единичные находки и клад монет Пероза на городище свидетельствуют о их значительной роли в денежном обращении Самарканда как торгового центра Согда. На монетах Пероза и Варахрана V, по всей вероятности, базировалось денежное обращение Самарканда этого периода.

Монеты Пероза обнаружены также в Бухаре⁸², Джизаке⁸³ и в Пенджикенте.

⁸⁰ В. Л. Вяткин Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 19.

⁸¹ Т. С. Ерназарова. Монетные находки на городище Афрасиаб в 1947—1948 гг., стр. 81.

⁸² М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 гг., стр. 286.

⁸³ Он же. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Труды САГУ, вып. XXIII, кн. 4, Ташкент, 1951, стр. 95.

Золотые и медные монеты Сасанидов из-за редкости их находок нельзя считать характерными для Средней Азии и тем более для денежного обращения Самарканда.

Бухархудатских монет на Афрасиабе до сих пор, видимо, не было найдено. Это обстоятельство кажется странным. Предполагать, что ареал обращения бухархудатских драхм ограничивался бассейном Нижнего Зарафшана, у нас нет оснований, ведь при археологических раскопках Пенджикента, лежащего в 60 км выше Самарканда по Зарафшану, их обнаружено достаточно много⁸⁴. Поэтому вполне вероятно, что находки их будут иметь место и на Афрасиабе. Отсутствие кладов бухархудатских монет не только на Афрасиабе, но и на других городищах Зарафшанской долины при огромном количестве кладов монет Пероза отмечается всеми исследователями. Возможно, монеты типа сасанидских предназначались для внешней торговли так же, как и позднее самаркандское и бухарское серебро.

Роль византийского золота и серебра в денежном обращении Самарканда и Согда в целом остается неясной. На Афрасиабе найдена одна золотая монета (каталог, 1), выпущенная в подражание полусолидам византийского царя Юстиниана I (525—565 гг.). Византийские золотые монеты отнюдь не редкость для Средней Азии, их находили в древнем Таразе⁸⁵, Андижане⁸⁶ и Чилеке⁸⁷. Но эти данные не позволяют судить о том, какую роль играли византийские монеты в денежном обращении Самарканда и в других владениях Средней Азии.

По мнению М. Е. Массона, византийские монеты были привезены эфталитами из Ирана после их победы над Перозом, а также проникли с христианскими миссионерами⁸⁸.

Во внутренней торговле Согда (розничной) преобладали медные монеты. Медные согдийские монеты самаркандского выпуска с полной уверенностью могут быть отмечены не ранее чем для V в. н. э. О. И. Смирнова выделила

⁸⁴ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, ч. I, № 7—11.

⁸⁵ В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР, САИ, Е4—4, 1962, стр. 51.

⁸⁶ Там же, стр. 47.

⁸⁷ Там же, стр. 51.

⁸⁸ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, стр. 96.

группу самаркандских древнесогдийских бронзовых монет, которые объединяются У-образным знаком на оборотной стороне. К ним относятся монеты с этим знаком и монеты других серий с фасовым изображением голов на лицевой стороне, с тем же знаком и согдийскими надписями, содержащими титул $\gamma w \beta w$ и имя (?). Эти монеты известны по пенджикентским монетным находкам и монетным коллекциям музеев.

На Афрасиабе после 1947 г. найдена лишь одна такая монета—анэпиграфная (каталог, 26). По сообщению В. Л. Вяткина, такие древнесогдийские монеты были найдены во время его раскопок на Афрасиабе, он назвал их «монетами с буквой У». Судя по их краткому описанию в работе В. Л. Вяткина⁸⁹, они должны быть отнесены к числу древнесогдийских, анэпиграфных и др. В собрании Самаркандского музея хранятся семь анэпиграфных монет с У-образным знаком и древнесогдийские монеты, на которых знак сопровождается согдийскими надписями. Такие же монеты с фасовыми изображениями хранятся в нумизматическом отделе Государственного Эрмитажа.

В 1969 г. на Афрасиабе найдена уникальная монета (каталог, 27), которая по всем признакам должна быть отнесена к группе древнесогдийских монет. На ее лицевой стороне изображена голова божества *en face* (?) в уборе или в прическе, закрывающей уши. Веки глубоко посаженных глаз переданы двумя изогнутыми штрихами, нос прямой и крупный, подбородок округлый, щеки и высокие скулы переданы одним подковообразным валиком. Справа от лица против щеки следы стершегося мелкоточечного ободка. На оборотной стороне надпись, содержащая широко распространенный в VII—VIII вв. титул $\gamma w \beta w$. К сожалению, монета сохранилась плохо, сильно потерта, имеются значительные дефекты литья, до новых находок надпись на ней восстановить полностью невозможно. Других древнесогдийских медных монет на городище пока не обнаружено.

Наиболее полная картина денежного обращения Самарканда выявляется к началу VII в. М. Е. Массон считал, что

⁸⁹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 19.

второй этап в денежном обращении Средней Азии проходил со второй половины V в. до начала VIII в., а с начала VIII в. наступил третий этап, продолжавшийся до XI в. (до серебряного кризиса)⁹⁰. К иному выводу пришла О. И. Смирнова, считая, что начало нового этапа в денежном обращении Согда приходится на рубеж VI—VII вв. и охватывает вторую половину VII и первую половину VIII вв. Наш монетный материал подтверждает мнение О. И. Смирновой⁹¹.

О. И. Смирнова установила, что в первой половине VII в., по-видимому, во второй его четверти, самаркандские цари начали выпускать бронзовые монеты, форма которых была заимствована у китайских монет. Первоначально воспроизводился полный тип монет танской династии, затем на оборотной стороне появляются отдельные знаки и надписи согдийским письмом, однако лицевая сторона еще воспроизводит китайский образец (см. каталог, 29, 30). Затем местные элементы полностью вытесняют китайскую надпись. Таким образом появился следующий тип бронзовых согдийских монет — самаркандских с именем и титулом самаркандских царей. Они составляют основную группу монет из городища. Имена на монетах самаркандских царей читали А. А. Фрейман (Тархун, Гурак) и О. И. Смирнова (Шишпир, Авархуман или Вархуман, Мастан-Авйан или Мануштан, Тукаспадак, Тургар). Ниже представлены находки на Афрасиабе монет всех этих самаркандских царей:

<i>Царь</i>	<i>Время правления</i>	<i>Количество найденных монет</i>
Шишпир	Не позже 642—655 гг.	28
Вархуман	650—655—не позже 690 г.	5
Тукаспадак	696—698 гг.	6
Мастан-Авйан (Мануштан)	698—700 гг.	12
Тархун	700—710 гг.	21
Гурак	710—738 гг.	10
Тургар	738—750 гг.	17
Вузург (?)	VII в.	4
Неизвестный ихшид (Укк?)	Конец VII—начало VIII вв.	10

⁹⁰ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, стр. 99—101.

⁹¹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 48.

Подражания
монетам ихши-
дов (монетам
Гурака)

Первая половина VIII в.

6

Среди монет самаркандских ихшидов количественно преобладают монеты Шишпира, Тархуна и Тургара (типа Б) с дополнительным знаком в виде полукружья (лунки).

Необходимо отметить, что среди монетных находок Пенджикента 1947—1956 гг. имеются 33 монеты царя Тургара более раннего времени (типа А)⁹². Находки таких монет на Афрасиабе не зарегистрированы, в районе Самарканда найдена только одна монета (каталог, 274).

Неясными остаются имена двух царей Самарканда — Вузурга(?) и неизвестного правителя Укк(?). Б. И. Маршак относит монеты Вузурга к VII в.⁹³ К первой половине VII в. их относит и О. И. Смирнова.

Монеты неизвестного правителя датируются по мугскому археологическому комплексу концом VII—началом VIII вв. В. А. Лившиц предлагает читать надпись как «Урка Вартармука» и датирует монеты по археологическому комплексу городища Токкала последней четвертью VII в.⁹⁴

Подражания монетам Гурака, найденные на Афрасиабе, возможно, выпускались от имени самого Гурака (710—738 гг.), т. к. на них сохранилось имя Гурака и один из его знаков (каталог, 133—138).

Монеты ихшидов, как показывает их абсолютное количественное преобладание среди находок на городище, должны были полностью обслуживать местную торговлю в VII — первой половине VIII вв. Вес и размер их сильно колеблются как внутри выпусков одного и того же царя, так и в пределах разных выпусков VII—VIII вв.; ясно выражена тенденция к понижению веса⁹⁵.

⁹² О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, № 164—197.

⁹³ Б. И. Маршак, Я. К. Крикис. Чилекские чаши, Труды Гос. Эрмитажа, т. X, Л., 1969, стр. 58.

⁹⁴ А. В. Гудкова, В. А. Лившиц. Новые хорезмские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «Хорезмской эры», Вестник ККФАН УзССР, вып. I, Нукус, 1967, стр. 5.

⁹⁵ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III, М.—Л., 1958, стр. 269, 270.

Засырдарьинские медные монеты и другие единичные находки на Афрасиабе не характерны для денежного обращения Самарканда. На Афрасиабе зарегистрированы две монеты Чача (каталог, 165—166) и одна неопределенная монета с изображением коня (каталог, 167).

По коллекциям Пенджикента и эрмитажному собранию теперь известны 5 серебряных монет царя Тургара (738—750 гг.), выпущенных по образцу бухархудатских монет и отчеканенных разными штемпелями (табл. 5). Но в Самарканде и в его окрестностях их не обнаружено. По мнению А. М. Беленицкого, эти дирхемы выпускались от имени его отца Гурака, в то время когда Тургар был правителем Кабудана, т. е. до 738 г.⁹⁶

С появлением арабов в Средней Азии распространяются арабские дирхемы. Судя по смешаннымкладам, находимым в Средней Азии, арабские дирхемы играли определенную роль в денежном обращении 50-х годов VIII в., а возможно и в первой четверти VIII в.

В нашем распоряжении имеются три клада смешанных дирхемов. Один из них найден в 1915 г. близ станции Гузар. В составе этого клада имеется один дирхем 86/705 г., выпущенный в Васите, остальные три — аббасидские дирхемы 793—799 гг.⁹⁷

Второй клад найден в 1962 г. в Пенджикенте. В клада было 6 омейядских дирхемов, чеканенных в Дамаске в 85/704 г., Васите в 90/708 г. и 91/708 г., Кирмане в 90/708 г., Истахре в 91/709 г. и Ал-Бабе в 117/735 г.⁹⁸ Остальные 12 монет клада — бухарские драхмы. Из них пять — так называемого «промежуточного типа» и одна — согдийская, царя Тургара (738—750 гг.), последние 6 монет относятся к Аббасиду ал-Махди в бытность его наместником Хорасана, т. е. монеты отчеканены до 775 г., когда он стал халифом. Вероятнее всего, клад был спрятан не позже 775 г. и не ранее того време-

⁹⁶ А. М. Беленицкий. Клад серебряных монет из Пенджикента, ЭВ, вып. XVII, 1966, стр. 99.

⁹⁷ Б. В. Лунин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана, стр. 191.

⁹⁸ А. М. Беленицкий. Клад серебряных монет из Пенджикента, стр. 92.

ни, когда будущему халифу Аббасиду Мухаммеду был присвоен почетный титул ал-Махди.

Третий клад найден в Южном Таджикистане, к сожалению, место нахождения не указано⁹⁹. Клад состоит из 400 монет. Самая ранняя дата на осмотренных монетах халифов (около 180 экз.)—80/699—700 гг., самая поздняя—133/750 г. Кроме омейядских и аббасидских дирхемов в кладе имеются «бухархудатские» монеты с непрочитанными надписями.

В VIII в. в основе денежного обращения Средней Азии лежали серебряные монеты, чеканившиеся по образцу монет Варахрана V.

Больше всего на Афрасиабе и его окрестностях найдено аббасидских драхм, выпущенных по местному образцу с надписью *المهدي* (каталог, 7—15). Относительно их датировки существуют разные мнения.

Дж. Уокер считает, что они выпускались в то время, когда ал-Махди был наместником в Хорасане (754—775 гг.)¹⁰⁰.

По мнению М. Е. Массона они принадлежат чекану ал-Махди в бытность его халифом, т. е. после 775 г. О. И. Смирнова предполагает, что такие монеты чеканились только во время наместничества ал-Махди в Хорасане и Мавераннахре¹⁰¹.

На Афрасиабе найдено шесть дирхемов, чеканенных по одному образцу с монетами других аббасидских наместников Хорасана с круговой арабской надписью, содержащей, как полагают, имя халифа ал-Амина (809—813 гг.). Вес дирхемов колеблется от 1,36 до 2,8 г.

Клад таких же монет был найден в начале XX в. на горо-

Т а б л и ц а 5

Монеты Тургара		
Вес монеты	Диаметр, мм	Место хранения
2,97	26	ГЭОН
2,95	26	Пенджикентское собрание
2,90	24	•
2,65	26	•
2,50	27	•

⁹⁹ Е. А. Давидович. Клады восточных монет, найденные в 1964—1965 гг. на территории Таджикистана, ЭВ, вып. XIX, 1969, стр. 111.

¹⁰⁰ A. A. Walker. Catalog of the Arab-sasanian coins, London, 1941, p. XC.

¹⁰¹ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, стр. 46—47.

дище близ Пенджикента¹⁰². Надписи на монетах клада получили разное истолкование. Некоторые исследователи считают, что монеты выбиты наместником халифа ал-Махди амиром Али (сыном) Сулеймана. А. К. Марков и Аллот де ля Фю считали, что в надписи на монетах слово «ибн» (сын) пропущено. Того же мнения придерживается М. Е. Массон¹⁰³. Иначе читает эту надпись Дж. Уокер: вместо титула *الامير* -ал-Амир — имя *الامين* -ал-Амин, т. е. имя халифа Амина (809—813 гг.), за которым следует, по его мнению, имя чиновника Али Сулеймана Лиллаха.

М. Е. Массон предположительно идентифицирует их с «дирхемами мухаммадия» и относит их чекан к правителю Самарканда Али Сулейману¹⁰⁴. Повторяющиеся находки таких монет на Афрасиабе позволяют отнести их с большей вероятностью к самаркандскому чекану. Сравнение штемпелей показало, что две монеты (каталог, 20, 21) отчеканены одним штемпелем, четыре — разными (16—19), что указывает на их большой выпуск.

Возможно, что одновременно с дирхемами аббасидских наместников в Самарканде обращалось аббасидское серебро общехалифатского чекана (ср. вес 2,97 г). М. Е. Массон датирует первый по времени дирхем Аббасидов, отчеканенный в Самарканде, 150/767 годом, в Бухаре — 148/755 годом, причем чекан обоих пунктов представлен после большого перерыва: первый с 790 г., второй с 808 г.¹⁰⁵ Он приходит к выводу, что «судя по редкости находок на территории Средней Азии арабских дирхемов общехалифатского чекана других областей государства, можно полагать, что они до самого конца VIII в. не вошли здесь в широкий обиход»¹⁰⁶.

Один дирхем чеканки 150/767 г. самаркандского монетного двора отмечен К. С. Торнбергом и В. Г. Тизенгаузен¹⁰⁷. Но А. А. Быков, специально занимавшийся этой монетой, пришел к выводу, что дата и город прочитаны на ней Торнбергом

¹⁰² М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби. стр. 183.

¹⁰³ Там же, стр. 175.

¹⁰⁴ Там же, стр. 193.

¹⁰⁵ Там же, стр. 186, 187.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ В. Г. Тизенгаузен. Монеты Восточного Халифата, стр. 82, № 793.

неправильно: на монете стоит дата 108 г. х. и обозначение места чеканки Сарканд (سرقند) вместо Самарканд, и относит ее к хазарскому чекану¹⁰⁸. До находки и изучения состава кладов соответствующего времени решить этот вопрос нельзя.

К 1969 г. нам были известны самаркандские дирхемы общехалифатского чекана следующих годов: 150/767 (спорный дирхем), 174/791, 181/798, 183/800, 185/801, 190/805, 191/807, 192/808, 193/809, 194/810, 195/811, 196/812, 197/813, 198/814, 199/815, 200/816, 201/817, 202/818, 203/819, 204/820, 205/821, 208/824, 209/824¹⁰⁹.

Медную (разменную) монету Бухара начинает выпускать с 138/755 г., а Самарканд — с 143/760 г. В надписях фиксируется имя аббасидского чиновника — представителя арабской власти в Самарканде (амиля или амира), имя наместника и выпускные данные. Фельс Самарканда 143/760 г. отчеканен от имени амира Дауда, сына Гураза. На Афрасиабе этих фельсов пока не обнаружено, тогда как среди монет, найденных на городище Пенджикента, за время раскопок 1947—1956 гг. их найдено 16 экз. До пенджикентских находок был известен только один такой фельс из коллекции монет нумизматического Отдела Государственного Эрмитажа (инв. 2842/56).

Следующие по времени фельсы, отчеканенные в Самарканде принадлежат ал-'Ашасу, сыну Йахйя (144/761 г.). Под символом веры на них воспроизводился знак согдийских ихшидов (рис. 4, 9). Фельсов ал-'Ашаса на Афрасиабе, так же как и в Пенджикенте, найдено много (каталог, 168—180).

Монеты самаркандского чиновника Хамзы, сына Амра, отчеканены в 153/770 г. На Афрасиабе они найдены в небольшом количестве. Известны фельсы, отчеканенные в Самарканде в 172/789 г. от имени Мухаммеда (185/802 г.) и Саида,

¹⁰⁸ А. А. Быков. О хазарском чекане VIII—IX вв., Труды Гос. Эрмитажа, вып. XII, Л., 1971, стр. 28.

¹⁰⁹ А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа, 582, 593, 608, 633, 633 а, 640, 666—668, 694, 695, 705, 713, 722, в. 877; В. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата, СПб, 1873, № 799, 836, 1185, 1309, 1385, 1516, 1534, 1535, 1556, 1558, 1570, 1580—1582, 1605, 1608, 1620, 1634—1639, 1651, 1652, 1679, 1680, 1696, 1708—1710, 1725, 1730, 1743, 1744, 1776, 1778, 2836, 2844.

сына Джафара. Фельс Джафара был отмечен В. Тизенгаузен¹¹⁰.

Самаркандские фельсы общехалифатского чекана известны для следующих годов: 143/761, 144/762, 153/770, 172/789, 185/801, 205/821¹¹¹.

Приводим список арабских чиновников, чеканивших фельсы от своего имени в Самарканде:

<i>Имя наместника в Хорасане</i>	<i>Имя эмира Самарканда</i>	<i>Год выпуска фельсов</i>	<i>Кол-во найден- ных монет</i>
Мухаммад ибн амир ал-муминина	Дауд ибн Гураз	143	—
Ал-Мухаммад амир ал-муминина	Ал-'Ашас ибн Йахйа	144	14
Ал-Махди и Хумаид ибн			
Кахтаба	Хамза ибн 'Амра	153	8
Не прочитано из за плохой сохранно- сти монеты	Джафар ибн	172	—
	Мухаммад	185	1
	Саид ибн Джафар		
Гассан ибн Аббад	Не обозначено	205	18

Среди монет, найденных на Афрасиабе, имеется семь фельсов, на лицевой стороне которых круговая легенда содержит изречение из 32-го стиха IX суры Корана. Все семь фельсов очень плохой сохранности, имя чиновника, наместника и выпускные данные не сохранились (каталог, 210—217). Фельсы, чеканенные аббасидскими чиновниками после 185/801 г., в Самарканде не обнаружены. Последующий медный чекан Самарканда, по нашим данным, представлен после значительного перерыва в 20 лет фельсами аббасидского наместника Хорасана Гассана ибн Аббада, назначенного наместником в 204/819—820 гг. и смещенного в следующем 205/821 г.¹¹² Все известные его монеты отчеканены в 205/821 г., т. е. в год, когда он был смещен со своей должности. Вместо него был поставлен Тахир ибн Хусейн, ставший в том же 205/821 г. наместником Хорасана. Выпуск

¹¹⁰ В. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата, стр. 129. № 1164.

¹¹¹ А. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа, 56, 566 а, 587 а; О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, № 815—902, 916—989.

¹¹² В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963, стр. 267.

медных монет Гассана, видимо, был довольно значительным, т. к. только на Афрасиабе их найдено 17 экземпляров и все 17 отчеканены разными штемпелями. Две монеты Гассана хранятся в Самаркандском музее (инв. 254—255), две — среди монет Государственного Эрмитажа (инв. 2954—2955) и одна — в Ташкентском музее (инв. 153/80).

Бухарские медные монеты попадаются исключительно редко. Их найдено всего две, из них одна отчеканена в 151/768 г., другая — в 166/768 г.

Ареал распространения фельсов Самарканда, чеканенных от имени аббасидских чиновников во второй половине VIII в., был, по-видимому, достаточно широк, хотя и значительно уже, чем у монет ихшидов.

На городище Афрасиаб найдены селевкидские, кушанские, сасанидские, византийские, согдийские, омейядские и аббасидские монеты, не считая находок, не характерных для городища. Разнообразие монет лишний раз подтверждает слова К. Маркса о том, что «деньги в качестве монеты, как и в качестве счетных денег, приобретают местный и политический характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры»¹¹³.

На Афрасиабе найдена всего одна монета Тахиридов, выпущенная Мухаммедом, сыном Тахира (248—259/862—873). К сожалению, год и место чеканки на монете не сохранились. В коллекции Государственного Эрмитажа имеется только одна монета Тахиридов, отчеканенная в 210/825 г. в Самарканде (инв. 3046). В нижних районах Зарафшана их найдено значительно больше. Только на Варахше найдено 26 монет¹¹⁴.

Совершенно иную картину дает регистрация саманидских монет, обнаруженных на Афрасиабе. С 1947 г. на городище найдено 136 медных саманидских монет. Есть они и в составеклада караханидских монет. Клад саманидских монет обнаружен В. Л. Вяткиным в 1929 г. Количественное преобладание монет Саманидов на Афрасиабе и в его окрестностях по сравнению с монетами предшествующих периодов совершенно очевидно. Этот факт свидетельствует о значительных сдвигах в экономической жизни города. В свое

¹¹³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 13, М., 1959, стр. 90.

¹¹⁴ А. Е. Давидович. Неопубликованные монетные находки на территории Таджикистана, стр. 169.

время Н. И. Веселовский отмечал: «Изобилие монет Саманидов на городище показывает, что жизнь на Афрасиабе в период этой династии (с I половины IX по X в.) была в полном разгаре»¹¹⁵. Не исследуя специально этот материал, мы отмечаем, что это обстоятельство фиксирует определенный рубеж в экономической жизни края и подчеркивает значение Самарканда как важнейшего торгового центра.

Изучение денежного обращения Самарканда было бы не полным, если мы не попытались, хотя бы в общих чертах, наметить торговые связи Самарканда по данным монет до появления арабов в Средней Азии.

С V в., а возможно и раньше, Средняя Азия начинает чеканить монеты в подражании сасанидским. Но кладов домусульманских серебряных монет, так называемых бухархудатских, на Афрасиабе не обнаружено, а имеющиеся смешанные клады бухархудатских и арабских монет, за редким исключением, не изданы. Находки монетных кладов Пероза зарегистрированы М. Е. Массоном по всей долине Зарафшана¹¹⁶. К сожалению, описаний этих кладов в литературе не имеется и о их составе мы, как правило, судить не можем, следовательно, не можем установить конкретные связи Согда и Самарканда с определенными городами Ирана. Единственный клад, о составе которого мы можем судить, найден на Афрасиабе в 1947 г. На четырех его монетах сохранились монограммы, считающиеся сокращенной передачей названия места, где была выпущена данная монета:

АТ или АМ — Атрапагакан или Амул,
АМ — Амул,
АС — Аспахан,
АИ — Аиран.

В Самаркандском музее имеется одна монета Пероза с монограммой АИ, найденная в Самарканде. Вторая монета Пероза с такой же монограммой найдена на Афрасиабе (каталог, 2)¹¹⁷. Из установленного значения монетных монограмм следует вывод, что монеты, найденные на Афрасиабе,

¹¹⁵ Сообщение Н. И. Веселовского о раскопках на Афрасиабе, близ Самарканда, ЗРАО, т. II, 1887, стр. ХСУ.

¹¹⁶ М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии с 1917 по 1927 гг., стр. 286; Он же. К вопросу о взаимоотношениях..., стр. 99—100; Он же. К вопросу о «черных дирхемах», стр. 175, 196.

¹¹⁷ Т. С. Ерназарова. О монетных находках на Афрасиабе, стр. 327.

были выпущены в Атрапатакане, Амуре, Аспахане и Аиране. Последние названия, по мнению большинства исследователей, обозначают столицу Ирана.

Из приведенного материала видно, что монетные данные для суждения о внешних торговых связях Самарканда в VI—VII вв. крайне скудны. В некоторой степени этот пробел восполняют находки согдийских серебряных сосудов. К сожалению, не все сосуды выделены из общей массы «сасанидского серебра», среди которой имеются и сосуды чачского, хорезмского изготовления¹¹⁸. Критерием определения места изготовления служили, за редким исключением, надписи на сосудах. Часть этих сосудов происходит из кладов вещей и монет. Согласно данным А. К. Маркова, в бывшей Пермской губернии, в имении графа С. Г. Строганова, на берегу Камы в 1846 г. найден серебряный сосуд с изображением четверорукой женщины в короне, окруженной неизвестной надписью. Вместе с сосудом найдены 11 серебряных монет сасанидских царей Йездигерда II (438—457), Кавада I (488—531) и Хосрова II (590—628 гг.)¹¹⁹. Последними исследованиями выяснено, что этот сосуд среднеазиатского происхождения. Другой клад восточных вещей и 12 монет сасанидских царей найден в той же губернии, в Чердинском уезде¹²⁰. Обнаруженные смешанные клад из серебряных сосудов и сасанидских дирхемов дали основание А. К. Маркову предполагать о более ранних связях России с домусульманским Востоком¹²¹.

Близ деревни Шестаково Красноуфимского уезда Пермской губернии найден клад из одной бактрийской, десяти византийских монет царя Ираклия и его сына Константина, чеканенных в 613—641 гг., и десяти сасанидских монет, самые ранние из которых принадлежат чекану Пероза (459—484 гг.), поздние — Варахрану VI (590—591 гг.)¹²². Возможно, что византийские монеты попали в район Перми через Сред-

¹¹⁸ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи, СПб., 1909.

¹¹⁹ А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических), СПб., 1910, стр. 30.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же, стр. 11.

¹²² Там же, стр. 30.

нюю Азию, начиная с V в., а наибольший прилив их относится к VI в.¹²³

Среди восточного серебра выделены сосуды согдийского, хорезмийского и чачского происхождения¹²⁴. Сосуды с согдийскими надписями обнаружены в основном в разных деревнях бывшей Пермской губернии¹²⁵. Один такой сосуд найден в Страбольском уезде Харьковской губернии. Среднеазиатские серебряные сосуды с хорезмийскими надписями обнаружены в пределах той же Перми¹²⁶.

Многочисленные находки согдийских и хорезмийских серебряных сосудов и в районе Перми показывают, что здесь располагался перевалочный пункт одного из древних торговых путей, ведущих из Средней Азии (или через нее), а точнее, из средневекового самаркандского Согда через Хорезм и Пермь к Белому морю. В трех местах близ Архангельска, Мезени и Пустоозерска, судя по найденным тамкладам восточного серебра, имелись фактории среднеазиатских купцов.

О том, что близ современной Перми находился крупный перевалочный пункт на пути к Белому морю, свидетельствует ряд находок кладов восточного серебра в ее ближайших окрестностях. В дальнейшем, по-видимому в XI в., завоз восточного серебра в северные районы прекращается.

С приходом арабов отмечается поступление их серебряных монет в Среднюю Азию. Полагают, что Омейяды не имели своих монетных дворов в Средней Азии. Омейядские монеты этого времени встречаются вкладах бухархудатских и аббасидских монет. Вкладе из Пенджикента представлены монеты городов Дамаск, Васит, Керман, Истахр, Ал-Баб¹²⁷,

¹²³ М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, стр. 98.

¹²⁴ W. B. Henning, R. W. Frye. Additional Notes on the Early Coinage of Transoxiana, II, «The American Numismatic Society. Museum Notes», VII, 1957; W. B. Henning. Iranistik — Handbuch der Orientalistik, Bd. 4..., pp. 52—54; В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, ВДИ, 1964, стр. 159, 165, 170.

¹²⁵ Я. И. Смирнов. Восточное серебро..., XIV, 36; XXV, 53; XXX, 58; XI, 71—72; СХХII, 303.

¹²⁶ В. А. Лившиц, В. Г. Луконин. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, стр. 160.

¹²⁷ А. М. Беленицкий. Клад серебряных монет из Пенджикента, стр. 92.

а в составе клада, найденного в Южном Таджикистане, — монеты городов Ардашир-хурра, Армания, Истахр, Басра, Таймера, Джонди-Сабур, Дарабаджирд, Дамаск, Седжистан, Суррак, Суз, Сукал-Ахваз, Керман, Куфа, Махи, Теназир, Мерв, Васит, Нехр-Тира¹²⁸. Столь широко представленный состав кладов можно объяснить тем, что среди участников похода были представители разных городов и областей арабского халифата. На Афрасиабе обнаружены два дирхема Омейядов, чеканенные в Дамаске: один в 84/703 г., другой в 92/709 г.

Топография находок медных монет Самарканда указывает на широкий ареал их распространения в раннем средневековье (табл. 6, 7). По ним можно наметить торговые связи Самарканда в VIII—IX вв. Серебряные монеты Самарканда, выпущенные в разные годы, имеются в кладах, найденных на территории России, Кавказа и Западной Европы. В составе этих кладов преобладают самаркандские дирхемы. Так, в кладе, найденном в Толчинском р-не Орловской обл., монет из Самарканда 32, Чача — 10, Бухары — 1¹²⁹. В другом кладе, найденном около хутора Шумилова Новгородской обл., монет из Самарканда 76, Чача — 45, Бухары — 4¹³⁰ (табл. 6).

Среди монет саманидских кладов господствуют дирхемы Бухары. Последнее обстоятельство является неплохой иллюстрацией к известному историческому факту перенесения столицы Саманидов из Самарканда в Бухару, когда она становится политическим и экономическим центром Средней Азии.

Таким образом, собранный нами нумизматический материал Самарканда (до начала IX в.) позволяет сделать следующие выводы:

1. Монетные находки древних периодов (до VI в. н. э.) очень редки и не могут с достаточной полнотой осветить вопрос о денежном обращении Самарканда.

К наиболее ранним относятся монеты, выпущенные в

¹²⁸ Е. А. Давидович. Клады восточных монет, найденные в 1964—1965 гг. на территории Таджикистана, стр. 111.

¹²⁹ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 4, Баку, 1949, стр. 94, № 1306.

¹³⁰ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. 9, Баку, 1966, стр. 111, № 2159.

подражание чекану Евтидема (II в. до н. э.). Место их выпуска остается неизвестным. На смену этим крупным номиналам (серебряным и медным) в I в. н. э. (датировка В. М. Массона) приходят мелкие монеты местного стандарта (серебро и медь) с изображением лучника. Многочисленные варианты монет говорят о том, что этот тип выпускался и был в обращении длительное время. Место чеканки этих монет так же неизвестно, возможно, что их выпускал главный город Согда того времени.

2. В III в., с появлением династии Сасанидов в Иране, на территорию Средней Азии начинает проникать сасанидское серебро. В V—VI вв. (а может быть и несколько раньше) владения, расположенные по Зарафшану, стали чеканить свои серебряные монеты по образцу сасанидских. Эти монеты получили в науке название «монеты бухархудатов», по титулу владетелей Бухары, чеканивших их по образцу серебряных драхм Варахрана V (420—438 гг.) мервского выпуска. Монеты по образцу Варахрана V выпускались с перерывами до VIII в. включительно и позднее, при арабах, но уже с арабской надписью. Отсутствие ранних монет этого типа на Афрасиабе и в его окрестностях показывает, что они, возможно, предназначались для внешней торговли.

Судя по находкам на Афрасиабе и в долине Зарафшана огромного количества монет выпуска 459—484 гг., можно думать, что они должны были участвовать в денежном обращении Самарканда.

Роль византийских монет в местном денежном обращении остается невыясненной. Как известно, медные монеты Варахрана V и Пероза в Самарканде не обнаружены. Судя по знаку, к этому времени следует отнести немногочисленную группу так называемых «древнесогдийских» медных монет самаркандского выпуска.

3. В первой половине VII в. самаркандские цари стали выпускать бронзовые монеты, форма которых была заимствована у китайских монет. Первоначально воспроизводится полный тип монет танской династии, затем на оборотной их стороне начали появляться отдельные знаки и надписи согдийским письмом. Со временем местные элементы полностью вытесняют китайскую надпись и на лицевой стороне. Таким образом, появился следующий тип бронзовых согдийских монет — самаркандских с именами и титулами самаркандских царей.

4. Монеты типа фельсов «дихкана Кеша» для самаркандских ихшидов неизвестны. Чекан самаркандских чиновников от имени аббасидских наместников, начинающийся с 143 г. х., прекратился, по нашим наблюдениям, с приходом к власти династии Тахиридов (205 г. х.).

5. Количественное преобладание монет саманидских правителей на городище Афрасиаб и в его окрестностях, по сравнению с монетами предшествующих периодов, свидетельствует о значительных сдвигах в экономической жизни города и подчеркивает значение Самарканда как важнейшего торгового центра Мавераннахра.

6. Торговые связи Самарканда до арабского завоевания, возможно, имели форму натурального обмена (вывоз серебряных изделий в обмен на товары, доставляемые с севера, например, на пушнину). Находки бронзовых монет самаркандских ихшидов за пределами Согда немногочисленны, по-видимому, они предназначались для внутреннего обращения.

С другой стороны, находки в Самарканде монет соседних владений (Кеш, Нахшеб, Бухара) вообще отсутствуют или очень редки (Шаш). Эти факты свидетельствуют о том, что бронзовые монеты имели местное значение; однако не исключено, что обмен велся и в натуральной форме, объем которого, по нашим источникам, определить невозможно. Вполне вероятно, что например, из долины Кашкадарьи доставлялись зерно, скот и другие предметы сельского производства в обмен на ремесленные изделия, которыми славился Самарканд. Слабость денежного обеспечения торговли можно объяснить феодальной раздробленностью Согда в этот период.

7. Со второй половины VIII в., когда Согд был включен в состав арабского халифата положение меняется. Монеты самаркандского чекана этого периода встречаются в монетных кладах, найденных на обширных территориях вплоть до Западной Европы, что говорит о развитии международного торгового обмена. В кладах, найденных вне Средней Азии, среди других среднеазиатских серебряных монет (Шаша, Бухары) преобладают самаркандские дирхемы, что является признаком подъема торгово-ремесленной деятельности Самарканда в это время.

8. Для нужд внутреннего рынка чеканились медные фельсы, выпускавшиеся сначала аббасидскими наместниками Самарканда, а позже — Тахиридами и Саманидами.

**Топография находок медных монет самаркандских ихшидов
VII—VIII вв.**

Имя правителя	Время правления (н.э.)	Место находок	Кол-во	Публикация или место хранения
Шишпир	642—655(?)	Городище Пенджикент	10	Смирнова. Каталог..., 31—40
Вархуман	655—696	Чилек	1	СМ, без номера
		Городище Пенджикент	93	Смирнова, Каталог..., 41—134
Тукаспадак	696—698	Чилек	4	СМ, без номера
		Городище Пенджикент	2	Смирнова, Каталог..., 135—136
"	"	Городище Варахша	1	Коллекция Ин-та археологии АН УзССР, инв. 2019
Мастаң-Авйан	698—700	Городище Пенджикент	7	Смирнова, Каталог..., 137—143
	689—700	Чилек	1	СМ, без номера
Тархун	700—710	Городище Пенджикент	17	Смирнова, Каталог..., 144—160
"	700—710	Городище Кумсултон	1	Коллекция Ин-та археологии АН УзССР, инв. 5091
"	700—710	Городище Токкала	Не указано	Гудкова, Лившиц. Новые хорезмийские надписи..., стр. 5
"	700—710	Гора Муг	1	Смирнова. Каталог..., 319
"	700—710	Шахристан	1	Там же, 348
"	700—710	Мунчактепе (Бекабад)	1	Там же, без номера
"	700—710	Актепе (Ташкент)	1	Там же, без номера
"	700—710	Пайкенд	1	
"	700—710	Городище Варахша	5	Коллекция Ин-та археологии АН УзССР, инв. 531, 784, 522, 774, 776
"	700—710	Городище Аджинатепе	2	Зеймаль. Вахшская долина в древности и в раннем средневековье. (Археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины), Автореферат канд. дисс., Л., 1969 стр. 5.

Имя правителя	Время правления (н. э.)	Место находок	Кол-во	Публикация или место хранения
Гурак	710—738	Городище Пенджикент	3	Смирнова. Каталог..., 161—163
Тархун	700—710	Сузы	1	ММАИ, т. XXXVII
Гурак	710—738	Городище Варахша	1	Коллекция Ин-та археологии АН УзССР, инв. 1246
Тургар	738—750	Городище Пенджикент	1	Смирнова. Каталог..., 164—297
"	738—750	Городище Варахша	1	ИИА АН УзССР, инв. 2097
Неизвестный ихшид (Укк?)	Первая четверть VIII в.	Городище Пенджикент	41	Смирнова. Каталог..., 301—341
То же	То же	Городище Мингурюк	1	Музей искусств УзССР, без номера
"	"	Городище Варахша	1	Коллекция Ин-та археологии, АН УзССР, инв. 1095
Неизвестный ихшид (Укк?)	"	Городище Хайриабаттепе	1	Альбаум. Балалык-тепе, стр. 54
То же	"	Гора Муг	2	Смирнова. Каталог..., 719, 725
"	"	Гиссарская долина	1	Там же, без номера
"	"	Городище Токкала	Не указано	Гудкова, Лизшиц. Новые хорезмийские надписи..., стр. 5
Вузург		Чилек		Маршак, Крикис. Чилекские чаши..., стр. 58

КАТАЛОГ

В каталог вошли описания монет с городища Афрасиаб, города Самарканда и его районов¹³¹. Сведения разделяются на две части: I. Единичные находки монет на городище Афрасиаб; II. Единичные находки и клады монет в г. Самарканде и его районах.

Нумерация каталога сквозная. Материал систематизирован в хронологическом порядке.

¹³¹ Приношу благодарность старшему научному сотруднику Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР О. И. Смирновой, оказавшей большую помощь в подготовке данной работы (Т. Е.).

**Топография серебряных и медных раннехалифатских
монет Самарканда**

Металл	Дата выпус- ка хиджры	Кол-во	Место и год находки	Источник
Медь	143	16	Единичные находки. Городище Пенджикент	Смирнова. Каталог..., 799—814
"	144	88	"	Там же, 815—902
"	153	61	"	Там же, 920—989
"	186	1	Единичные находки. Джулайтау (Фергана)	М. Массон. Монетные находки..., стр. 10, 1930 г. и 1931 г.
Серебро	190	1	Из клада близ хутора Шумилово, Новгород- ская обл. (1927 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 9, 2159
"	193	1	Из клада на берегу оз. Пейпус, Лифляндская губ. (1885 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 18, 99
"	193	2	Из клада близ хутора Шумилсво, Новгород- ская обл. (1927 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 9, 2159
"	193	1	Из клада. Село Банбаши, Масаллинский р-н, Азербайджанская ССР (1948 г.)	Там же, 2106
"	193	1	Из клада. Тельчинский р-н, Орловская обл. (1936 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 4, 1306
"	193	2	Из клада. Село Кузнец- ко, Калининская обл. (1899 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 8, 611
"	193	1	Из клада. Холдаинский р-н, Азербайджанская ССР (1948 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 5, 1454
"	193	1	Из клада. Село Загород. Тверская губ. (1889 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 47, 267
"	193	1	Из клада. Округ Прейс- ишь-Голланд, Герма- ния (1866 г.)	Там же, стр. 110
"	193	1	Из клада. Деревня Ах- ремцы, Дриссенский уезд, Витебская губ. (1888 г.)	Там же, стр. 3, 12
"	194	1	Из клада. Тельчинский р-н, Орловская обл. (1936 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 4 1306

Металл	Дата выпус- ка хиджры	Кол-во	Место и год находки	Источник
Серебро	194	1	Из клада близ Штетти- на, Померания (1890 г.)	Марков. Топография кладов.... стр. 129, 47
"	194	1	Из клада. Село Кузнец- ко, Калининская обл. (1889 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 8, 611
"	194	1	Из клада. Село Ярыло- вич, Черниговская губ. (1875 г.)	Марков. Топография кла- дов..., стр. 51, 290
"	194	1	Из клада близ Углича, Ярославской губ. (1879 г.)	Там же, стр. 54, 314
"	194	1	Из клада. Земля Войска Донского, Вешенской станции (1869 г.)	Там же, стр. 9, 49
"	195	1	Из клада близ Штетти- на, Померания (1890 г.)	Там же, стр. 17, 129
"	196	2	Из клада. Суджанский уезд, Курская губ. (1879 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 16, 90
"	196	2	Из клада. Село Кузнец- ко, Калининская обл. (1889 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 8, 611
"	196	1	Из клада. Округ Дан- циг, близ Штегена, Германия (1722 г.)	Марков. Топография кладов, стр. 111, 2
"	196	1	Из клада. Округ Прей- сишъ-Голланд, Восточ- ная Пруссия (1966 г.)	Там же, стр. 110
"	197	1	Из клада. Киев (1851 г.)	Там же, стр. 13, 68
"	197	1	Из клада. Остров Гот- ланд, в погосте Грет- лингбо (1827 г.)	Там же, стр. 71, 96
"	197	1	Из клада. Западная Пруссия, Браунсберг (1972 (?) г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 114, 17.
"	197	3	Из клада. Суджанский уезд, Курская губ. (1879 г.)	Там же, стр. 16, 90
"	198	1	Из клада. Село Угодоги, Ростовский уезд, Ор- ловская губ. (1914 г.)	Р. Р. Фасмер. Два кла- да куфических монет, Л., 1927, стр. 19

Металл	Дата выпус- ка хиджры	Кол-во	Место и год находки	Источник
Серебро	198	1	Из клада. Село Ярылович, Черниговская губ. (1875 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 50, 290
"	198	1	Из клада. Берег р. Упи, местность "Городище", Калужская губ. (1892 г.)	Там же, стр. 12, 66
"	198	1	Из клада. Левый берег р. Оки близ Углича, Ярославской губернии (1879 г.)	Там же, стр. 54, 314
"	198	1	Из клада. Тельчинский р-н, Орловская обл. (1936 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 4, 1306
"	199	1	Из клада. Берег оз. Пейпус, Литва (1885 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 18, 99
"	199	1	Из клада. Тельчинский р-н, Орловская обл. (1936 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 4, 1306
"	199	1	Из клада. Новгород (1903 г.)	А. А. Быков. Клад серебряных куфических монет, найденных в Новгороде в 1903 г., стр. 137.
"	200	1	Из клада. Деревня Набатово, Ленинградская обл. (1926 г.)	Р. Р. Фасмер. Завалишинский клад VIII—IX веков, Л., 1931, стр. 16
"	200	1	Из клада. Близ Кольберга, Померания (1877 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 127, 39
"	200	1	Из клада. Близ Углича, Ярославской губ.	Там же, стр. 55, 314
"	200	1	Из клада. Близ Юрьева Лифляндская губ. Год не указан.	Там же, стр. 21, 119
"	200	1	Из клада. Браунсберг. Западная Пруссия (1872 г.)	Там же, стр. 114, 17
"	200	6	Из клада. Тельчинский р-н, Орловская обл. (1936 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 4, 1306
"	200	1	Из клада. Холдаинский р-н, Азербайджанская ССР (1948 г.)	Пахомов. Монетные клады, вып. 5, 1454

Металл	Дата выпус- ка хиджры	Кол-во	Место и год находки	Источник
Серебро	201	1	Из клада близ Углича, Ярославская губ. (1879 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 54, 314
"	201	1	Из клада. Остров Гот- ланд, в погосте Бунге (1832 г.)	Там же, стр. 62, 15
"	201	1	Из клада близ Сунжин- ской станции, Тверская губ. (1855 г.)	Там же, стр. 48, 277
"	201	1	Из клада. Берег оз. Пей- пус, Литва (1885 г.)	Там же, стр. 18, 99
"	201	1	Из клада. Браунберг, Западная Пруссия (1872 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 114, 17
"	202	1	Из клада. Село Ярыло- вич, Черниговская губ. (1875 г.)	Там же, стр. 51, 290
"	202	1	Из клада. Санкт-Петер- бургская губ.	Савельев. Мухамадан- ская нумизматика, СПб. (1848 г.), 35 ^a
"	202	1	Из клада. Холдаинский р-н, Азербайджанская ССР (1948 г.)	Пахомов. Монетные клады..., вып. 5, 1454
"	202	1	Из клада. Округ Прей- сишъ-Голланд, Восточ- ная Пруссия (1866 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 111, 5
"	203	1	Из клада. Село Гручино. Тульская губ. (1866 г.)	Там же, стр. 50, 287
"	204	1	Из клада. Остров Гот- ланд, местность Петес (1832 г.)	Марков. Топография кладов.... стр. 74, 117
"	204	1	Из клада. Холдаинский р-н, Азербайджанская ССР (1948 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 5, 1454
"	204	1	Из клада. Тельчинский р-н, Орловская обл. (1936 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 4, 1306
"	205	1	Из клада. Каширский уезд, Тульская губ. (1898 г.)	Марков. Топография кладов..., стр. 141, 33
"	205	1	Из клада. Село Ярыло- вич, Черниговская губ. (1875 г.)	Там же, стр. 51, 290

Металл	Дата выпус- ка хиджры	Кол-во	Место и год находки	Источник
Серебро	205	1	Из клада. Близ хутора Шумилово, Новгородская обл. (1936 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 9, 2159
Медь	205	1	Единичная находка неиз- вестного происхожде- ния	Музей истории народов Узбекистана, колл. 153/80
Серебро	208	1	Из клада. Около г. Вла- димира. Год не указан.	Марков. Топография кладов..., стр. 5, 27
"	208	1	Из клада. Сулжанский уезд, Курская губ. (1879 г.)	Там же, стр. 16, 90
"	209	1	Из клада. Остров Гот- ланд, в погосте Бунге (1832 г.)	Там же, стр. 62, 95
"	209	1	Из клада. Суджанский уезд, Курская губ. (1879 г.)	Там же, стр. 16, 90
"	209	1	Из клада. Тельчинский р-н, Орловская губ. (1936 г.)	Пахомов. Монетные кла- ды..., вып. 5, 1306

В разделе, содержащем описание согдийских монет, осо-
бо выделены древнейшие типы согдийских монет. Для мо-
нет, которые не датированы определенным годом указыва-
ется время правления лица, выпустившего монету. При от-
сутствии данных датировка приводится ориентировочно.

Надписи и отдельные знаки согдийского алфавита даются
согласно общепринятой международной транскрипции для
согдийских текстов, а арабские надписи воспроизводятся
арабским письмом. В случаях, когда чтение восстанавлива-
ется, восстанавливаемая часть берется в скобки.

Диаметр монет дается в миллиметрах, вес — в грам-
мах. Вес фрагментов и монет, определенных на местах, не
отмечается. За данными о размерах и весе указывается со-
отношение матриц или штемпелей (в зависимости от спосо-
ба производства монет) и сохранность монет.

Монеты, хранящиеся в Институте археологии АН УзССР,
даны только с указанием инвентарных и коллекционных но-
меров собрания Института, в конце описания—номер раскопа.

Монеты из раскопок СамГУ хранятся в университетской проблемной лаборатории историко-археологического изучения городища Афрасиаб.

Монеты из раскопа 9 опубликованы Г. В. Шишкиной. Частично согдийские монеты из раскопок на Афрасиабе учтены О. И. Смирновой в «Сводном каталоге согдийских монет». В конце описания монет даны ссылки на публикации.

В описаниях приняты следующие условные обозначения: в — вес; д — диаметр; ↓ — соотношение матриц или штемпелей; С₁₋₄ — сохранность экземпляра; б/н — монеты, не имеющие инвентарного номера.

ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ МОНЕТ НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ

1. ЗОЛОТО

§ 1. Местное подражание солидам византийского царя Юстиниана I (527—565 гг.)

1. Л. ст.: слегка повернутый вправо бюст правителя. Об. ст.: изображение крылатой Победы, одетой в хитон и хламиду. Фигура повернута влево так, что справа видно только одно левое крыло. В правой руке Победа держит крест с длинным древком. Слева и справа следы грубо скопированных знаков легенды, обозначающей «Victoria Augustorum». Кружок по краям изогнут. Д. 15; в. 0,5; С₁. Найдена в 1938 г. близ могилы Ходжа Данияра. Самаркандский музей. Инв. 6445. См. М. Массон. К вопросу..., стр. 97; Кропоткин. Клады..., стр. 58.

II. СЕРЕБРО

§ 2. Сасаниды, Пероз I (459—484 гг.)

2. Монетный знак АИ. Без обозначения года. Л. ст.: в поле в рубчатом круге бюст царя, повернутый вправо, с короной на голове. Над короной вертикальный стержень, к верхнему концу которого прикреплен полумесяц с шаром над ним, выходящим за пределы монетного поля. В ухе царя серьга, переданная тремя точками, перед лицом обычная пехлевийская надпись, содержащая имя царя Пероза — mazdaysh kadi Piroci. Об. ст.: в поле алтарь узкий в середине, кверху и книзу расширяющийся тремя уступами;

узкая часть украшена лентами. Над алтарем пылающий огонь, слева от которого звездочка, справа — полумесяц. По сторонам стоят стражи (мобеды?) с фигурными головными уборами; у каждого над плечами по одной точке; за плечами видны ленты диадемы. Справа знак АИ; слева надпись Pigosi . Д. 25; в. 3,51; $\downarrow$: C_1 (рис. 1, 1). Предположительно, найдена в разрезе к западу от шоссе к аэропорту. Инв. 5301, колл. 98/1. Тип как D. Pogueck, *Sassanian coins*, Bombay, 1924, pl., XV, № 29.

3. То же. Другой штемпель, $3/4$ монеты в кусках. В. 2,08; C_{3-4} . Найдена в раскопе 21. Инв. 3215, колл. 45/7.

4. Варахран V (?) (420—438 гг.). Л. ст.: местами едва проступает бюст царя повернутый вправо. Об. ст.: едва проступают изображения стражей (мобедов). Монета обломана с края и обожжена. Д. 27; C_4 . Найдена в пункте 10, квадрат 18, над зольником. Колл. А. И. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842; б/н Ср. Pogueck, pl., XII, 16—17.

§ 3. Омейяды. Абд-ал-Малик (55 — 85/585 — 705 гг.)

5. Дамаск, 84/703 г. Л. ст.: в поле в трех строках первая половина символа веры: $\text{لا اله الا الله وحده}$. „Нет бога кроме Аллаха, и нет сотоварища ему“. Круговая легенда: $\text{بسم الله ضرب هذا الدرهم بدمشق}$. „Во имя Аллаха чеканен этот дирхем в Дамаске в 84 году“. Надпись, начинающаяся над словом „Аллах“, заключена в тройной ободок, отделенный от четвертого по краю монеты кружками. Об. ст.: в поле: $\text{الله احد الله الصمد لم يلد ولم يولد ولم يكن له كفوا احد}$. „Аллах един, Аллах вечен, не рождает и не рожден, и нет ему равного никого“. Круговая легенда: $\text{محمد رسول الله ارسله بالهدى}$ [و] دين الحق ليظهره [على الدين كله] وكوكره المشركون . „Мухаммад посланник Аллаха, который послал своего посланника прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, несмотря на сопротивление многобожников“¹³². Кружок с края обломан. Д. 25; в. 2, 35;

¹³² Коран, 33 стих, 9 сура и 9 стих, 62 сура.

←; С₂ (рис. 1, 2). Найдена в раскопе 23; в завале помещения. Инв. 5314, колл. 99/13. Тизенгаузен. Монеты..., 306; Марков. Инвентарный каталог..., 24.

Валид (86—91/705—715 гг.)

6. Ал-Махи, 92/710 г. Найдена в 1965 г., б/н¹³³.

§ 4. Аббасидские подражания бухарским драхмам

Мухаммад ал-Махди,
наместник Хорасана
(140—158/757—775 гг.)

7. Ал-Махди. Без обозначения места и времени (Бухара, Третья четверть VIII в., не ранее 759 г.). Л. ст.: подражание портрету Варахрана V (420—438 гг.). Погрудный бюст царя передан схематически штрихами и точками, над венцом полумесяц с точкой посередине. Три крупные точки передают грудь и плечи. Шея охвачена украшением. Перед лицом царя надпись местным письмом: *rwu' guwβ k'w'* «Государь Бухары царь». Слева за венцом арабская надпись: *المهدي* «ал-Махди». По краю монеты узкий неровный ободок. Об. ст.: подражание оборотной стороне драхм Варахрана V. Посередине алтарь с двухступенчатым основанием, над ним в пламени голова царя (?), обращенная вправо. С двух сторон алтаря фигуры стражей (мобедов). Все в точечном круге. Д. 29; в. 2,58; ←; С₁. (рис. 1, 3). Найдена в раскопе 23А, пом. 16, б/н. Тип как Walker..., pl. XXXIX, 3, Смирнова. Каталог..., 17.

8. То же, но другой штемпель. Слева за венцом царя надпись *المهدي*; плечи и грудь царя подчеркнуты точками. Кружок обломан. Д. 25; в. 3,05; ←; С₃. Найдена в раскопе 9А под глиняной забутовкой к западу от гончарной печи; шифр $\frac{C-3}{VIII}$. Инв. 5180, колл. 90/12. Тип как Walker..., pl. XXIX, 6.

9. То же, другой штемпель. На л. ст. сохранился бюст

¹³³ М. Н. Федоров, Ю. Ф. Буряков. Эпиграфические и нумизматические находки, ЭВ, вып. XIX, Л., 1967, стр. 106.

царя и местная надпись перед лицом: $\rho\omega\gamma'g \gamma w\beta k'w'$. Об. ст. полустерта. Монета обрезана на 3/4. В. 1,90; ← ; С₃₋₄. Найдена в раскопе 9 (14/IX) под кирпичным желобом ниже уровня сланца; шифр $\frac{E-2}{VII}$; б/н.

10. То же, как 8. Л. ст.: бюст царя едва намечается; надписи стерты. Об. ст.: едва проступают фигуры стражей (мобедов). Кружок по краям обрезан. Монета полустерта. Д. 24; в. 2,10; ← ; С₃. Найдена в раскопе 23; шифр $\frac{B-9}{VI}$; б/н.

11. То же. Полустерта. Д. 23; в. 2; С₃. Найдена в раскопе 2, при расчистке печи. Инв. 2861, колл. 33/11.

12. То же. Полустерта. Края кружка неровные. Д. 23; в. 2,74; С₃₋₄. Найдена в 1959 г. близ городища при постройке двухэтажного здания по Ташкентской улице. Инв. 3097, колл. 37/1.

13. То же, почти стерта. Края кружка обломаны. Д. 24; в. 1,70; ← ; С₄. Найдена там же. Инв. 3098, колл. 37/2.

14. То же, другой штемпель. Полустерта. Кружок обрезан по точечному краю. Д. 23; в. 1,80; ← ; С₃₋₄. Найдена там же. Инв. 3099, колл. 37/3.

15. То же, другой штемпель. Л. ст. полустерта. Об. ст.: отчетливо видна голова царя (?) и фигуры стражей (мобедов). Монета с края обрезана (?). Д. 24; в. 2,20; ← ; С₃. Найдена там же. Инв. 3100, колл. 37/4.

Ал-Амин ибн Харун (?)
(193—198/809—813 гг.)

16. Ал-Амин Али Сулейман Лиллах. Л. ст. как у предыдущего типа. Погрудное изображение Варахрана V передано схематическими штрихами и точками, над венцом царя кружок. Основание шеи и плечи подчеркнуты рядом тесно поставленных точек. Изображение окружено изящно выполненной односторонней арабской надписью, начинающейся у правого плеча царя, два последних слова которой располагаются на месте трех точек — на груди царя: $\text{بسم الله محمد رسول الله محمدية ما امر به الامين على سليمان لله}$
«Во имя Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха, Мухаммадия. Из того, о чем приказал ал-Амин Али Сулейман Лиллах».

Все в точечном круге по краю монеты. Об. ст. как у предыдущего типа. Д. 24; в. 2,80; С₁; ← ; (рис. 1, 4). Юго-западная часть городища. Инв. 5048, колл. 81/3. Тип как Walker..., pl., XXIX, 12.

17. То же, другой штемпель. Края кружка неровные. Д. 24; в. 2,65; ← ; С₁; (рис. 1, 5). Подъемная, б/н.

18. То же, другой штемпель. Л. ст.: изображение царя стерто. Сохранились следы круговой надписи; отчетливо читается слово *محمدية* остальное стерто. Об. ст.: полустертое изображение головы царя (?) в пламени и фигуры стражей (мобедов?). Д. 25; в. 1,61; ↓ ; С₃₋₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд. 583/842. Пункт 38, в колодце на глубине 5—6 м; б/н.

19. То же, другой штемпель. Кружок по краям обломан. Д. 26; в. 2,06; ↓ ; С₂. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Пункт 11, шифр $\frac{C-47}{373}$; б/н.

20. То же. Л. ст. стерта. Об. ст.: отчетливо проступает изображение головы царя (?) и фигуры стражей (мобедов). Монета обломана с края. Д. 24; в. 1,36; ↓ ; С₃. Колл. Тереножкина, фонд 583/842. Пункт 38, в колодце на глубине 5—6 м; б/н.

21. То же, но надпись на л. ст. полустерта. Д. 25; в. 1,70; ↓ ; С₃. (рис. 1, 6). Инв. 3101, колл. 35/5.

22. Неопределенная монета. Вогнутая, с едва заметными следами ободка по краю и какого-то изображения на л. ст. На об. ст. следы точечного ободка¹³⁴. Д. 12; в. 8; С₄. Раскоп 23 в завале помещения 3 здания со стенными росписями. Инв. 5298, колл. 96/7.

III. МЕДЬ И БРОНЗА

§ 1. Селевкиды

Антиох (?)

23. Л. ст. стерта. Об. ст. стерта, в поле кадуцей, слева греческая надпись ANTIOXOY, справа от каду-

¹³⁴ Согласно заключению сотрудницы лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР И. В. Богдановой-Березовской, монета отчеканена из серебра с большой, но естественной примесью меди, а не из сплава меди и серебра.

цея кружок. Д. 17; С₃₋₄. Найдена близ городища к востоку от реки Сиаб в стратиграфическом шурфе; б/н.

§ 2. Кушаны малые

24. Л. ст.: плохо сохранившееся, грубовато выполненное изображение стоящего прямо царя, держащего в левой, согнутой в локте, руке какой-то предмет; правая рука опущена вдоль бедра. Об. ст.: полустертое изображение сидящего на быке женского божества, левая рука которого поднята и согнута в локте на уровне бедра. Слева под рукой следы надписи или знака. Края кружка неровные. Д. 18; в. 7,17; С₃ (рис. 2, 1). Найдена В. Д. Жуковым, точное место находки неизвестно. Инв. 2852, колл. 33/2. Тип как Смирнова. Каталог..., 22, стр. 60.

25. Неопределенная монета. Одна сторона монеты стерта, на другой проступает изображение стоящей фигуры, держащей в левой, согнутой в локте, руке какой-то предмет. Д. 15; С₄. Раскопки СамГУ, шифр 2; б/н.

§ 3. Согдийские монеты

Древнейшие типы
с согдийских монет V—VI вв.
с лицевыми изображениями

26. Анэпиграфическая монета. Л. ст.: в поле посередине погрудное изображение царя в легком повороте влево с продолговатым овалом лица и неясными оплывшими чертами; прическа гладкая, на пробор, в левом ухе серьга с подвеской из двух круглых бусин или камней; ворот одежды несколько напоминает отложной воротник. По краю кружка широкий ободок. Об. ст.: У-образный широкий контурный знак с загнутыми в разные стороны в виде завитков верхними концами и нижним, загнутым вправо; концами знак упирается в широкий гладкий ободок по краю монеты. Д. 21; в. 2,25; † ; С₂ (рис. 2, 2). Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена на склоне оврага Ходжа Данияр. Тип как Смирнова. Каталог..., 471.

27. Неопределенная монета с надписью, содержащей титул $\gamma w \beta w$. Л. ст.: в поле справа внизу фасовое изобра-

жение головы божества (?) в уборе (или прическе), закрывающем уши. Веки глубоко посаженных глаз выделены двумя изогнутыми штрихами, нос крупный, прямой с резко очерченными ноздрями. Округлый подбородок, щеки и высокие скулы переданы одним подковообразным валиком. Справа от лица, против щеки, вдоль нее следы стирающегося мелкоточечного ободка или надписи. Об. ст.: в поле посередине следы какого-то знака и остатки круговой (?) надписи, от которой сохранились почти стертые два слова: $\beta\gamma\omega \gamma\omega\beta\omega$. Матрицы сдвинуты, значительный дефект литья, края неровные. Д. 21; в. 1,80; S_3 (рис. 2, 3). Найдена в раскопе 41/XII; б/н, не издана.

Согдо-китайские монеты VII в.

28. Кай-юань. Без имени правителя, обозначения года и места выпуска. Первая половина VII в., Бухара. Л. ст.: надпись на китайском языке «Кай-юань тун бао» — «Расходная монета (периода) Кай-юань». Об. ст.: под квадратным отверстием знак. По краю монеты гладкий ободок. Д. 23; в. 3,75; $\leftarrow$; S_1 (рис. 2, 4). Найдена в раскопе 23, пом. 2, в завале.

29. Л. ст.: четыре иероглифа, расположенных по четырем сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамочку. «Кай-юань тун бао» — «Расходная монета (периода) Кай-юань». Об. ст.: слева от квадратного отверстия У-образный знак, а справа согдийская надпись $\beta\gamma\omega$ — «божественный». По краям кружка ободок, Д. 24; в. 4,02; $\leftarrow$; S_1 (рис. 2, 5). Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд б/н. Пункт 10, участок 1. Тип как Смирнова. Каталог..., 20.

30. То же как и 20. Д. 24; в. 3,95; $\rightarrow$; S_1 . Случайная находка на городище. Колл. Мардковича, б/н.

§ 4. Ихшиды Самарканда

Шишпир (не позже 642—655 гг.)

31. Без обозначения места и года выпуска (Самарканд). Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамочку, находятся династийные знаки согдийских ихшидов; справа — трехконечный свастикообраз-

ный знак, повернутый вправо; слева У-образный знак, повернутый также вправо; над квадратным отверстием П-образный знак, под отверстием знак в виде кружка. По краю узкий ободок. Об. ст.: полукурсовая согдийская надпись в двух строках: $\overset{\vee}{\text{sysrug}} \overset{\vee}{\text{MLK'}}$ «ихшид Шишпир». Квадратное отверстие заключено в рамку. По краю узкий ободок. Края обломаны. Д. 22; в. 2,80; С₂. Найдена в раскопе 18; б/н. Тип как Смирнова. Каталог..., 30.

32. То же, дефект литья, квадратное отверстие залито металлом. Д. 22; в. 2,76; $\uparrow$; С₂. Найдена в раскопе 18; шифр $\frac{\text{Ф-30}}{\text{V}}$; б/н.

33. То же. Л. ст.: знаки отчетливые. Об. ст.: следы надписи, квадратное отверстие ровное и чуть заполнено по краям металлом с лицевой стороны. Д. 25; в. 2,70; $\nearrow$; С₂. Найдена в раскопе 18; шифр $\frac{\text{P-30}}{\text{VI}}$; б/н.

34. То же. Металл сильно окислен. Д. 25; в. 2,78; С₄. Найдена в раскопе 18; шифр $\frac{\text{P-44}}{\text{VII}}$; б/н.

35. То же. Металл окислен. Д. 25; в. 2,90; С₄. Найдена в раскопе 18; шифр $\frac{\text{O-43}}{\text{XII}}$; б/н.

36. То же. Д. 25; в. 2,80; С₄. Найдена в раскопе 18, шифр $\frac{\text{M-35}}{\text{VI}}$; б/н.

37. То же. Знаки и надписи отчетливые. Квадратное отверстие по краям заполнено металлом. Рамочки и ободки неширокие. Металл окислен. Д. 22; в. 2,82; $\downarrow$; С₂. Найдена в раскопе 9, в завале стены IX в. Инв. 5172, колл. 90/4.

38. То же. Края обломаны. Д. 24; в. 2,92; $\uparrow$; С₂. Найдена в раскопе 2. Инв. 2870, колл. 33/20.

39. То же, другая матрица. Л. ст.: едва проступающие места контуры знаков. Об. ст.: бугристая поверхность с едва проступающими, местами чуть заметными надписями. Дефект литья с края. Металл окислен. Д. 23; в. 2,44; С₄. Найдена в квадрате 25/XXI; б/н.

40. То же. На оборотной стороне бугристая поверхность с проступающей надписью: $\overset{\vee}{\text{s[y]}} \overset{\vee}{\text{srug}} \overset{\vee}{\text{MLK'}}$. Дефектное литье (?). Кружок обломан. Д. 23—24; в. 3,0; $\downarrow$; С₃. Найдена в квадрате 25/XXI; б/н.

41. То же. Л. ст.: знаки едва заметны. Об. ст.: отчетливая надпись: syspug MLK' — «ихшид Шишпир». Края обломаны. Д. 23; в. 2,44; $\downarrow$; S_3 . Подъемная; б/н.

42. То же. Знаки на лицевой стороне и надписи на оборотной стороне отчетливые. Рамки и ободки узкие. Д. 24; в. 4,05; $\downarrow$; S_1 . (рис. 2, 7). Найдена в раскопе 2, в южном шурфе на глубине 2,6 м. Инв. 2851, колл. 33/1.

43. То же. Половина монеты, на лицевой стороне которой сохранился верхний П-образный знак. Д. 22; в. 2,40; S_4 . Найдена в раскопе 18; б/н.

44. То же. Обломок, на лицевой стороне которого сохранился нижний знак в виде кружка. S_3 . Подъемная. Инв. 2856, колл. 33/6.

45. То же. Л. ст.: знаки едва обозначены. Об. ст.: надпись полустерта. Квадратное отверстие чуть залито металлом. Д. 23; в. 2,44; $\nearrow$; S_3 (рис. 2, 6). Найдена в квадрате 25/XXI; б/н.

46. То же. Л. ст.: знаки едва проступают. Об. ст.: надпись полустерта. По внешнему краю кружка узкие ободки. Монета обломана, в кусках. Д. 25; в. 3,00; S_3 . Найдена в раскопе 23. Инв. 5293, колл. 96/3.

Вархуман (650/55— не позже 696 гг.)

47. Без обозначения места и года выпуска (Самарканд). Л. ст.: два династийных знака, расположенных по сторонам квадратного отверстия, заключенного в рамочку. Справа У-образный знак, повернутый влево, слева — трехконечный, обращенный вправо. По внешнему краю кружка широкий ободок. Об. ст.: надпись в две концентрические строки: bgwt'n MLK' — «ихшид Вархуман». Квадратное отверстие заключено, как на лицевой стороне, в узкую рамочку. По краю кружка неровный, едва заметный ободок. Монета чуть обрезана с края. Металл окислен. Д. 23; в. 1,90; $\downarrow$; S_2 . Найдена на раскопе 9; шифр $\frac{K-8}{IV}$. Инв. 5169, колл. 91/1. Тип как Смирнова. Каталог..., 41, стр. 135.

48. То же. Л. ст.: знаки едва обозначены. Об. ст.: надпись отчетливая. Края обломаны, имеются выступы металла. Д. 24; в. 1,70; $\downarrow$; S_2 . (рис. 2, 8). Найдена в раскопе 9; шифр $\frac{K-17}{V}$. Инв. 5170, колл. 90/2.

49. То же. Л. ст.: знаки не намечаются. Об. ст.: от надписи сохранилось начальное β имени $\beta\gamma\omega\mu\tau\prime\eta$ MLK'. Кружок обломан с края. Д. 22; в. 1,30; $\downarrow$; С₃.

50. То же. Л. ст.: знаки едва намечаются. Об. ст.: отчетливая надпись. По внешнему краю узкий неровный ободок. Квадратное отверстие с лицевой стороны чуть заполнено металлом. Д. 21; в. 1,40; $\downarrow$; С₂; б/н.

51. То же. Л. ст.: знаки не обозначены. Об. ст.: отчетливая надпись. Д. 20; в. 1,61; $\downarrow$; С₂. Подъемная; б/н.

Тукаспадак (696—698 гг.)

52. Без обозначения места и времени выпуска (Самарканд). Л. ст.: два династийных знака, расположенных по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамочку; слева находится У-образный знак, повернутый вправо; справа — ромбовидный знак. По внешнему краю кружка узкий ободок. Об. ст.: надпись в две концентрические строки: $\tau\omega k's\pi\delta'k$ MLK' — «ихшид Тукаспадак». Квадратное отверстие заключено в рамочку. Узкий ободок как на лицевой стороне. Остатки литника. Д. 24; в. 2,71; $\downarrow$; С₁ (рис. 2, 8). Найдена на раскопе 9; шифр $\frac{K-17}{III}$. Инв. 5171, coll. 90/3. Тип как Смирнова. Каталог..., 135, 136.

53. То же. Л. ст.: знаки отчетливые, слева У-образный знак, повернутый вправо, справа ромбовидный знак. Об. ст.: обычная надпись. По краю кружка узкий, неровный ободок. Д. 22; в. 1,77; С₂. Coll. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36; шифр $\frac{C-47}{6}$; б/н.

54. То же. Знаки и надписи едва намечаются. Обломана. Д. 23; в. 1,78; С₃. Coll. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36, в яме на глубине 1,9 м; шифр $\frac{C-47}{22}$; б/н.

55. Л. ст.: знаки не намечаются. Квадратное отверстие меньше обычного. Об. ст.: надпись отчетливая. Края монеты неровные. Д. 23; в. 2,30; $\downarrow$; С₃. Coll. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в 45 см от восточной стены; шифр $\frac{C-47}{36}$; б/н.

56. То же. Остатки литника. Д. 24; в. 2,97; ↓ ; С₁. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36; шифр $\frac{C-47}{33}$; б/н.

57. То же. Л. ст.: стерта. Квадратное отверстие неровное. Об. ст.: следы надписи. Металл окислен. Д. 20; в. 15,0; С₃. Найдена в раскопе 18; б/н.

Мастан-Авйан (698—700 (?) гг.)

58. Без обозначения места и года выпуска (Самарканд). Л. ст.: два династийных знака, варианты знаков монет ихшида Вархумана расположены так же, как и на монетах Шишпира. У-образный знак заканчивается круглым витком, соприкасающимся с нижней стороной рамочки, обрамляющей квадратное отверстие; верхние концы знака загнуты под острым углом. По краю кружка широкий ободок. Об. ст.: согдийская надпись в две concentрические строки: m'stn 'wy'n, MLK', «ихшид Мастан-Авйан (?)». Квадратное отверстие заключено в рамочку, как на лицевой стороне. Края кружка неровные. Монета обломана. Д. 26; в. 3,2; ↓ ; С₂. Найдена в раскопе 23, пом. 2, завал возле пола. Инв. 5292. Колл. 96/1. Тип как Смирнова. Каталог..., 137—143.

59. То же. Монета с неровной поверхностью. Обрезана с края и погнута. Д. 22; в. 1,60; С₃ (рис. 2, 9). Найдена в раскопе 9. Инв. 5177, колл. 99/9.

60. То же. Знаки и надписи полустертые. По краю кружка узкий ободок. Обломана по краям. Д. 23; в. 1,70; ← ; С₂ (рис. 3, 1). Найдена при раскопках канала. Инв. 3212, колл. 45/4.

61. То же. Л. ст.: знаки не отлились. Об. ст.: едва заметные следы надписи. Края кружка неровные. Д. 21; в. 1,60; ↓ ; С₃. Найдена в пом. 3, на глубине 2,5 м; б/н.

62. То же. Знаки и надписи отчетливые. Квадратное отверстие чуть заполнено остатками металла. Д. 25; в. 3,10; ↓ ; С₁. Подъемная; б/н.

63. То же. Знаки на л. ст. и надписи на об. ст. едва обозначены. Края кружка неровные. Д. 24; в. 1,32; ↓ ; С₃. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36, из ямы на глубине 1,8 м; шифр $\frac{C-47}{21}$; б/н.

64. То же. Л. ст.: заметен только У-образный знак слева. Об. ст.: отчетливая надпись. В двух кусках. Д. 23; в. 1,65; ↓; С₃ (рис. 3, 3). Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд б/н; шифр $\frac{С-47}{20}$; б/н. Найдена в пункте 36.

65. То же. Л. ст.: надпись едва читается. Обломана по краям. Д. 22; в. 1,30; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд б/н; шифр $\frac{С-35}{18}$; б/н.

66. То же. Л. ст.: знаки едва обозначены. Об. ст.: едва заметная надпись. Обломана. Д. 22; С₄ (рис. 3, 4). Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена на глубине 2,40 м; шифр $\frac{С-47}{31}$; б/н.

67. То же. Знаки и надписи отчетливые. Металл окислен. Д. 23; в. 1,65; ↑; С₃. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36; шифр $\frac{С-47}{7}$; б/н.

68. То же. Л. ст. гладкая. Об. ст.: надписи отчетливые. Квадратное отверстие больше обычного. Края кружка неровные. По краям кружка выступы металла. Д. 23; в. 1,60; С₃. Найдена в раскопе 25/VI; шифр $\frac{III-K}{VI}$; б/н.

69. То же. Л. ст. полустерта. Об. ст.: надпись едва проступает. Кружок с края обломан. Д. 23; в. 1,60; С₃ (рис. 3, 2). Найдена в раскопе 25/VI; шифр $\frac{E-16}{IV}$; б/н.

Тархун (700—710 гг.)

70. Без обозначения места и времени. Л. ст.: два родовых (династийных) знака, расположенных в двух противоположных сторонах квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку. Слева У-образный знак, повернутый вправо. Справа полустертый ромбовидный знак. Об. ст.: надпись в две концентрические строки: $\tau\gamma\omega\pi MLK'$ — «ихшид Тархун». Квадратное отверстие заключено в узкую рамку. По краю кружка широкий ободок. Края неровные. Остатки литника. Чуть обломана с края. Д. 22; в. 2,98; ←; С₂. Найдена в раскопе 9; шифр $\frac{K-2}{III}$. Инв. 5176; колл. 90/8 (рис. 3, 5). Тип как Смирнова. Каталог..., 143—161.

71. То же. Знаки, надписи отчетливые. Ободки шире обычных. Д. 25; в. 1,97; ←; С₁. Найдена в раскопе 13; шифр В-VI. Инв. 4869, колл. 59/21.

72. То же. Л. ст. стерта. Об. ст.: надпись отчетливая. Металл окислен. Края обломаны. Д. 22; в. 2,95; ←; С₃. Найдена в раскопе 13; шифр Е-IX. Инв. 4869, колл. 59/20.

73. То же. По краям кружка выступы. Остатки металла. Д. 22; в. 3,69; ←; С₃. Найдена в раскопе 13; шифр Е-IX. Инв. 4867, колл. 59/19.

74. То же. Края кружка неровные. Д. 22; в. 1,57; ←; С₁. Найдена в раскопе 23; б/н.

75. То же. Края кружка местами обломаны. Д. 23; в. 3,17; ←; С₁. Найдена в раскопе 10Б, в оплыве. Инв. 3209, колл. 45/2.

76. То же. Ободки шире обычных (3 мм). Остатки литника с небольшим наплывом металла у основания с лицевой стороны монеты. Д. 24; в. 3,00; ←; С₁. Найдена в раскопе 8, шифр $\frac{E-2}{IV}$. Инв. 4950; колл. 66/3.

77. То же. Л. ст. стерта. Об. ст.: надпись местами не читается. tr [ywn]ML[K']. Рамки шире обычных, ободок узкий. Края кружка неровные. Д. 21; в. 1,83; С₃. Найдена в раскопе 23, на полу помещения, IX ярус. Инв. 5303, колл. 99/2.

78. То же. Л. ст.: чуть проступают следы знаков. Квадратное отверстие неровное. Рамка узкая. Об. ст.: надпись отчетливая, рамка обычная. Квадратное отверстие в углах затянуто металлом. По краям кружка выступы металла. Кружок чуть погнут. Д. 23; в. 1,90; —; С₃. Найдена на городище. Точное место находки неизвестно. Инв. 3219, колл. 45/11.

79. То же. Д. 23; в. 2,90; ←; С₁. Найдена в раскопе 23А, б/н.

80. То же. Об. ст.: по внешнему краю кружка неровный широкий (4 мм) ободок. Остатки литника. Д. 24; в. 3,90; ←; С₂. Найдена в раскопе 23А, б/н.

81. То же. Рамки на л. ст. уже обычных остатков литника. Д. 24; в. 3,00; ←; С₂. Найдена в раскопе 23А, пом. 19; б/н.

82. То же. Чуть обломана с края. Д. 23; в. 2,00; ←; С₂. Подъемная; б/н.

83. То же. На об. ст. рамка наполовину залита металлом. Остатки литника. Д. 23; в. 2,98; ←; С₂. Найдена в раскопе 23А, пом. 19; б/н.

84. То же. Л. ст.: знаки едва заметны, квадратное отверстие залито металлом. Кружок чуть погнут с края. Д. 23; в. 2,28; ← ; С₂. Подъемная; б/н.

85. То же. Надпись на л. ст. слегка оплыла. Две дырочки. Остатки литника. Д. 23; в. 2,20; ← ; С₂. Найдена на городище. Частная колл. Мардковича; б/н.

86. То же. Л. ст. стерта. Об. ст.: надпись отчетливая. Д. 23; в. 2,30; ← ; С₃. Найдена в раскопе 23, на полу пом. 11, ярус XI. Инв. 5302, колл. 99/1.

87. То же. На л. ст.: квадратное отверстие неровное, рамка наполовину залита металлом. Ободок широкий (4 мм). Края кружка неровные, местами выступы металла. Д. 23; в. 2,35; → ; С₂. Найдена в квадрате 41/XII; б/н.

88. То же. Л. ст.: знаки едва проступают. Об. ст.: надпись отчетливая. Ободок уже обычных. Д. 23; в. 2,40; → ; С₃. Найдена в раскопе 23 на полу зала здания со стенными росписями; б/н.

89. То же, как и 88. Квадратное отверстие неровное. Широкий неровный ободок. Д. 23; в. 2,10; ← ; С₃. Найдена в хуме, вскрытом при расчистке южной части второй крепостной стены, в ее оплывах; б/н.

90. То же. Л. ст. гладкая. Об. ст.: едва намечающаяся надпись читается. Обломана, металл окислен. Д. 15; в. 1,50; С₃. Место находки неизвестно.

91. То же. Л. ст., как у предыдущей монеты, стерта. Об. ст.: следы обычной надписи. Кружок обломан с края. Д. 23; в. 2,43; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36, в яме на глубине 0,9 м; шифр $\frac{C-47}{10}$; б/н.

Гурак (710—738 гг.)

92. Без обозначения места и времени (Самарканд). Л. ст.: два династийных (родовых) знака расположены у двух противоположных сторон квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку. Справа У-образный знак, повернутый вправо; слева вариант бухарского знака. По внешнему краю широкий неровный ободок. Об. ст.: надпись в две концентрические строки: 'wū'rk MLK' — «ихшид Гурак». Квадратное отверстие заключено в рамку. По внешнему краю неширокий ободок. Остатки литника. Д. 22; в. 3,56; ← ; С₁.

Найдена в раскопе 9; шифр $\frac{K-17}{III}$. Инв. 5173, колл. 90/5.

Тип как Смирнова. Каталог..., 161—163.

93. То же. Д. 22, в. 3,25; → ; C₂ (рис. 3, 6). Найдена на городище, место находки точно неизвестно. Инв. 3119, колл. 41/1.

94. То же. Л. ст.: знаки отчетливые, квадратное отверстие заключено в неровную узкую рамку. По краям кружка плоский неровный ободок. Об. ст.: надпись обычная: 'wγ'gk MLK'. Остатки литника. Д. 22; в. 3,97; ← ; C₃. Инв. 3246, колл. 54/2.

95. То же. Знаки и надписи отчетливые. Д. 24; в. 4,1; ← ; C₂. Подъемная; б/н.

96. То же. Д. 22; в. 3,77; ← ; C₁. Найдена в раскопе 9; шифр $\frac{K-1}{I}$.

97. То же. Д. 21; в. 4,27; ← ; C₁. Найдена в раскопе 13Б. Инв. 4871; колл. 53/23.

98. То же. Д. 21; в. 3,72; ← ; C₁. Найдена в раскопе 9, шифр $\frac{K-2}{III}$. Инв. 5174; колл. 90/6.

99. То же. Д. 22; в. 2,87; ← ; C₁ (рис. 3, 7). Найдена на городище, точное место находки неизвестно; б/н.

100. То же. Кружок с края обломан. Остатки литника. Д. 22; в. 3,77; ← ; C₁. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 6; шифр С-308; б/н.

101. То же. Остатки литника. Д. 23; в. 3,76; ← ; C₁. Найдена в раскопе 23; шифр 3—2; б/н.

Тургар (738—750 гг.). Тип Б.

102. Без обозначения места выпуска и времени (Самарканд). Л. ст.: над квадратным отверстием помещен знак в виде полукруга, обращенного расширяющимися концами к внешнему краю монеты. Справа находится едва заметный У-образный знак, повернутый вправо; слева стертый знак. Рамочка и ободок узкие. Об. ст.: надпись в две концентрические строки: twwγ'g MLK' «ихшид Тургар». Квадратное отверстие заключено в узкую рамочку, такую же, как на лицевой стороне. Ободок узкий. Д. 18; в. 2,47; ↓ ; C₂ (рис. 3, 8). Найдена в раскопе 23, в завале помещения. Инв. 5304, колл. 99/3. Тип как Смирнова. Каталог..., 198—297.

103. То же. Два обломка. В. 1,75; С₄, металл окислен (рис. 3, 9). Найдена в раскопе 23, в помещении, из пахсы западной стены. Инв. 5925, колл. 96/4.

104. То же. Л. ст. стерта. Об. ст.: надпись отчетливая. По краям остатки литника. Д. 21; в. 2,16; С₃. Найдена в раскопе 13; шифр И-VII. Инв. 4878, колл. 59/25.

105. То же. Обломок, на л. ст. которого сохранился верхний знак. С₁. Раскоп 10Б, подъемная. Инв. 3218, колл. 45/10.

106. То же. Четко и ясно обозначенные знаки на л. ст. Металл сильно окислен. Обломана. Д. 18; в. 1,93; ↑ ; С₂. Найдена в раскопе 23, шифр $\frac{3-4}{V-VII}$ между первым и вторым полом, б/н.

107. То же. Л. ст. стерта. Об. ст.: сохранились следы надписи. Монета обломана с края. Металл окислен. Д. 17; в. 1,66; С₄. Найдена в раскопе 9 к западу от печи под глиняной забутовкой. Инв. 5179, колл. 90/11.

108. То же. Знаки и надписи едва намечаются. Металл окислен. Д. 1,9; в. 1,56; ↓ ; С₃. Найдена в раскопе 13, шифр п. 6. Инв. 4874, колл. 59/26.

109. То же. Знаки и надписи обычные. Кружок с края обломан. Д. 19; в. 1,30; ↑ ; С₃. Подъемная, б/н.

110. То же. Обломок, на л. ст. которого сохранился верхний знак, на обороте — следы надписи. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 2; шифр $\frac{C-47}{308}$; б/н.

111. То же. Обломок. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена там же; б/н.

112. То же. Л. ст. несколько стерта. Остатки литника. Д. 20; в. 2,55; ↓ ; С₃. Найдена в 1961 г. на Афрасиабе. Частная колл. Мардковича; б/н.

113. То же. Л. ст.: отчетливо виден верхний знак, другие два едва намечаются. Д. 21; в. 2,30; ↓ ; С₃. Найдена в раскопе 23, комната 6; б/н.

114. То же. Рамки и ободки узкие. Д. 19; в. 2,80; ↑ ; С₂. Найдена в раскопе 25/XI; б/н.

115. Такая же монета с едва обозначенными знаками на лицевой стороне. Надпись на оборотной стороне едва заметная, рамка узкая, края неровные. Д. 17; в. 1,50; ↓ ; С₃. Найдена в раскопе 23Г над ямой у дороги; б/н.

116. То же. Д. 17; в. 1,38; ↓ ; С₃. Найдена в раскопе СамГУ.

117. То же, вариант. Едва проступают знаки и надписи. Без ободка, квадратное отверстие шире обычного. Д. 14; в. 1,6; ↓ ; С₃. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842, шифр $\frac{C-47}{47}$; б/н.

118. То же, как предыдущая монета. Л. ст. отчетливая. Об. ст.: едва проступают следы надписи. Д. 17; в. 1,6; ↓ ; С₃. Частная колл. Мардковича; б/н.

Неизвестный ихшид (Вузург?)

119. Без обозначения места и времени выпуска (Самарканд). Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку, располагаются династические знаки согдийских ихшидов; справа трехконечный знак, слева У-образный знак, повернутый вправо и занимающий почти половину свободного поля кружка. По внешнему краю кружка узкий ободок. Об. ст.: согдийская надпись в две концентрические строки: MLK' wzwtk (?) «ихшид Вузург». Квадратное отверстие заключено в узкую рамку; по краю монеты узкий ободок. Д. 19; в. 3,20; ↓ ; С₂ (рис. 1, 4). Найдена в 1967 г. Точное местонахождение неизвестно. Тип как Смирнова. Каталог..., 298—300.

120. То же. На об. ст. надпись стерта. Металл окислен. Д. 16; в. 1,51; ↓ ; С₃. Найдена в раскопе 9; шифр $\frac{K-17}{V}$. Инв. 5178, колл. 90/10.

121. То же. Края монеты неровные. Д. 19; в. 2,9; ↓ ; С₂. Найдена в раскопе 18; б/н.

122. То же. Знаки отчетливые. Надпись не читается. Д. 1,68; в. 1,69; ↓ ; С₃. Найдена в слое X в. в северной части городища; б/н.

Неизвестный ихшид (первая четверть VIII в.)

123. 'WKK (?). Без обозначения места выпуска и года (Самарканд). Л. ст.: по сторонам квадратного отверстия, заключенного в широкую рамочку, знаки согдийских ихшидов. Справа трехконечный свастикообразный знак, концы которого загнуты в виде спиралей вправо; слева

У-образный знак. По краю кружка ободок. Об. ст.: полукурсивная надпись в две concentрические строки 'WKK (?) wgt gm'wk MLK'. Квадратное отверстие заключено в рамочку с чуть оплывшими и неровными углами, по краю кружка неровный ободок. Д. 27; в. 4,0; ↓ ; С₁. Найдена в раскопе 23; в здании со стенными росписями, на полу зала. Тип как Смирнова. Каталог..., 301—341; б/н.

124. То же. Обломок, на л. ст. сохранился У-образный знак, а на оборотной стороне часть надписи ...gm'wk MLK'. Д. 26; в. 2,50; С₂; ↑ ; подъемная; б/н.

125. То же. Знаки и надписи несколько стерты. Рамочка и ободки обычные. Края неровные. Д. 25; в. 4,55; ↓ ; С₂ (рис. 4, 3). Найдена в раскопе 23А в 1966 г., комната 19; б/н.

126. То же. Остатки литника. Д. 25; в. 4,53; ↓ ; С₂ (рис. 4, 2). Найдена в раскопе 23А в 1966 г., комната 19; б/н.

127. То же. Обломок. На об. ст. сохранилась надпись 'wkk... (?)'; С₃. Колл. Тереножкина; шифр $\frac{C-47}{30}$; на глубине 60—45 см от восточной стены; б/н.

128. То же. Обломок; в. 1,6; С₃. Подъемная; б/н.

129. То же. Л. ст.: знаки отчетливые, квадратное отверстие неровное, ободок узкий. Об. ст.: надпись обычная. Остатки литника. Металл окислен. Д. 25; в. 2,30; ↓ ; С₂. Найдена в раскопе 18; шифр $\frac{B-46}{IV}$; б/н.

130. То же. Кружок с края обломан. Д. 26; в. 4,68; ↓ ; С₄; найдена в раскопе 13Г. Инв. 4872, колл. 59/24.

131. То же. Л. ст.: знаки отчетливые. Об. ст.: следы надписей едва заметны. Края кружка неровные, местами обломаны. Д. 25; в. 3,20; ↓ ; С₂. Найдена в раскопе 9, шурф 3а под стеной из пахсы; б/н.

132. Три четверти такой же монеты. Л. ст.: сохранился левый У-образный знак и верхняя часть правого трехконечного знака. От надписи сохранилось: 'wkk (?)'. Рамочка заполнена наполовину остатками металла. Д. 26; в. 3,63; ↓ ; С₂. Найдена на раскопе 4, в траншее, ярус IX. Инв. 4877, колл. 59/29.

Подражание монетам ихшидов (монетам Гурака)

133. Без обозначения места и времени, первая половина VIII в. Л. ст.: в поле посередине прямо-

угольная рамочка, имитирующая центральное квадратное отверстие, свойственное монетам китайского образца. По сторонам рамки концентрически расположенные два знака; справа от рамочки находится династийный знак ихшидов. Тогда, обращенный в левую сторону, слева ромбовидный знак монет Тархуна, в отличие от которого он несколько вытянут и имеет два отростка, пересеченные у основания корпуса знака отрезком прямой. По краю кружка ободок, сверху и справа срезанный краем кружка. Об. ст.: в поле посередине такая же рамочка, как на лицевой стороне, кругом согдийская надпись: 'wγ'g'k MLK'. По краям монеты ободок. Д. 23; в. 1,71; — ; С₁ (рис. 4, 4). Найдена в раскопе 23; ярус IX, пом. 2. Инв. 5309, колл. 99/8. Тип как Смирнова. Каталог..., 695—773.

134. То же. Л. ст.: знаки полустерты. Края кружка местами обломаны. Д. 16; д. 1,41; ← ; С₂ (рис. 4, 5). Найдена в раскопе 23, пом. 2. Инв. 5307, колл. 99/6.

135. То же. Д. 21; в. 1,82; ← ; С₁. Найдена в раскопе 23, ярус IX. Инв. 5305, колл. 99/6.

136. То же, вариант. Л. ст.: в центральной рамке точка. При чеканке штемпель на лицевой стороне не попал полностью на кружок. Об. ст.: надпись полустерта. Кружок по краям обломан. Д. 21; в. 1,52; ← ; С₂ (рис. 4, 6). Найдена в раскопе 23 в завале пом. 2, ярус IX. Инв. 5306, колл. 99/5.

137. То же, вариант. Л. ст.: династийный знак самаркандских ихшидов расположен слева от квадратного отверстия. При чеканке штемпель лицевой стороны не попал полностью на монетный кружок. Об. ст.: широкие ободки, знак и надписи обозначены. Края кружка неровные. Д. 22; в. 1,55; → ; С₃. Найдена в раскопе 23, завал помещения, ярус IX. Инв. 5308, колл. 99/7.

138. То же, вариант. Династийный знак самаркандских ихшидов расположен вправо от квадратного отверстия. Ободок широкий. Края кружка обломаны. Д. 22; в. 1,40; — ; С₂. Найдена в раскопе 23, пом. 2, ярус IX. Инв. 5310, колл. 99/9.

Неопределенные монеты самаркандских ихшидов

139. Сильно окисленная монета. Д. 21; в. 1,25; С₁. Найдена в раскопе 23, завал с керамическим браком. Инв. 5312, колл. 99/11.

140. То же. Д. 17; в. 1,02; С₄. Найдена в раскопе 23, завал. Инв. 5296, колл. 96/5.

141. То же. Д. 15; в. 1,10; С₄. Найдена в квадрате Л-39 под полом из жженого кирпича.

142. Половина монеты. Д. 17; в. 1,25; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36; б/н.

143. То же. С₄. Найдена в пункте 36, в яме.

144. Сильно окисленная монета в мелких кусках. С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36; шифр $\frac{С-47}{34}$; б/н.

145. Сильно окисленная обломанная монета. С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 683/842. Найдена в пункте 36, в яме на глубине 0,7 м; шифр $\frac{С-47}{8}$; б/н.

146. Сильно окисленная монета в мелких кусках. С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36, в яме на глубине 2,4 м; шифр $\frac{С-47}{32}$; б/н.

147. То же. В. 1,3; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 36; шифр $\frac{С-47}{37}$; б/н.

148. То же. Д. 20; в. 0,6; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842; б/н.

149. Обломки. В. 1,13; С₄. Найдена в пункте 10, квадрат 11.

150. Стерта. В. 1,0; С₄. Найдена в пункте 10, квадрат 11, глинобитный массив.

151. То же. Обломок. На л. ст. сохранился левый У-образный знак. Металл окислен. В. 0,70; С₄. Найдена в раскопе 25/1; шифр $\frac{Е-6}{III}$; б/н.

152. Стерта. В. 1,0; С₄. Найдена в пункте 10, квадрат 11, глинобитный массив; б/н.

153. Обломки. В. 0,59; С₄. Найдена в пункте 36, в яме глубиной 80 см у южной стены, в 35 см от восточной; шифр $\frac{С-47}{2}$; б/н.

154. Стерта. С₄. Подъемная.

155. Стерта. С₄. Место находки неизвестно; б/н.

156. Стерта. Д. 23; С₄. Найдена при рытье могил на городище. Самаркандский музей. Инв. 8397.

157. Фрагменты. Следы надписей на оборотной стороне; в. 0,80; С₄. Найдена на раскопе 25/VI; шифр $\frac{14-16}{4}$; б/н.

158. Обломок монеты с У-образным знаком на лицевой стороне; в. 1,03; С₄. Найдена на раскопе 25/1; шифр $\frac{E-6}{III}$; б/н.

159. То же. На оборотной стороне сохранился титул; в. 1,20. Найдена на раскопе 9; шифр $\frac{D-3}{I}$; б/н.

160. Металл окислен. С₄. Найдена на городище; шифр $\frac{B-3}{IV}$; б/н.

161. То же. С₄. Найдена там же; б/н.

162. То же. С₃. Найдена на раскопе 25/1; б/н.

163. То же. С₄. Найдена на раскопе 24; б/н.

164. То же. С₄. Найдена на раскопе 24; б/н.

§ 5. Монеты Чача (?)

165. С изображением полуфантастического животного. Л. ст.: бегущее вправо полуфантастическое животное, напоминающее льва с открытой пастью; большая голова чуть закинута; правая лапа поднята; животное хлещет себя хвостом, извивающимся за спиной. Изображение проступает неотчетливо. Об. ст.: в поле посередине вилообразный знак, обращенный вправо; над знаком и под ним следы согдийской надписи: $tr'\beta n$ ($tr'n\beta n$? $\beta trn\beta c$?). Края кружка местами обломаны. Д. 17; в. 1,70; $\leftarrow$; С₃ (рис. 4, 7). Найдена в раскопе 9, под стеной IX в., ярус VII. Тип как Смирнова. Каталог..., 747—774.

166. То же, вариант. Л. ст. стерта. Об. ст.: в поле по середине вилообразный знак, обращенный вправо, над ним надпись: $\gamma w\beta[w] tr'[\beta']$ или $trn\beta c$? Д. 18; в. 1,72; $\downarrow$; С₃. Найдена в раскопе 23, за южной стеной пом. 2. Инв. 5313, колл. 99/12.

167. Неизвестного места выпуска, с изображением коня. Л. ст.: неоседланный конь, идущий вправо; передняя левая нога приподнята и согнута в колене. Над спиной коня надпись согдийским развитым полукурсивом $sw\Gamma$ или, читая слева направо, $\gamma w\beta$. Под ногами коня остатки второй полустертой

надписи тем же полукурсивом, также слева направо: $\text{rgr}[y]w\beta$ (?). Об. ст. стерта. Д. 20; в. 1,38; $\downarrow$; C_3 (рис. 4, 8). Найдена в раскопе 6. Инв. 5160. Колл. 88/9. Тип как Смирнова. Каталог..., 734.

§ 6. Аббасидские фельсы

Ал-Аш'ас ибн Иахйа

168. Самарканд. 144/761. Л. ст.: в поле, в точечном круге: $\text{لا اله الا الله / وحده}$ „нет бога, кроме Аллаха единого“. Круговая легенда: $\text{بسم الله ضرب بسمرقند}$ „Во имя Аллаха выбит в Самарканде (в) год 144“. Все в точечном круге. Об. ст.: в поле в точечном круге: $\text{محمد / رسول / الله}$ под надписью знак согдийских ихшидов, изображенный в горизонтальном положении. Круговая легенда: $\text{امر به الاشعث بن يحيى فى ولية المهدي}$ „Приказал (выбить) его Ал-Ашас ибн Иахйа в наместничество ал-Махди ал-амира Мухаммада, сына амира правоверных“. Все в точечном круге. Д. 18; в. 2, 30; $\downarrow$; C_1 . Найдена в раскопе 23 в здании с росписями в зале, у печи. Тип как Смирнова. Каталог..., 815—841. Эрмитаж. Инв. 2843. Марков: Инв. каталог..., 16(56); Тизенгаузен, 724.

169. То же. Другой штемпель. Монета обломана, сохранился знак ихшидов и часть надписи. Сильно окислена. C_4 . Найдена в раскопе 23, в выбросе земли, около здания с росписями; б/н.

170. То же, вариант. Л. ст.: круговая легенда частично стерта, местами обломана, сохранились начальные слова: اربعم واربعمين [...] Об. ст.: в поле: $\text{محمد / رسول / الله}$. Под надписью династийный знак согдийских ихшидов. От круговой надписи сохранились два слова... فى ولية [...] Монета по краям обломана. Д. 20; в. 2, 12; $\uparrow$; C_3 . Найдена на раскопе 23, в завале пом. 2. Инв. 5316; колл. 99/15.

171. То же, другой штемпель. Л. ст.: в поле в трех строках обычная надпись. Круговая легенда четкая. Об. ст.: надпись

в поле стерта, от круговой легенды сохранилось ее начало и имя чиновника: أمر به الأشعث بن يحيى [فى ولاية المهدي الأمير] Монета обломана с края. Д. 20; в. 2, 09; С₃. Найдена на раскопе 9, траншея А XIII, на глубине 2 м. Инв. 5186, колл. 90/18.

172. То же. Сохранились следы надписи и знак ихшидов. Д. 18; в. 2,31; С₃. Найдена в шурфе, заложенном к северо-западу от цитадели. Инв. 4952, колл. 66/15.

173. То же. Об. ст. стерта. Кружок по краям обломан. С₄. Найдена в раскопе 23; шифр Е-9; б/н.

174. То же. На л. ст. от круговой легенды сохранилось два слова: ...ولية... سنة... Кружок по краям обломан. Д. 18; в. 2,20; ↓ ; С₃₋₄. Найдена в раскопе 23; б/н.

175. То же. Следы надписей. Края кружка обрезаны. С₄. Найдена в раскопе 23; б/н.

176. То же. Надписи и знак отчетливые. Д. 18; в. 2,30; ↓ ; С₁. Найдена в раскопе 23; б/н.

177. Фрагмент, на л. ст. которого сохранилась надпись в поле: لا اله الا اله وحده и имя чиновника в круговой легенде: ...الأشعث... Об. ст. стерта. С₄. Найдена в раскопе 23; шифр $\frac{A-11}{V}$ между 1 и 2 полем; б/н.

178. То же. Л. ст.: сохранилась круговая надпись. Монета обломана. С₄. Найдена в раскопе СамГУ; шифр $\frac{B-4}{3}$; б/н.

179. То же. Надпись читается, знак полустертый. Края обломаны. С₃. Раскопки СамГУ; б/н.

180. То же. Л. ст.: стерты следы надписи в поле, под надписью У-образный знак, расположенный горизонтально. От круговой легенды читается... بسم الله ضرب Об. ст. стерта. Металл сильно окислен. Д. 22; С₄. Найдена в раскопе 9 (14/IX) под чупанатинским сланцем в VII ярусе.

Ал-Джунайд ибн Халид

✧ 181. Бухара, 151/768 г. Л. ст. стерта. Об. ст.: в поле в двух строках, разделенных украшением: محمد رسول الله «Мухаммад, посланник Аллаха». Круговая ле-

генда срезана. Края кружка неровные. Д. 14; в. 0,85; —; С₃. Найдена в раскопе 9, на полу помещения 3. Инв. 5185, колл. 90/17. Тип как Смирнова. Каталог..., 916—928. Эрмитаж, 2817 и 2818; Марков. Инв. каталог..., 18/112 и 113.

Хамза ибн 'Амр

182. Хамза, сын Амра. 153/770 г. Л. ст.: **مما امر به حمزه بن عمرو**. Круговая легенда: **لا اله الا الله/وحده**. Из того, относительно чего приказал Хамза сын Амра, в наместничество ал-амира Хумайда, сына Кахтаба". Все в двойном линейном круге, разделенном в пяти местах по группам из трех точек; три из них сохранились, четвертая и пятая обломаны: Об. ст.: в поле в двойном круге: **محمد رسول الله**. Мухаммад, посланник Аллаха". Снизу украшение (знак?). Круговая легенда.... **بسم الله ضرب بسمرقند في ولاية المهدي سنة ثلث و خمسين**. „Во имя Аллаха выбит в Самарканде в наместничество ал-Махди в году 153". Штемпель на оборотной стороне чуть сдвинут вниз. Края монеты обломаны (срезаны) (?) Д. 21; в. 1,71; ↓; С₁ (рис. 5, 1). Найдена в раскопе, траншея А/ХІІІ. Инв. 5181, колл. 90/3.

183. То же, другая матрица. Штемпель сдвинут, края неровные. Металл окислен. Д. 21; в. 3,50; ↓; С₂. Найдена в раскопе 9, в траншее А/ХІІІ, на глубине 2 м. Инв. 5183, колл. 90/15.

184. То же, другая матрица. Кружок по краям обрезан. Д. 20; в. 2,09; ↓; С₂ (рис. 5, 2). Найдена в раскопе 9, в траншее, А/ХІІІ. Инв. 5184, колл. 90/16.

185. То же, другая матрица. Кружок по краям обломан (срезан). Д. 21; в. 1,30; ↓; С₁. Найдена в раскопе 9, в северном дворе, верхняя площадка, на полу. Инв. 5182, колл. 90/14.

186. То же, как и 177. Л. ст.: сохранилась круговая надпись и украшение (знак). Д. 21; С₃. Найдена в раскопе СамГУ, пом. 3; б/н.

187. То же. Д. 22; в. 2,30; ↑; С₂. Найдена там же; б/н.

188. Обломки. Л. ст.: сохранилось украшение под первой

частью символа веры и следы круговой легенды. С₄. Найдена на раскопе 13, в квадрате Г-XII, под стеной. Инв. 4863, колл. 59/15.

189. То же, как 183. Об. ст.: сохранилось только украшение. С₄. Найдена в раскопе СамГУ; б/н.

190. Имя чиновника, место чеканки и дата не сохранились, стерты. Л. ст. стерта. Об. ст.: в поле в трех строках: محمد رسول الله. Над надписью украшение (знак?). Круговая легенда стерта. Металл окислен. Обломана. Д. 23; в. 2,70; С₃₋₄. Найдена в раскопе 23, в здании со стенными росписями, в завале пом. 3. Инв. 5294, колл. 96/3.

Саид ибн Джафар

191. Самарканд, 185/801 г. Л. ст. стерта. Об. ст.: в поле в трех строках محمد/رسول/الله. Снизу надпись عدل. От круговой легенды сохранилось имя чиновника. Остальные надписи стерты. Д. 22; в. 2,82; С₃. Найдена в раскопе 9, в центральном дворе между 1 и 2 полом; б/н. Ср. Тизенгаузен. Монеты..., 1391.

Гассан ибн Аббад

192. Самарканд, 205/822 г. Л. ст.: в поле в трех строках: بسم الله ضرب هذا لا اله الا الله وحده. Круговая легенда: „Во имя Аллаха выбит этот фельс в Самарканде в 205 году“. Круговая легенда разделена на части пятью точками. Об. ст.: в поле: محمد/رسول/. الله. Поверх لله над двумя ламами в середине точка. Внизу буква: ما. Круговая легенда: مما امر به الامير غسان بن عباد. „Из того, относительно чего приказал ал-амир Гассан ибн Аббад, да продлит его (жизнь) Аллах“. Д. 20; в. 1,92; ↓; С₂. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 37; б/н. Тип как Марков. Инв. каталог..., 742—743.

193. То же, другая матрица. Л. ст.: от круговой легенды сохранились место чекана и единицы года... [بسم الله سنة

...] حمس... Об. ст.: в поле сверху الله, снизу ه. Круговая легенда полустерта. Края кружка неровные. Д. 19; в. 1,54; ↓ ; С₃. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена на правом берегу оврага Ходжа Данияр, в квадрате А, на глубине 30 см; б/н.

194. То же, другая матрица. Края кружка неровные. Д. 18; в. 2,39; ↓ ; С₂. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 2; б/н.

195. То же. От круговой легенды на об. ст. сохранились слова: ...مما أمر... Остальные надписи срезаны. Д. 20; в. 1,96; ↓ ; С₃. Подъемная; б/н.

196. То же. Круговые легенды на обеих сторонах не читаются. Кружок с края обломан. Д. 18; в. 1,80; С₃₋₄. Найдена в раскопе 8, шифр $\frac{Д-1}{III}$ Инв. 4949, колл. 66/2.

197. То же. Края кружка срезаны. Д. 20; в. 2,00; ↑ ; С₂ (рис. 5, 3). Найдены в раскопе 25/1; шифр $\frac{Е-6}{III}$; б/н.

198. То же. Надписи на обеих сторонах полустерты. Д. 21; в. 1,98; ↑ ; С₃. Найдена в раскопе СамГУ, пом. 4; б/н.

199. То же. Надпись читается отчетливо. Д. 20; в. 1,97; ↓ ; С₂. Подъемная; б/н.

200. То же. На об. ст. сохранилась только буква ل внизу в поле. Д. 19; в. 1,00; С₄. Металл окислен. Найдена в раскопе СамГУ; б/н.

201. То же. Надписи полустерты. Края неровные. Д. 20; в. 2,03; ↓ ; С₂₋₃. Найдена в раскопе 2. Инв. 2865; колл. 33/15.

202. То же. Л. ст. полустерта. Об. ст. отчетливая. Круговая надпись полустерта. Д. 18; в. 1,30; ↓ ; С₃. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 2; б/н.

203. То же, другая матрица. Л. ст.: надписи неотчетливые. Края кружка срезаны. Д. 20; в. 2,63; ↓ ; С₃. Найдена в раскопе 9А; шифр $\frac{Д-4}{V}$. Инв. 5188, колл. 90/20.

204. То же. Надписи полустерты. Д. 20; в. 2,10; ↑ ; С₃. Найдена в раскопе СамГУ; б/н.

205. То же, но другого штампея. Д. 19; в. 1,98; ↓ ; С₃. Найдена в раскопе СамГУ; б/н.

206. То же. Металл сильно окислен. Д. 20; в. 2,20; С₃₋₄. Найдена в раскопе СамГУ; б/н.

207. То же. Надписи на обеих сторонах отчетливые. Д. 21; в. 1,97; ↓; С₃. Найдена в раскопе СамГУ, б/н.

208. То же. От круговой легенды на лицевой стороне сохранились только слова... سنة خمس..., остальные стерты. Д. 18; в. 1,88; ↓; С₃. Найдена в раскопе СамГУ; б/н.

Мухаммад ибн Ибрахим ибн Йезид

209. Место чекана и год не сохранились. Л. ст.: в поле в точечном круге в трех строках: لا اله الا الله وحده لا شريك له. Снизу украшение в виде листка с длинным черенком, отогнутым влево. От круговой легенды сохранились отдельные буквы, надпись не читается. Об. ст.: в поле в трех строках: مما امر به الامير محمد بن ابراهيم بن يزيد. Из того, относительно чего приказал ал-амир Мухаммад сын Ибрахи-ма, сын Йезида. Под надписью украшение. Круговая легенда не читается. Края кружка местами обломаны (срезаны?). Д. 20; в. 1,47; ←; С₃. (рис. 5, 4). Найдена в раско-пе 9, в завале сырцового кирпича; шифр $\frac{K-9}{III}$. Инв. 5191, колл. 90/23.

Неопределенные фельсы

210. Л. ст.: в поле куфическая надпись в три строки: لا اله الا الله وحده لا شريك له. Круговая легенда содержит изречение из Корана такое же, как на монете 5. Об. ст.: в поле в точечном круге в трех строках: محمد رسول الله ارسله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله و [كوكره] المشركون. Круговая легенда не читается. Края кружка обломаны. Д. 21; в. 1,70; ←; С₃. (рис. 5, 5). Найдена в раскопе 9; шифр $\frac{K-17}{V}$, в завале сырцового кирпича. Инв. 5192, колл. 90/24.

211. То же. Об. ст.: гладкая без отличий. Края кружка обломаны. Д. 21; в. 1,60; С₃₋₄. Найдена в раскопе 9, шифр $\frac{A-2}{VII}$; б/н.

212. Такая же с полустертой надписью на л. ст. Об. ст. гладкая. Д. 21; в. 1,82; С₄. Найдена в раскопе 8; шифр $\frac{E-4}{IV}$. Инв. 4951, колл. 66/4.

213. То же. Л. ст.: в поле в трех строках отчетливая надпись. Круговая легенда полустерта. Об. ст. гладкая. Д. 20; в. 1,76; С₃₋₄. Найдена в раскопе 9, шифр $\frac{K-17}{V}$. Инв. 5190, колл. 90/22.

214. То же. Л. ст.: в поле куфическая надпись в три строки: لا اله الا الله وحده / لا شريك له. Между словами الله и لا сверху точка. От круговой легенды сохранились следы надписи. Об. ст. гладкая, без отличий. При отливке монеты матрицы чуть сдвинулись, дав уступчатый край кружка. Д. 21; в. 1,70; С₄. Найдена в раскопе 23. Инв. 5297, колл. 96/6.

215. То же. Л. ст.: отчетливая центральная надпись. Круговая легенда стерта. Об. ст. стерта. Кружок обломан, с края выступ металла. Монета чуть погнута. Д. 21; в. 1,70; С₃₋₄. Найдена в раскопе 9А; шифр $\frac{0-1}{IV}$; инв. 5189, колл. 90/21.

216. То же. Л. ст.: из круговой легенды сохранилось слово الله остальные не читаются. Об. ст. гладкая. Металл окислен. Д. 21; в. 1,70; С₄. Найдена в раскопе СамГУ; б/н.

217. То же. Л. ст.: отчетливо читается надпись в поле. От круговой легенды сохранились следы отдельных букв. Об. ст. стерта. Д. 22; в. 1,68; С₃₋₄. Найдена в раскопе 18; б/н.

Фельсы плохой сохранности,
не поддающиеся определению

218. Л. ст.: в поле в трех строках в мелко-точечном круге: لا اله الا الله وحده Над словом «Аллах» точка, вторая внизу под буквой د в слове وحده. Круговая легенда не сохранилась, стерта и обломана. Об. ст.: в поле в точечном круге в трех строках: محمد رسول الله Д. 18; в. 2,45; ↓ ; С₃₋₄. Найдена в раскопе 23, пом. 2. Инв. 5315, колл. 99/14.

219. То же, вариант. Л. ст.: в поле в точечном круге надпись: لا اله الا الله وحده / لا شريك له. От круговой легенды сохранилось место чекана ... بسمر قند ...

Остальные надписи стерты и обломаны. Края кружка неровные. Д. 17; в. 0,91; ↓; С₄. Найдена в раскопе 9А, шифр $\frac{Д-3}{V}$. Инв. 5193, колл. 90/25.

220. То же. Следы надписи. Края неровные. Д. 18; в. 0,98; ↑; С₃₋₄. Найдена в раскопе 23; шифр $\frac{Д-8}{V}$; б/н.

221. То же. Д. 18; в. 1,20; ↓; С₃₋₄. Найдена в раскопе 23, в керамическом отвале; б/н.

222. То же. Полустертая надпись. Кружок с края обломан. Д. 21; в. 1,25; С₄. Найдена в раскопе 2, в квадрате Б-2. Инв. 4954, колл. 66/7.

223. То же. Д. 21; в. 1,26; ↓; С₄. Найдена в раскопе 23Г на дороге; б/н.

224. То же. Л. ст.: от круговой надписи сохранилось место чекана ... بِسْمِ رَبِّهِ ... , остальные надписи стерты. Об. ст. стерта.

225. То же. Обломки. Л. ст.: от круговой легенды сохранилось слово ... بِسْمِ اللَّهِ ... , остальные надписи стерты. Д. 22; С₄. Найдена в раскопе 13/VII. Инв. 4862, колл. 59/14.

226. То же. Стерта. С₄. Найдена на севере городища, пом. 6; б/н.

227. То же. На л. ст. сохранилась надпись в поле: لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ وَحْدَهُ. Металл окислен. Д. 20; в. 1,46; С₄. Найдена в раскопе 25/I; шифр $\frac{Е-6}{III}$; б/н.

228. Едва проступают следы надписей. С края кружок обломан. Д. 20; в. 1,30; С₄. Найдена в раскопе 2. Инв. 2879, колл. 33/2.

229. То же. С края кружок обломан. Д. 17; в. 1,30; С₄. Найдена в раскопе 2, при расчистке печи. Инв. 2863, колл. 33/13.

230. Следы надписей. Д. 17; в. 1,30; С₄. Найдена в мечети у южного фаса стены; б/н.

231. Фрагмент. Едва намечаются следы надписи. Д. 19; в. 1,22; С₄. Найдена в раскопе 23, в северной части, устье печи № 2; ярус V; б/н.

232. Следы надписей: Д. 20; в. 2,02; С₄. Найдена в раскопе 23; шифр $\frac{Б-16}{V}$; б/н.

233. Стерта. Д. 18; в. 1,55; С₄. Найдена в раскопе 23, в квадрате Б-16; б/н.

234. Л. ст.: надпись в поле в трех строках: لا اله الا الله «Нет бога, кроме Аллаха единого, нет ему сотоварища». Об. ст.: следы надписей. Д. 29; в. 1,70; С₄. Найдена в раскопе 23; шифр $\frac{C-2}{VI}$; б/н.

235. То же. Д. 18; в. 1,30; С₄. Найдена в раскопе 23; шифр $\frac{E-16}{VI}$; на полу; б/н.

236. То же. Д. 16; в. 1,20; С₄. Найдена в раскопе 23; шифр $\frac{E-16}{VI}$; на полу; б/н.

237. Обломок. Д. 16; в. 1,10; С₄. Найдена в 1967 г. в раскопе 25/I; шифр $\frac{E-4}{VI}$; б. н.

238. Следы надписей. Д. 16; в. 1,52; С₄. Найдена в раскопе 25/I; шифр $\frac{B-2}{IV}$; б/н.

239. То же. Д. 17; в. 1,40; С₄. Найдена там же; б/н.

240. То же. Д. 16; в. 1,53; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 42; б/н.

241. То же. Д. 17; в. 1,48; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 10, в квадрате 15; на полу, в хуме.

242. Обломки. Д. 183; в. 0,90; С₄. Колл. Тереножкина. ГЭОН, фонд 583/842.

243. Следы надписей. Д. 18; в. 1,2; С₄. Колл. Тереножкина. ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 10; шифр $\frac{C-47}{321}$ в колодце на глубине 2—3 м; б/н.

244. То же. Д. 18; в. 1,30; С₄. Колл. Тереножкина, ГЭОН, фонд 583/842. Найдена в пункте 2; шифр $\frac{C-47}{384}$; б. н.

245. То же. Металл сильно окислен. Д. 21; в. 1,25; С₄. Найдена в раскопе СамГУ; шифр $\frac{M-7}{III}$; б. н.

246. То же. Д. 20; в. 1,85; С₄. Найдена там же, в квадрате 12/IV; б/н.

247. То же. Д. 21; в. 1,90; С₄. Найдена там же; шифр $\frac{Ж-9}{III}$; б/н.

248. То же. Д. 18; в. 1,76; С₄. Металл окислен. Найдена там же; шифр $\frac{M-7}{VI}$.

КЛАД СЕРЕБРЯНЫХ САСАНИДСКИХ МОНЕТ

В 1948 г. А. И. Тереножкин в пункте № 10 городища Афрасиаб на левом берегу оврага Ходжа Данияр (в северной части городища) на полу помещения нашел корчагу для вина, внутри которой оказалось 20 серебряных сасанидских монет¹³⁵. Этот клад был передан в Государственный Эрмитаж (отдел нумизматики). В настоящее время клад состоит из двух целых монет и одного крупного обломка, остальные очень плохой сохранности.

249. Пероз (459—484 гг.). Монетный знак АМ или АТ. Л. ст.: в поле в рубчатом круге бюст царя, повернутый вправо. На голове корона, над которой вертикальный стержень, к верхнему концу которого прикреплен полумесяц с шаром над ним, выходящим за пределы монетного поля. В ухе царя серьга, переданная тремя точками. Перед лицом обычная пехлевийская надпись, содержащая имя царя Пероза: *tazdāysh kadī Pīroōšī*. Об. ст.: в поле алтарь, узкий в середине, кверху и книзу расширяющийся уступами; узкая часть украшена лентами. Над алтарем пылающий огонь, слева от которого звездочка, справа — полумесяц. По сторонам стоят стражи (мобеды) с фигурными головными уборами, у каждого над плечами по одной точке, а за плечами видны ленты диадемы. Справа знак АТ или АМ. Слева надпись *Pīroōšī*. Монета срезана с края. Д. 25; в. 3,62; ↓ ; C₁₋₂.

250. То же. Другой штемпель. Монетный знак АТ. Л. ст.: изображение как у предыдущей монеты. Об. ст. как у предыдущей монеты. Звездочка и полумесяц срезаны. Справа знак АТ, слева надпись *Pīroōšī*. Края кружка неровные, с края кружок срезан. Д. 31; в. 3,85; ↓ ; C₂.

251. То же. Монетный знак АS, фрагмент. Сохранилась только голова царя Пероза и вертикальный стержень над короной на лицевой стороне, а на оборотной стороне один из мобедов и знак АS.

252. То же. Обломок. Сохранился знак АИ.

¹³⁵ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб, стр. 137.

ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ МОНЕТ В САМАРКАНДЕ И ЕГО РАЙОНАХ

1. СЕРЕБРО

§ 1. Подражания монетам Евтидема (около 230 — 200 гг. до н. э.)

253. Л. ст.: голова безбородого государя, повернутая вправо. Контуры головного убора обведены крупными точками. В поле слева схематизированные концы диадемы в виде двух сомкнутых треугольников. Над головой — расходящиеся черточки нимба. Переданные крупными точками волосы двумя тяжелыми прядями ниспадают на шею, закрывая ухо. Прямой крупный нос. Ободок из точек. Об. ст.: схематическая фигура сидящего человека влево. Левая рука свободно опущена, правая держит короткую палку, другой конец которой покоится на правом колене. Сиденье изображено в виде полуовала с тремя точками в середине, отчеркнутого снизу длинной прямой чертой. Древнесогдийская надпись справа от фигуры. Д. 27; в. 9,8; ↓; С₁. Найдена около Шарабудина. Самаркандский музей. Инв. 7710. Тип как В. Массон. Древнесогдийская монета..., стр. 85.

§ 2. Сасаниды

254. Монетный знак АИ. Пероз I (459—484). Л. ст.: в поле в рубчатом круге бюст царя, повернутый вправо. На голове корона. Над короной вертикальный стержень, к верхнему концу которого прикреплен полумесяц в виде шара, выходящего за пределы монетного поля. В ухе царя серьга, переданная, тремя точками, перед лицом обычная пехлевийская надпись, содержащая имя царя Пероза: *mazdaysh kadī Rīgōšī*. Об. ст.: в поле алтарь узкий в середине, кверху и книзу расширяющийся уступами; узкая часть украшена лентами. Над алтарем пылающий огонь, слева от которого звездочка, справа полумесяц. По сторонам стоят стражи (мобеды) с фигурными головными уборами, у каждого над плечами по одной точке, а за плечами видны ленты диадемы. Слева надпись *Rīgōšī*. Справа знак АИ. Края монеты обломаны. Д. 25; в. 3,55; ↓; С₁. Точное место находки неизвестно. Куплена у К. Г. Яковлевой. Самаркандский музей, инв. 8715.

**§ 3. Аббасидские подражания
бухарским драхмам. Мухаммад ал-Махди,
наместник в Хорасане (759—775 гг.)**

255. Л. ст.: погрудное изображение царя передано схематически штрихами и точками; перед лицом царя местная надпись: $\rho\omega\gamma'g \gamma\omega\beta k'w'$ —«Государь, Бухары царь». Слева за венцом арабская надпись: المهدي «ал-Махди». Об. ст.: посередине алтарь с двухступенчатым основанием, над ним в пламени голова царя (?), обращенная вправо. С двух сторон алтаря фигуры мобедов (стражей). Д. 23; в. 1,80; $\leftarrow$; С₁. Найдена в Зааминском районе. Инв. 3221, колл. 47/1. Тип как 7—13.

II. МЕДЬ (БРОНЗА)

§ 1. Ихшиды Самарканда

Шипир

256. Без обозначения места и года выпуска. Тип как 31—46. Кружок по краям обломан. Д. 20; в. 1,40; $\downarrow$; С₃. Найдена на городище Талибарзу. Самаркандский музей; б/н.

257. То же. Д. 25; в. 3,65; $\downarrow$; С₁. Найдена там же. Самаркандский музей, С8.

258. То же. Знаки и надписи отчетливые. Края кружка неровные. Д. 25; в. 3,65; $\uparrow$; С₁. Найдена там же, Самаркандский музей; б/н.

259. То же. Л. ст.: знаки оплыли. Об. ст.: надписи, в особенности верхняя, сильно оплыли; неровный ободок очень узкий. Чуть неровный край. Д. 25; в. 3,92; $\downarrow$; С₂. Найдена на городище Кулдортепа. Самаркандский музей, А-338-747.

260. То же, другая матрица. На об. ст. надпись едва проступает. Протерта. Д. 16; в. 1,69; $\downarrow$; С₂. Найдена там же. ГЭСА.

261. То же. Л. ст.: знаки чуть оплыли. Об. ст.: узкий ободок неровный. Д. 22; в. 3,10; $\downarrow$; С₂. Найдена там же. Самаркандский музей, А-378-444.

Вархуман

262. Без обозначения места и года выпуска. Тип как 47—51. Л. ст.: знаки отчетливые. Об. ст. стерта. Кружок обломан. Д. 24; С₃. Найдена на городище Кафиркала. ГЭСА, 7560.

Тукаспадак

263. Без обозначения места и года выпуска. Тип как 52—57. Л. ст.: широкий ободок и рамка лишь намечаются на неровной поверхности. Об. ст.: надпись: *twk's'dk MLK'* — «ихшид Тукаспадак» четкая. Д. 22; в. 2,21; —>; С₃. Найдена на городище Кулдортепа. Самаркандский музей, С17.

264. То же, другая матрица. Д. 21; в. 1,93; —>; С₂. Найдена на городище Талибарзу в шурфе А, квадрат А на глубине 2,1 м. ГЭСА, 15050.

Тархун

265. Без обозначения места и года выпуска. Тип как 70—91. Л. ст.: по краю кружка широкий ободок. Об. ст.: согдийская надпись в две concentрические строки: *trw'n MLK'* «ихшид Тархун». Края кружка неровные. Д. 25; в. 3,50; ←; С₄. Найдена на городище Талибарзу. Самаркандский музей; б/н.

266. То же. Д. 24; в. 3,00; ←; С₃. Найдена там же. Самаркандский музей; б/н.

267. То же. С₁. Найдена на городище Кафиркала. ГЭСА, 7558.

268. То же. Л. ст. полустерта. Края кружка неровные. Д. 25; в. 2,30; —>; С₃. Найдена на городище Талибарзу, на полу помещения. ГЭСА.

269. То же. Д. 24; в. 2,20; —>; С₂. Найдена там же. Самаркандский музей, инв. 11527.

270. То же. Л. ст.: контуры знаков нечеткие, узкая рамка, ободок едва намечается. Об. ст.: рамка очень узкая. Ободок неровный. Д. 24; в. 3,25; ←; С₂. Найдена на городище Кулдортепе. Самаркандский музей, С-25.

271. То же. Надпись на об. ст. полустерта. Края кружка обломаны. Д. 23; ←; С₃. Найдена в 1962 г. на Самаркандской стоянке; шифр Д-4, на глубине 0,25 м. СамГУ, кабинет археологии; б/н.

Гурак

272. Без обозначения места и года выпуска. Тип как 92—101. Л. ст. отчетливая, по внешнему краю кружка широкий ободок. Об. ст.: обычная надпись: wṛk MLK'. Квадратное отверстие заключено в узкую рамку. Д. 23; в. 3,00; →; С₁. Найдено на городище Талибарзу. Самаркандский музей. С-2.

273. То же, другая матрица. Д. 31; в. 3,00; →; С₁. Найдена в Кафиркале. Тургар. Тип А.

274. Без обозначения места и времени (Самарканд). Л. ст.: два династийных знака, расположенных по сторонам квадратного отверстия, заключенного в неширокую рамку. Справа У-образный знак, повернутый вправо, слева вариант бухарского знака. По краям узкий ободок. Об. ст.: надпись в две concentric строки: twṛ'g MLK'—«ихшид Тургар». Квадратное отверстие заключено в неширокую рамку. По краю неровный ободок. Д. 22; в. 2,45; ↓; С₂. Найдена в Кулдортепе. Самаркандский музей. Тип как Смирнова. Каталог..., 100—116.

275. То же, как Тургар, тип Б. Тип как 102—118. Надпись на об. ст. полустерта. Д. 19; в. 2,24; ↑; С₂. ГЭОН. Найдена там же; б/н.

276. То же. Надпись на об. ст. полустерта. Рамка очень узкая. Нет ободка. Д. 17; в. 1,70; →; С₄. Найдена там же. Самаркандский музей, С-125. А-378-742.

277. То же. Л. ст.: гладкая. Об. ст.: едва проступает надпись. Д. 16; в. 2,60; ↑; С₃. Самаркандский музей, С-126; А-378-442.

Неизвестный ихшид

278. Первая четверть VIII в., 'wkk (?). Без обозначения места и года выпуска. Тип как 123—132. Л. ст.: квадратное отверстие неровное. По внешнему краю кружка широкий неровный ободок. Края кружка неровные. Д. 28; в. 2,67; →; С₃. Найдена на городище Талибарзу. Самаркандский музей, С-33.

279. То же, другая матрица. С₄. Найдена там же, инв. 477915.

280. То же, другая матрица. Д. 28; в. 5,56; →; С₂. Най-

дена на городище Кафиркала. Самаркандский музей, С-149. Д. 28; в. 5,10; → ; С₂. Найдена там же. ГЭСА, 7559.

281. То же. Д. 27; в. 3,90; → ; С₂. Найдена там же. ГЭСА, 7559.

282. То же. Д. 28; в. 4,20; → ; С₂. Найдена там же. Самаркандский музей, С-28.

283. То же. Половина монеты. С₄. Найдена на городище Кулдортепе. Самаркандский музей, А-378-743.

Ал-Аш'ас ибн Иахйа

284. Самарканд, 144/761 г. Тип как 168. Л. ст.: от круговой легенды сохранились: ...[ضرب بسمير قند]... остальные стерты. Об. ст.: круговая легенда полустерта. Края кружка неровные и обломаны. Д. 18; в. 1,72; ↓ ; С₃. Найдена на городище Талибарзу. Самаркандский музей, С-29.

Гассан ибн Аббад

285. Самарканд, 205/822 г. Тип как 192. Л. ст.: круговая легенда полустерта; все в круге из точек. Об. ст.: отчетливо читается. Края кружка неровные. Д. 21; в. 1,90; ↓ ; С₂. Найдена в г. Самарканде, на кирпичном заводе. Самаркандский музей, инв. 8497.

Неопределенный халифатский фельс

286. Стерта. Д. 19; в. 1,50; С₄. Найдена в г. Самарканде. Самаркандский музей, инв. 8415.

Клад согдийских оболов

В 1939 г. на городище Талибарзу, в 6 км южнее Самарканда местным колхозником при полевых работах найден клад согдийских оболов.

Клад передан в Государственный Эрмитаж. Инв. СА15121-СА15149.

287. Л. ст.: профильное изображение головы царя, повернутой влево. Изображение контурное — точками, штрихами. Короткие волосы, переданные изогнутыми штрихами, спускаются беспорядочными густыми прядями на лоб и затылок,

нос передан чуть изогнутой чертой, глаз — треугольником, ухо — незамкнутым овалом, рот и подбородок — двумя крупными точками. По краю кружка следы ободка, сохранившиеся местами. Об. ст.: стоящий во весь рост лучник в пластинчатом панцире. На груди две крупные точки обозначают грудь. Нижняя часть панциря передана тремя чуть вогнутыми штрихами. Широко расставленные ноги лучника одеты в высокие сапоги (мягкие?) без каблуков, ступни обращены во внешнюю сторону. Под ногами лучника лунка. Шея подчеркнута полукружиями, схваченными двумя точками на плечах. В левой, согнутой в локте руке — натянутый лук; тетива соединяется с луком крупными точками. Правая рука лучника лежит на чуть вогнутом колчане(?). Колчан передан четырьмя точками. Д. 0,9; в. 0,23; С₂. Тип как Смирнова. Каталог..., 1.

288. То же, вариант. Колчан (?) лучника, изображенного на об. ст. передан тремя точками. Д. 0,9; в. 0,23; С₁.

289. То же, вариант. Верхняя часть пластинчатого панциря на об. ст. передана двумя вертикальными узкими овалами от плеча до пояса, колчан передан пятью точками. Кружок обломан с края. Д. 10; в. 0,27; С₂.

290. То же, вариант. Об. ст.: колчан (?) передан четырьмя точками, штемпель чуть сдвинут вверх. Д. 10; в. 0,28; С₂.

291. То же, вариант. Об. ст.: колчан передан тремя точками. Сапоги лучника на высоких каблуках. Лунка под ногами отсутствует. Д. 10; в. 0,27; С₂.

292. То же, другой штемпель. Д. 0,9; в. 27; С₂.

293. То же, другой штемпель. Д. 0,9; в. 23; С₃.

294. То же, другой штемпель. Об. ст.: едва проступает изображение лучника. С края кружок обломан (срезан?). Д. 10; в. 0,24; С₃.

295. То же, другой штемпель. Д. 0,9; в. 0,27; С₂₋₃.

296. То же, другой штемпель. Об. ст.: слева от лучника небольшая лунка. Д. 0,9; в. 0,23; С₃.

297. То же, вариант. Об. ст.: колчан (?) передан четырьмя точками, ступни ног в сапогах без каблуков и опущены вниз. Д. 10; в. 0,31; С₁.

298. То же, другой штемпель. Д. 0,9; в. 0,22; С₁.

299. То же, другой штемпель. Д. 10; в. 0,29; С₂.

300. То же, другой штемпель. Д. 10; в. 0,23; С₁.

301. То же, другой штемпель. Д. 10; в. 0,30; С₁.

302. То же, другой штемпель. Д. 0,9; в. 0,22; С₂.
303. То же, вариант. Л. ст.: изображение головы царя отчетливое. Об. ст.: ноги лучника срезаны краем монеты. Колчан (?) передан двумя точками; натянутый лук посередине не имеет изгиба. С. края кружок обломан (срезан?). Д. 10; в. 0,35; С₁.
304. То же, другой штемпель. Д. 10; в. 0,22; С₂.
305. То же, другой штемпель. Л. ст.: перед лицом царя следы надписи. Об. ст.: слева от лучника небольшая лунка. Д. 0,9; в. 0,28; С₂.
306. То же, другой штемпель. Л. ст.: изображение головы царя передано еще более схематично. Об. ст.: колчан перпендикулярен к телу лучника, как на монете 39. Д. 10; в. 0,22; С₁.
307. То же, другой штемпель. Д. 0,9; в. 0,29; С₂₋₃.
308. То же, другой штемпель. Об. ст.: колчан (?) передан тремя точками: нижняя часть панциря изображена полукругом, концы которого доходят до середины ноги. Д. 1,0; в. 0,23; С₂.
309. То же, другой штемпель. Д. 10; в. 0,23; С₂.
310. То же, вариант. Об. ст.: изображение лучника с полупущенным колчаном передано в основном тонкими линиями. Д. 10; в. 0,28; С₂.
311. То же, другой штемпель. Д. 10; в. 0,33; С₂.
312. То же, другой вариант. Об. ст.: контуры лучника переданы схематично. Слева между палицей, колчаном и локтем левой согнутой руки — лунка. Д. 1,0; в. 0,24; С₂.
313. То же, другой штемпель. Д. 1,0; в. 0,28; С₂.
314. То же, другой штемпель. Кружок слева обломлен. Д. 1,0; в. 0,32; С₂₋₃.
315. То же, другой штемпель. Д. 1,0; в. 0,29; С₂.

Клад медных монет Самаркандских ихшидов

Клад найден в 1965 г. в колхозе им. Энгельса Самаркандского-Сельского района сотрудником Института археологии АН УзССР Р. Равшановым. Клад состоял, по его словам, из тридцати медных монет, имеющих форму китайских. К сожалению, клад разошелся по рукам. Сохранились

всего три монеты, которые оказались монетами ихшидов Самарканда:

316. Вархуман. Тип как 47—51. Знаки на л. ст. и надписи на об. ст. отчетливые, ободки по внешнему краю неровные. Кружок обломан и погнут. Д. 22; в. 1,50; С₂; б/н.

317. То же. Л. ст. полустерта. Об. ст.: надпись отчетливая. Края кружка неровные, монета чуть обломана с края. Д. 22; в. 1,80; С₂.

318. Тархун. Тип как 70—91. Знаки и надписи отчетливые, ободки неровные. Остатки литника¹³⁶. Д. 23; в. 2,50; С₂₋₃.

¹³⁶ Монеты плохой сохранности, поэтому мы воздержались от указания на разницу в их матрицах. Монет, отлитых в одной и той же матрице (термин условный), нам отметить не удалось.

Рис. 1. Дирхемы.

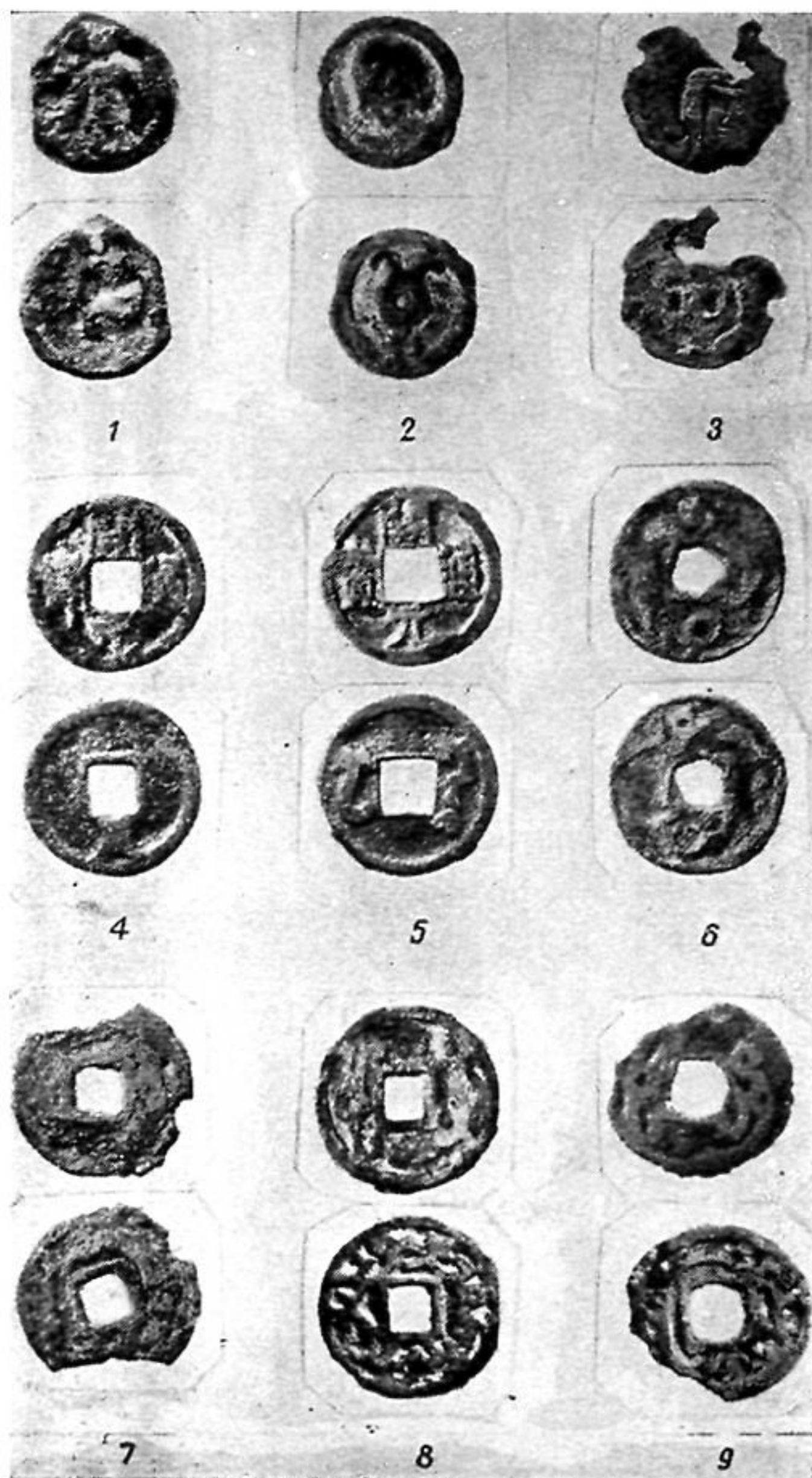

Рис. 2. Медные кушанские и согдийские монеты.

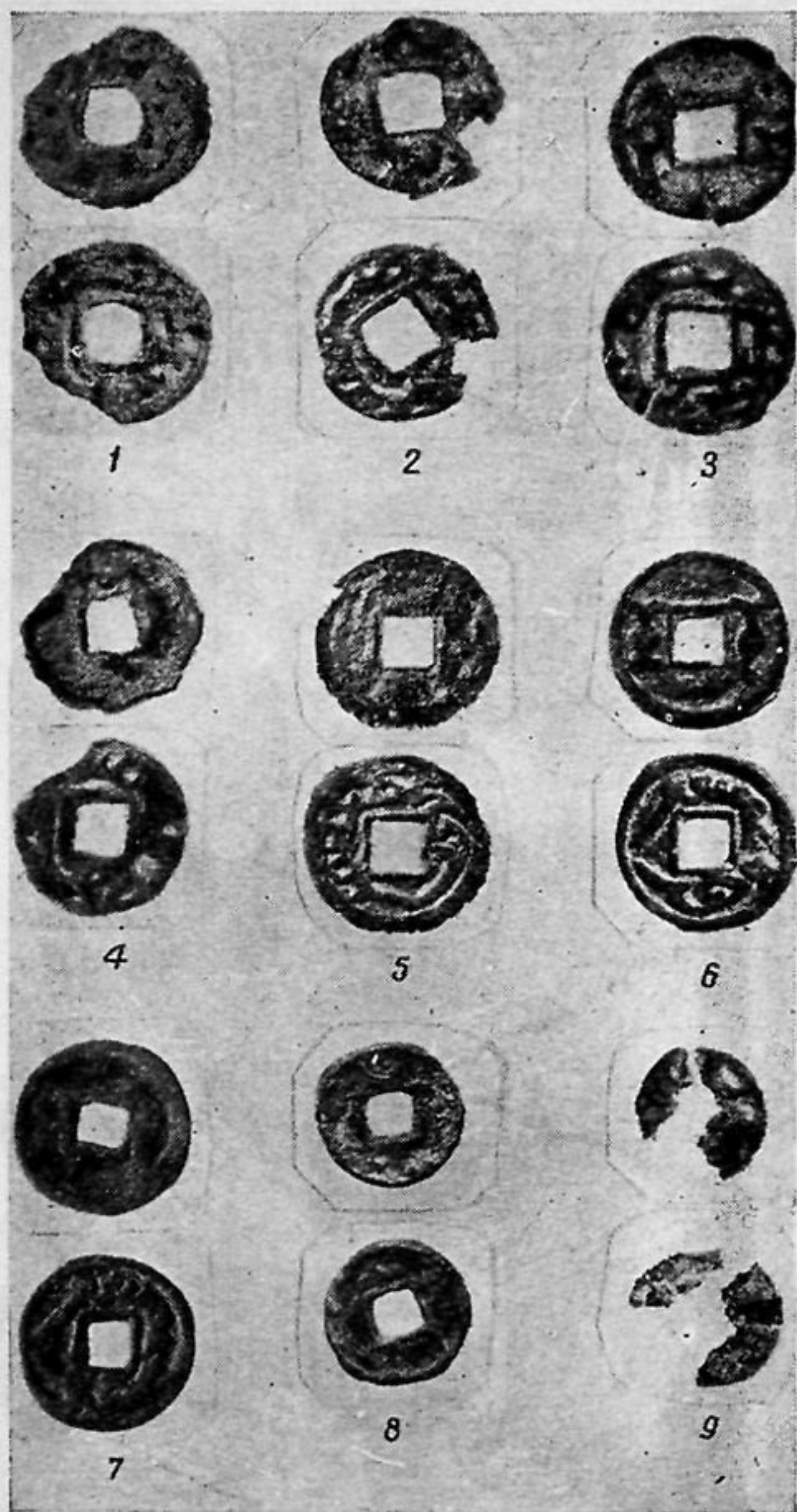

Рис. 3. Медные монеты самаркандских правителей VII—VIII вв.

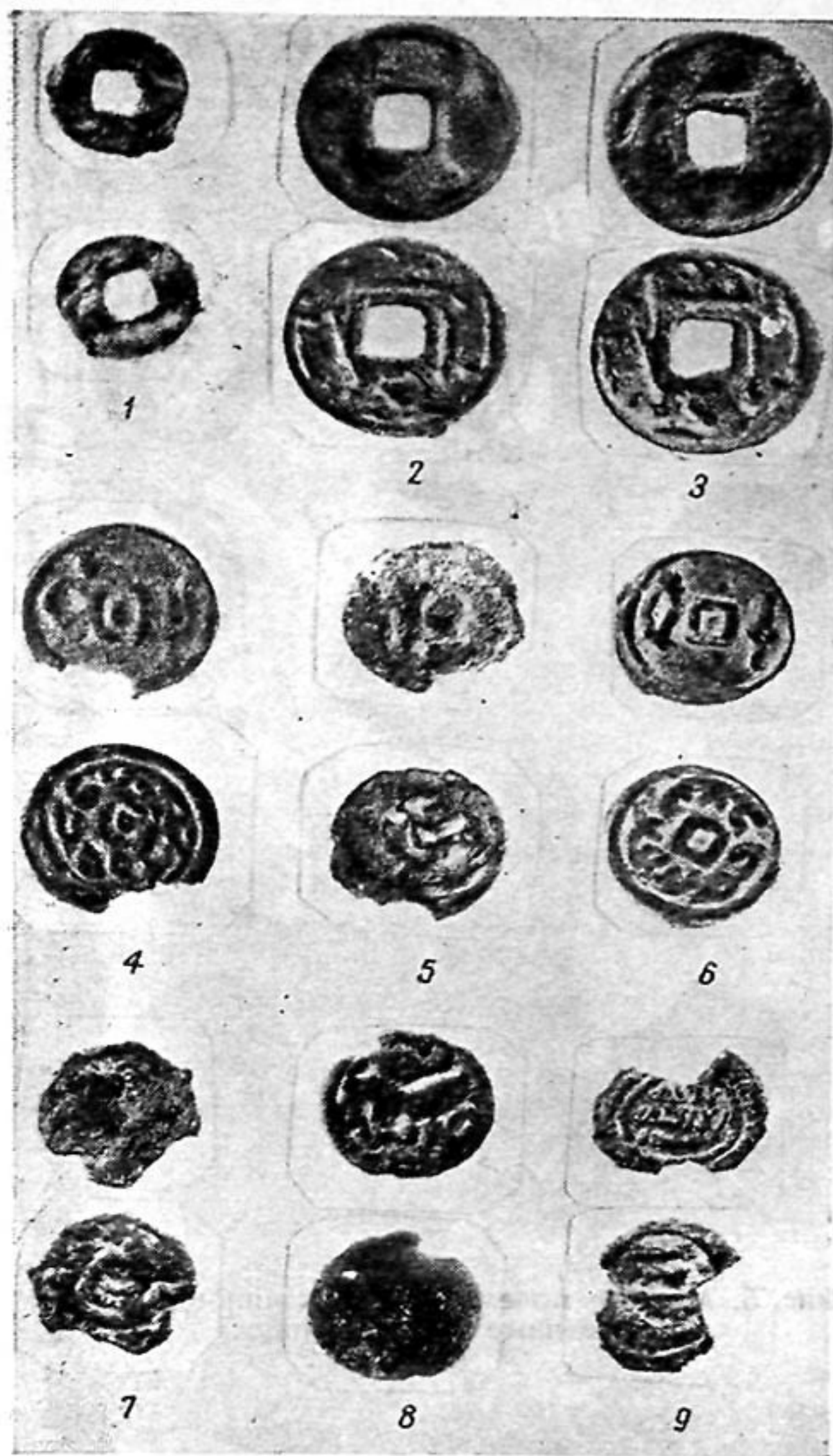
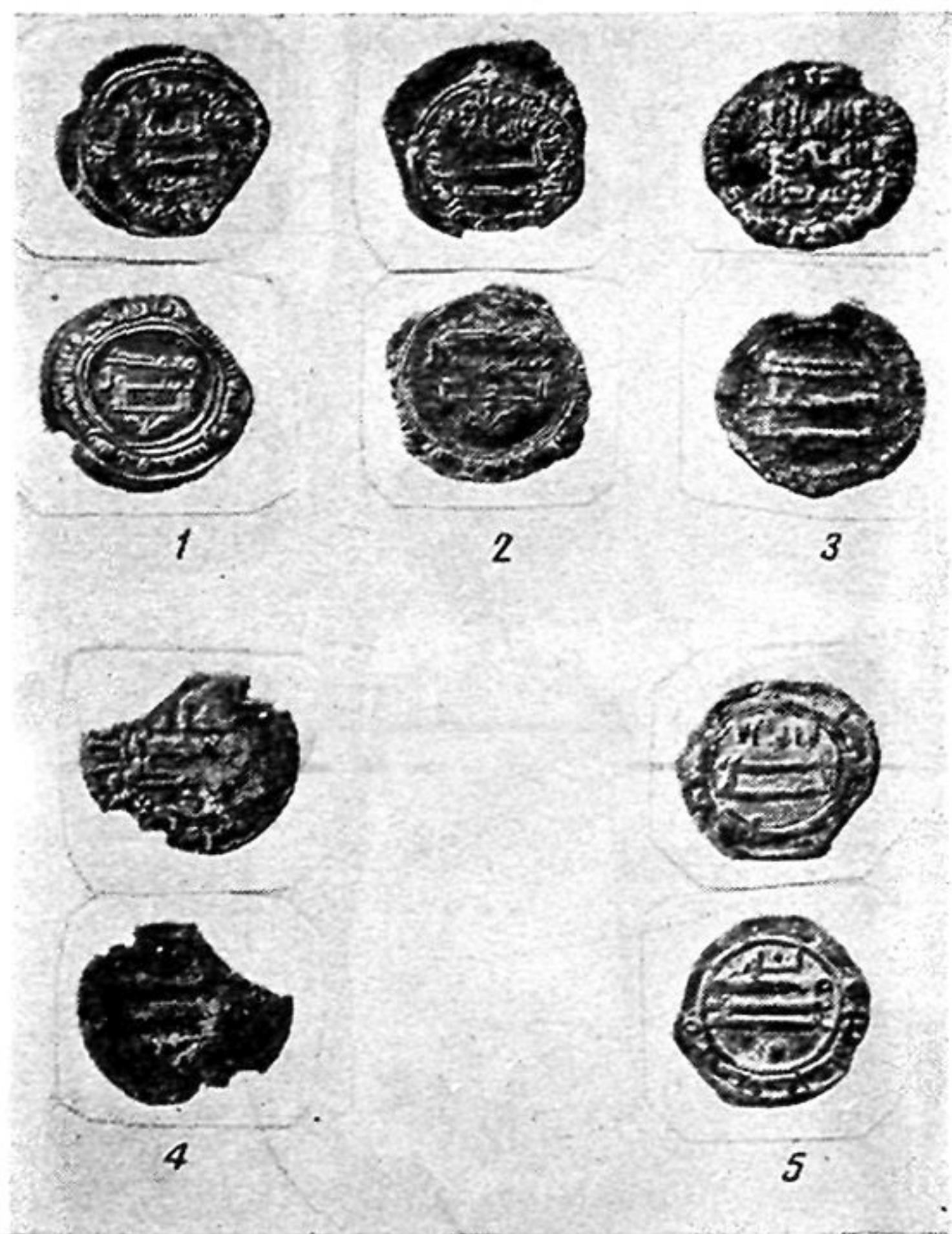

Рис. 4. Медные монеты самаркандских правителей VII—VIII вв.

**Рис. 5. Медные монеты арабских чиновников,
выпущенные в Самарканде.**

Рис. 6. Родовые (династийные) знаки на согдийских монетах

СОДЕРЖАНИЕ

Ш. С. Ташходжаев. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г.	3
Н. Х. Ташкенбаев. О находках каменных изделий на территории городища Афрасиаб	25
Г. В. Шишкина. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II)	28
Ю. Ф. Буряков. Некоторые материалы к исторической топографии шахристана Самарканда	52
С. К. Кабанов, М. И. Филанович, М. Х. Урманова. Раскопки части жилого массива IX—XI вв.	63
Ш. Шарахимов. Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда	84
Н. С. Гражданкина. Особенности технологии резного гипса Афрасиаба	90
Н. Б. Немцева. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда)	99
Э. В. Ртвеладзе, Ш. С. Ташходжаев, М. Н. Федоров. Нумизматические этюды	145
Т. С. Ерназарова. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.)	155

Афрасиаб

Выпуск III

Утверждено к печати

*Ученым советом Института истории и археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *В. Г. Кан*
Художественный редактор *Р. И. Кривошей*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *Л. Н. Дамаева*

Р05493. Сдано в набор 8/XII-1974 г. Подписано к печати 24/XII-1974 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типограф. № 1. Бум. л. 7,62. Печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 12,5. Изд. № 865. Тираж 2000.
Цена 1 р. 53 к. Заказ 250.

Типография Издательства „Фан“ УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

